ГЛАВА I.

Островскій

Александръ Николаевичъ, 1832—1886.

Содержаніе: Біографическая замѣтка. Мѣсто Островскаго среди первоклассныхъ отечественныхъ писателей. Общее содержаніе и значеніе его поэзіи. Впечатлѣніе его бытовыхъ комедій и драмъ. Основные—мужскіе и женскіе—типы въ этихъ сочиненіяхъ. Отличительныя особенности его драматическихъ хроникъ. Группировка сочиненій Островскаго. Художественное ихъ значеніе, по содержанію и формѣ.

Жизнь Островскаго не богата разнообразіемъ и блескомъ фактовъ внѣшняго значенія, но въ то же время высоко-поучительна, какъ непрерывный трудъ писателя на почвѣ роднаго слова,—на пользу и славу русской сцены, на воспитаніе мысли, сердца и вкуса многихъ и многихъ поколѣній. Первыя его сочиненія относятся, по времени, къ ранней его молодости, къ концу сороковыхъ годовъ, когда, тотчасъ по окончаніи ученія въ Московской гимназіи, онъ вполнѣ отдался литературнымъ занятіямъ въ редакціи журнала „Москвитянинъ“, гдѣ корректурою, мелкими статьями и перепискою зарабатывалъ до 15 руб. въ мѣсяцъ. Послѣднія же его произведенія совпадаютъ съ послѣдними годами его жизни, и ни одинъ изъ 35 лѣтъ творчества не остается безъ одного или нѣсколькихъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, оригинальныхъ или переводныхъ, драматическихъ произведеній. Смерть застала его за работой.

«Порвалась вѣщихъ думъ сверкающая нить.
Со взоромъ, какъ звѣзда горѣвшимъ въ мракѣ ночи,
Съ рукой простертою, чтобы творить,
Съ поднятой высоко и гордо головою,
Съ привѣтомъ свѣтлому, грядущему труду,—
Ты палъ, какъ падаетъ боецъ, грядущій къ бою,
Какъ падаетъ орелъ, сраженный на лету»...

Въ этихъ словахъ поэта ярко отразилось впечатлѣнье трагической кончины Островскаго. Такимъ образомъ, жизнь эта представляетъ непрерывный рядъ поэтическихъ трудовъ. Они чередуются съ прилежнымъ изученіемъ родной старины по историческимъ памятникамъ и—не менѣе прилежнымъ изученіемъ нравовъ современной, родной же, дѣйствительности тѣхъ общественныхъ слоевъ, которымъ Островскій посвятилъ свое творчество. На общемъ фонѣ его поэтической, плодотворной дѣятельности рѣзко выдѣляются, мѣстами, нѣкоторыя—то особенно темныя, то особенно свѣтлыя—черты. Темныя черты: весьма частыя, и для первоклассnаго дарованія неизбѣжныя, столкновенія во-первыхъ съ кривотолками нѣкоторыхъ недальновидныхъ критическихъ отзывовъ, и во-вторыхъ—съ неосновательными и несправедливыми притѣсненіями то цензуры, то театрально-литературнаго комитета. Эти притѣсненія иногда вносили столько отравы въ жизнь поэта, что онъ, при всей своей любви къ театру и его славѣ, бывалъ близокъ къ отчаянію, бывалъ готовъ бросить и перо, и театръ, и поэзію. Свѣтлыя черты: встрѣча одушевленныхъ и даровитыхъ разборовъ его сочиненій въ критическихъ статьяхъ А. А. Григорьева, Н. А. Добролюбова и П. В. Анненкова; частыя—и на столичныхъ, и на провинціальныхъ сценахъ—минуты чистаго восторга публики при представленіи лучшихъ комедій и драмъ Островскаго; выборъ его въ должность предсѣдателя утвержденнаго Правительствомъ Общества русскихъ драматическихъ писателей; еще большее нравственное удовлетвореніе—въ видѣ назначенія его на должность начальника репертуара въ Москвѣ, при чемъ ему довѣренъ не только Московскій Императорскій театръ, но и устройство театральнаго училища, на предположенныхъ имъ самимъ основаніяхъ; наконецъ, въ 1883 году, тридцатилѣтній юбилей поэтической дѣятельности нашего драматурга, давшаго отечественному театру около пятидесяти замѣчательныхъ пьесъ—цѣлый репертуаръ. Послѣднее свѣтлое торжество, т. е. юбилей, ознаменовано особенною, безцѣнною радостью: съ высоты Царскаго Престола даровано вниманіе къ заслугамъ Островскаго, какъ „писателя“, и такимъ образомъ, въ лицѣ его, служба искренняго таланта на литературномъ поприщѣ Высочайше признана какъ полезная служба отечеству. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ 1884 г. января 30-го именно напечатано: „Государь

Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра Императорскаго Двора, во вниманіе къ заслугамъ, оказаннымъ въ дѣлѣ русскаго драматическаго театра писателемъ А. Н. Островскимъ и въ поощреніе его полезной дѣятельности Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать ему, А. Н. Островскому, пожизненную пенсію по три тысячи рублей въ годъ".

Мѣсто Островскаго среди первоклассныхъ отечественныхъ писателей опредѣляется во-первыхъ его большимъ, глубокимъ поэтическимъ дарованіемъ, во-вторыхъ—національнымъ содержаніемъ его поэзіи, и въ-третьихъ—оригинальными достоинствами художественной формы его произведеній. Островскій—поэтъ-художникъ, поэтъ-реалистъ въ чистѣйшемъ значеніи этого слова. Къ нему вполнѣ подходятъ основныя черты, которыми еще Бѣлинскій—по поводу разбора сочиненій Гончарова—охарактеризовалъ такихъ поэтовъ. И Островскій, какъ всѣ они, „мыслитъ образами" и воспроизводитъ изображаемую дѣйствительность въ живыхъ, типическихъ образахъ. Онъ равно далекъ какъ отъ преднамѣренныхъ идей, такъ и отъ фотографическихъ снимковъ готовыхъ отдѣльныхъ фактовъ дѣйствительности. Вотъ почему въ сочиненіяхъ его нѣтъ такъ-называемой тенденціозности, а вездѣ живымъ ключомъ бьетъ поэтическая правда изображаемой дѣйствительности. Не копіи частныхъ, отрицательныхъ явленій русской жизни даетъ Островскій въ своихъ произведеніяхъ, а художественныя созданія, полные силы и значенія типы. Они богаты содержаніемъ, они много говорятъ сердцу и мысли читателя (или зрителя). Они властною рукою ведутъ читателя къ пониманію цѣлой изображаемой эпохи, или—значительныхъ слоевъ родной общественности. На созданіяхъ Островскаго оправдалось и то слово, которымъ Гоголь охарактеризовалъ творчество истинныхъ поэтовъ, у которыхъ довольно глубины душевной, чтобы „озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья" („*Мертвыя души*". Т. I. Гл. VII).

Національность содержанія во всѣхъ произведеніяхъ Островскаго составляетъ ихъ основную почву. На этой почвѣ стоитъ весь строй и смыслъ, вся сила и занимательность поэтическаго произведенія,—беретъ ли Островскій предметы изъ русской современности, или же изъ нашего отдаленнаго, историческаго прошлаго.

Въ огромномъ большинствѣ сочиненій Островскаго разработано содержаніе, взятое изъ тѣхъ именно слоевъ русской жизни, которые наименѣе разработаны у предшествующихъ, даже лучшихъ, отечественныхъ писателей. Это—слои купечества и мѣщанства. Купеческій и мѣщанскій міръ захваченъ Островскимъ въ самый любопытный моментъ, именно—между прежнимъ его состояніемъ, домостроевскимъ складомъ вѣрованій, понятій и обычаевъ, и новымъ состояніемъ, т. е. сравнительно недавними успѣхами отечественной образованности, которые, озаривши верхніе слои русской жизни, стали пробиваться свѣтлыми лучами и въ низменныя, темныя области русской семейственности и общественности. Этотъ, до послѣдняго времени, замкнутый міръ купечества и мѣщанства раскрытъ Островскимъ въ широкихъ, яркихъ, типическихъ картинахъ и, благодаря такому содѣйствію поэзіи, сразу и навсегда поступилъ богатымъ вкладомъ въ русскую художественную литературу. Кромѣ главнаго, господствующаго содержанія въ сочиненіяхъ Островскаго, въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ—во вторую половину его поэтической дѣятельности—встрѣчается и другое содержаніе: сюжеты изъ жизни мелкаго чиновничества и даже изрѣдка—дворянства и, вообще, средняго круга русской интеллигенціи. Наконецъ, въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ шестидесятыхъ годовъ, именно въ драматическихъ хроникахъ, широко и величественно развертывается картина отечественной исторической старины, преимущественно—смутной эпохи нашей исторіи, начала XVII столѣтія.

Общее впечатлѣніе бытовыхъ комедій и драмъ Островскаго, т. е. тѣхъ пьесъ, въ которыхъ раскрываются сильнѣйшія, типическія черты и явленія грубой и обособленной, недавно еще вполнѣ замкнутой, среды купечества и мѣщанства, очень тяжело. Въ нихъ на каждомъ шагу чувствуется угнетенное, приниженное положеніе одной категоріи дѣйствующихъ лицъ и угнетающее, подавляющее значеніе другой категоріи дѣйствующихъ лицъ. Своеобразный трагизмъ положеній замѣчается повсемѣстно: съ одной стороны, тѣ, которыхъ гнетутъ и давятъ, не имѣютъ возможности не только побѣдить гнета въ открытой борьбѣ, но даже и прямо вступить въ борьбу; съ другой стороны, тѣ, которые гнетутъ и давятъ, не по злодѣйству, а по тупости и невѣжеству понятій,

преданій и обычаевъ, не могутъ сознать своихъ заблужденій, сами являются жертвами своего невѣжества, и только развѣ въ рѣдкихъ случаяхъ, и то лишь сердечнымъ чутьемъ, пробиваются изъ своихъ потемковъ къ свѣту. И тогда становится вдругъ замѣтно, что и эти люди, по природѣ, не дурные и достойны соболѣзнованія и состраданья за ихъ умственную неразвитость, за ихъ нравственное убожество.

Въ бытовыхъ пьесахъ Островскаго очень рельефно выставлены два рода человѣческихъ отношеній: *семейныхъ* и *по имуществу*. Вотъ отчего завязки и самыя названія пьесъ вертятся преимущественно около семьи, жениха, невѣсты, мужа, жены, родителей и дѣтей, богатства и бѣдности. На этихъ же предметахъ происходятъ и всѣ столкновенія и катастрофы между двумя партіями лицъ: старшими и младшими, богатыми и бѣдными, угнетающими и угнетенными, самоуправными и безотвѣтными. Представителями первой партіи, въ большей части бытовыхъ пьесъ Островскаго, являются типы мужскіе. Это—люди богатые и властные, буйные самодуры, не желающіе, въ своей семейной средѣ, знать никакой управы надъ собой. Таковы самодуры: Большовъ («*Свои люди—сочтемся*»), Брусковъ («*Въ чужомъ пиру похмѣлье*»), Торцовъ («*Бѣдность не порокъ*»), Дикой («*Гроза*») и другіе. Впрочемъ, попадаются и женщины, напримѣръ: Уланбекова («*Воспитанница*»), Кабанова или Кабаниха («*Гроза*») и другія. Представителями послѣдней партіи, т. е. младшихъ, подневольныхъ, бѣдныхъ, угнетенныхъ физически и нравственно, являются безотвѣтные, безвластные женскіе типы и тѣ изъ мужскихъ, которымъ или еще не удалось, или никогда не суждено выбраться изъ своего угнетеннаго положенія. Таковы, напримѣръ: Любовь Гордѣевна («*Бѣдность не порокъ*»), Авдотья Семеновна («*Не въ свои сани не садись*»), Марья Андреевна («*Бѣдная невѣста*»), Надя («*Воспитанница*»), Катерина («*Гроза*»), Даша («*Не такъ живи какъ хочется*»), Митя («*Бѣдность не порокъ*»), Андрей («*Въ чужомъ пиру похмѣлье*») и другіе. По самому свойству содержанія въ этихъ пьесахъ заранѣе можно угадывать, какого рода столкновенія дѣйствующихъ лицъ могутъ происходить въ этой средѣ и какого рода послѣдствія отъ этихъ столкновеній неизбѣжны для партіи слабыхъ и угнетенныхъ. Подъ владычествомъ самодурства, для угнетенныхъ не остается никакого простора раз-

вивать свои способности, или хотя выразить ихъ открытымъ образомъ. Всѣ лучшіе человѣческіе порывы—къ свободѣ мысли и чувства, къ наукѣ и поэзіи—прижаты въ нихъ и задавлены. Борьбы открытой, честной здѣсь быть не можетъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ существо съ глубокими, возвышенными чувствами и сильною душой (напримѣръ, Катерина въ *«Грозѣ»*) въ преждевременной смерти ищетъ спасенія отъ этой безвыходной нравственной духоты. Въ большинствѣ же положеній совершается полное порабощеніе личности. А если и попадется натура болѣе живучая, то она затаитъ въ себѣ горечь и негодованіе, съежится и, крадучись, начнетъ потихоньку, воровски, съ оглядкою, при помощи безконечныхъ обмановъ, изворачиваться въ своей путаницѣ, выползать изъ-подъ своего задавленнаго положенія—къ свѣту и возможному простору. Безъ системы обмана и наживы тутъ нельзя обойтись: такъ учитъ здѣсь всѣхъ угнетенныхъ опытъ жизни. И вотъ всѣ и постоянно обманываютъ другъ друга: пріятель обсчитываетъ пріятеля (Пузатовъ Ширялова—*«Семейная картина»*), компаньонъ старается забрать въ свои руки всѣ деньги и документы, а своего патрона засадить въ яму, за долги (Подхалюзинъ Большова—*«Свои люди—сочтемся»*); тесть надуваетъ зятя приданымъ (Пузатовъ Ширялова—*«Семейная картина»*); мать преподаетъ сыну плутовство и обманъ въ торговлѣ, а палку и плетку въ семьѣ (тамъ же); женихъ обсчитываетъ и надуваетъ сваху (*«Свои люди—сочтемся»*); дочь-невѣста проводитъ отца и мать (*«Бѣдность не порокъ»* и *«Свои люди—сочтемся»*); жена обманываетъ мужа (*«Семейная картина»*, *«Не такъ живи какъ хочется»*) и т. д. И повсюду тутъ плутовство и обманъ. Добрыя и святыя начала нравственности отсутствуютъ потому, что въ изображаемой средѣ человѣческое достоинство задавлено, свобода личности не существуетъ, любовь и честь, правда и законъ—одни слова, о честномъ трудѣ никто не думаетъ. Въ мірѣ бытовыхъ пьесъ Островскаго тяжеле всего то, что всѣ самодурные герои и героини, общими силами, точно по уговору, воюютъ противъ всякаго нравственнаго и чистаго человѣка, чувствуютъ въ немъ свое обличеніе. Примиряющимъ, идеальнымъ началомъ въ этихъ же пьесахъ является объективная, поэтическая правда изображенія типовъ людей и психологическая вѣрность въ передачѣ основныхъ, человѣческихъ душевныхъ свойствъ и стремленій. Чувствуется глубокое знаніе авто-

ромъ этой среды, совершенное безпристрастіе въ выраженіи впечатлѣній отъ этой душной жизни и въ то же время—непоколебимая вѣра поэта въ непремѣнное торжество нравственнаго начала человѣческой природы, какъ только обстоятельства жизни перемѣнятся къ лучшему. Накопленія неправды, невѣжества, грубости, самоуправства развиваются, подъ перомъ поэта, съ такою неотразимой убѣдительностью, что въ душѣ читателя (или зрителя) сами собою, все полнѣе и отчетливѣе, складываются привлекательные образы такихъ людей, у которыхъ правда, просвѣщеніе, благородство и нѣжность чувствъ, уваженіе къ личности человѣка составляютъ основу ихъ собственной нравственной характеристики. Такимъ образомъ, пьесы Островскаго, такъ же какъ и небольшая семья художественныхъ произведеній лучшихъ нашихъ драматурговъ, служатъ высокому идеальному началу.

Въ историческихъ пьесахъ Островскаго, т. е. его драматическихъ хроникахъ, авторъ, оставаясь вѣрнымъ духу времени и историческихъ событій, даетъ волю своей творческой фантазіи, чтобы въ живыхъ, говорящихъ образахъ представить отдаленную эпоху въ болѣе наглядномъ видѣ, приблизить ее къ намъ, раскрыть передъ нами душевныя движенія замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей и черезъ посредство такихъ изображеній дать намъ почувствовать ихъ радости и печали, ихъ убѣжденья и стремленья, понять смыслъ и духъ родной старины. И картины народныхъ движеній, и развитіе характеровъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ участниковъ въ этихъ драматическихъ хроникахъ развертываются у Островскаго широко и производятъ впечатлѣніе величественное и глубокое. Оно становится особенно сильно и значительно въ тѣхъ мѣстахъ драмъ, гдѣ частные интересы, личныя страсти и стремленья блѣднѣютъ передъ движеніями народными, во имя основныхъ, всенародныхъ идеаловъ, въ моменты наибольшаго напряженія національныхъ силъ для рѣшенія задачъ народнаго, религіознаго, государственнаго значенія. Въ этомъ смыслѣ, драматическія хроники Островскаго, служа поэтическимъ цѣлямъ, въ то же время составляютъ яркое, художественное дополненіе и разъясненіе русской исторической науки.

Пьесы Островскаго различны по объему, содержанію, идеѣ и художественному значенію. Ихъ удобно расположить въ слѣдующихъ группахъ: 1) драматическія сцены или картины нравовъ; 2) быто-

выя, художественныя комедіи и драмы; 3) историческія драмы или драматическія хроники. Въ первой группѣ замѣчательны: *„Семейная картина“* 1847 г., — *„Утро молодаго человѣка“*, 1850, — *„Не сошлись характерами“*, 1858, — *„Тяжелые дни“*, 1863, — *„Пучина“*, 1866, — *„Трудовой хлѣбъ“*, 1874 и друг. — Во второй группѣ замѣчательны: *„Свои люди—сочтемся“*, 1850, — *„Бѣдность не порокъ“*, 1854, — *„Бѣдная невѣста“*, 1852, — *„Въ чужомъ пиру похмѣлье“*, 1854, — *„Доходное мѣсто“*, 1857, — *„Воспитанница“*, 1859, — *„Гроза“*, 1860, — *„Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“*, 1863, — *„Лѣсъ“*, 1871, — *„Безъ вины виноватые“*, 1883 и друг. — Въ третьей группѣ замѣчательны: *„Козьма Захарьичъ Мининъ-Сухорукъ“*, 1862, — *„Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“*, 1867, — *„Тушино“*, 1867. Кромѣ того, особнякомъ стоятъ у Островскаго переводы драматическихъ сочиненій съ итальянскаго (Теобальдо Чикони, Гольдони, Джіакометти), съ испанскаго (Сервантеса) и съ англійскаго (Шекспира). Смерть застала Островскаго за переводомъ третьяго акта трагедіи Шекспира *„Антоній и Клеопатра“*.

Кромѣ высокихъ художественныхъ достоинствъ въ сочиненіяхъ Островскаго: со стороны развитія драматическаго движенія, созданія характеровъ и типовъ, высокой занимательности драматическихъ положеній и драматической борьбы, пьесы его замѣчательны еще съ внѣшней стороны. Въ драматическихъ хроникахъ стихъ блещетъ сжатостью и силой, художественной простотой и картинностью. Еще замѣчательнѣе проза Островскаго. Это языкъ въ высшей степени оригинальный и яркій, типичный въ смыслѣ богатства формъ, эпитетовъ и оборотовъ чисто въ духѣ великорусскаго народнаго творчества. Этимъ колоритнымъ и могучимъ языкомъ Островскій овладѣлъ сразу и проявилъ его уже въ *„Семейной картинѣ“* и *„Своихъ людяхъ“*. Затѣмъ, во весь долгій періодъ поэтической дѣятельности Островскаго, во всѣхъ его бытовыхъ пьесахъ такой же сильный языкъ поражаетъ яркостью и національностью колорита. Русская Академія Наукъ два раза почтила произведенія Островскаго Уваровскою преміей, именно пьесы: *„Грозу“* и *„Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“*. Въ своемъ торжественномъ собраніи, 30 декабря 1886 года, Академія съ признательнымъ чувствомъ помянула большія литературныя и патріотическія заслуги Островскаго на поприщѣ оте-

чественной словесности и, оцѣнивая въ сжатой формулѣ поэтическое достоинство драмъ и комедій Островскаго, съ намѣреніемъ подчеркнула и заслуги языка его пьесъ, языка, «богатаго народными, типическими выраженіями и оборотами». Такой языкъ, какъ нельзя болѣе, стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ оригинальнымъ, національнымъ содержаніемъ и духомъ произведеній Островскаго.

ГЛАВА II.

Островскій.

Содержаніе: Общее замѣчаніе о драматической сценѣ «*Семейная картина*». Содержаніе пьесы. Характеристика дѣйствующихъ лицъ. Основные типы бытовыхъ комедій Островскаго изъ купеческаго быта.—Общее замѣчаніе о драматическихъ сценахъ «*Тяжелые дни*». Краткое содержаніе. Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Типическіе наброски купеческаго самодурства и разнаго темнаго люда изъ мелкихъ стряпчихъ и отставныхъ чиновниковъ—ходатаевъ по частнымъ дѣламъ.

Первый печатный трудъ Островскаго „*Картина семейнаго счастья*“ былъ помѣщенъ въ „*Московскомъ Городскомъ Листкѣ*“ (1847 г., № 60, 61) и подписанъ иниціалами „*А. О.*“. Въ измѣненномъ видѣ и подъ заглавіемъ „*Семейная картина*“ она перепечатана на страницахъ „*Современника*“ (1856 г. Т. VIII). Но и до этой перепечатки ее перечитала вся Москва. Во всѣхъ литературныхъ кружкахъ она возбудила много оживленныхъ толковъ: такъ она всѣхъ поразила смѣлыми набросками яркихъ характеровъ и необыкновенно типическимъ языкомъ дѣйствующихъ лицъ. Уже въ этой коротенькой сценѣ Островскій обозначилъ, въ общихъ чертахъ, основанія той жизни въ купеческомъ быту, которыя, въ послѣдующихъ своихъ бытовыхъ комедіяхъ и драмахъ, онъ раскрылъ шире и полнѣе. Вотъ эти основанія: общее невѣжество, угнетеніе слабыхъ, особенно женъ и дочерей, безобразныя отношенія самыхъ близкихъ между собою членовъ семьи, всеобщій обманъ и надувательство, какъ въ семейныхъ, такъ и въ общественныхъ дѣлахъ, наконецъ—вѣчная, затаенная вражда между младшими и старшими, между угнетенными и угнетателями.

Въ этой небольшой сценѣ участвуютъ шесть лицъ. Изъ нихъ типично обрисованы трое: хозяинъ дома—купецъ Антипъ Антипычъ Пузатовъ, его мать—Степанида Трофимовна, и пріятель его, купецъ же, Парамонъ Ферапонтычъ Ширяловъ. Завязка пьесы сама по себѣ совершенно ничтожна. Отъ безлюдья, отъ бездѣлья и скуки, сама хозяйка, Матрена Савишна, и сестра хозяина, дѣвица 19 лѣтъ, стараются придумать, куда бы имъ, хотя на нѣсколько часовъ, вырваться изъ душной домашней неволи. Это—въ началѣ пьесы. Въ концѣ же имъ дѣйствительно удается отпроситься ко всенощной въ Симоновъ монастырь; уѣзжаютъ же онѣ въ рощу—пить чай на вольномъ воздухѣ. Между этими крайними точками пьесы располагаются разговоры членовъ семьи Пузатова между собою, а потомъ—длинный разговоръ Пузатова же съ гостемъ, Ширяловымъ. Послѣдній досадуетъ и жалуется на сына своего—онъ называетъ его Сенькой,—который, по словамъ отца, оказывается совершенно безпорядочнымъ молодымъ человѣкомъ: дѣломъ торговымъ не занимается, проводитъ время въ кутежахъ съ подобными себѣ купеческими сынками и безпощадно проматываетъ отцовскіе доходы: „однѣхъ перчатокъ прошлую зиму на триста рублей забралъ—ей Богу, на триста!“ Старикъ Ширяловъ, желая, чтобы и по смерти его ничего не досталось сыну, задумалъ самъ жениться, и послѣ длинныхъ околичностей,—онъ сватается къ сестрѣ Антипа Антипыча.—По обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ видно, что *молодая* сторона въ пьесѣ не привлекательна: въ этой молодежи нѣтъ ни образованія, ни скромности, ни трудолюбія, ни порядочности. Лица же *старшей* стороны производятъ совсѣмъ отталкивающее впечатлѣніе. Это—уже созрѣвшіе типы; имъ никогда не перемѣниться къ лучшему. Какъ Пузатова, такъ и Ширялова авторъ раскрылъ преимущественно какъ купцовъ, торговцевъ; показалъ, какъ эти люди смотрятъ на свое дѣло и каковы ихъ понятія объ обязанностяхъ къ прочимъ людямъ. Вся теорія ихъ дѣла сводится къ самой короткой формулѣ: „не обмануть—не продать“. Антипъ Антипычъ щеголяетъ разсказомъ о томъ, какъ онъ „нѣмца Карла Ивановича рубликовъ на триста погрѣлъ“—просто отрекся отъ своего долга—и какъ „наши-то рядскіе животики надорвали со смѣху“. Съ своей стороны, Ширяловъ не съ меньшимъ удовольствіемъ разсказываетъ, какъ онъ

завѣдомо пустыми векселями надулъ своихъ же товарищей, а въ другой разъ, очень ловко и по выгодной цѣнѣ, сбылъ барынямъ совершенно гнилую штуку какой-то матеріи, чтобы „показать розницамъ-то своимъ (т. е. прикащикамъ), какъ торговать-то слѣдуетъ“. Такія понятія о торговлѣ не только не возмущаютъ женской половины семейства Антипа Антипыча, но заслуживаютъ полнѣйшее одобреніе матери его, 60-ти лѣтней Степаниды Трофимовны. Эта почтенная старушка является представительницей совершенно *домостроевскихъ* правилъ жизни. Она чуть не въ заповѣдь возводитъ старинное правило грубаго обращенія мужа съ женой. Она обращаетъ къ своему сыну такую назидательную рѣчь: „мы съ покойникомъ жили не вамъ чета: гораздо-таки полюбовнѣе, да все-таки онъ меня въ страхѣ держалъ, царство ему небесное! Какъ ни любилъ, какъ ни голубилъ, а въ спальнѣ, на гвоздикѣ, плетка висѣла про всякій случай“. Правила нравственности у нея тоже не многосложны: лишь бы человѣкъ каждый праздникъ въ церковь ходилъ и Великимъ постомъ пилъ чай не съ сахаромъ, а съ медомъ, или съ изюмомъ. А если въ торговлѣ „и обманетъ кого, такъ что за бѣда! не онъ первый, не онъ послѣдній; человѣкъ комерческій. Тѣмъ и торговля-то держится“. Въ такихъ правилахъ воспитался и сынъ ея. По уходѣ Ширялова, котораго онъ обнадежилъ согласіемъ своей сестры, онъ сказалъ: „только, Парамонъ Ферапонтычъ, насчетъ приданаго-то кто кого обманетъ— дѣло темное-съ. Мы тоже съ матушкой-то на свою рубу охулки не положимъ“...

Образцомъ и языка, и понятій, и взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ въ этой „Картинѣ“ лицъ могутъ служить, между прочимъ, слѣдующія 3 мѣста.

1. Антипъ Антипычъ высказываетъ своей матушкѣ мысли о Ширяловѣ, о томъ, что „онъ ужъ больно плутъ“. Мать, на это, развиваетъ ему мысль, что тѣмъ только торговля и держится. Антипъ Антипычъ, въ обстоятельномъ монологѣ, излагаетъ такіе взгляды и правила, которые, очевидно, составляютъ характеристику всего того круга людей, къ которому принадлежитъ самъ Антипъ Антипычъ. Вотъ этотъ монологъ. „Что говорить! Отчего не надуть пріятеля, коли рука подойдетъ. Ничего. Можно. Да ужъ, матушка, вѣдь, иногда и совѣсть зазритъ. *(Чешетъ затылокъ.)*

Право слово! И смертный часъ вспомнишь. *(Молчаніе.)* Я и самъ, коли гдѣ трафится, такъ не хуже его мину-то подведу. Да, вѣдь, я и скажу потомъ: вотъ, молъ, я тебя, такъ и такъ; помазалъ маненько. Вотъ въ прошломъ году, Савву Саввича, при расчетѣ, рубликовъ на пятьсотъ поддѣлъ. Да, вѣдь, я послѣ сказалъ ему: вотъ, молъ, Савва Саввичъ, промигалъ ты полтысячки, да ужь теперь, братъ, поздно, говорю, а ты, молъ, не зѣвай. Посердился немножко, да и опять пріятели. Что за важность!... Да недавно нѣмца Карла Ивановича рубликовъ на тристa погрѣлъ. Вотъ смѣху было! Матрена Савишна тряпья разнаго у него изъ магазина забирала, а онъ мнѣ счетецъ и выписалъ тысячи въ двѣ. А вотъ я думаю: неужли, молъ, нѣмцу всѣ деньги отдать? Какже, молъ, не такъ! Нѣтъ-съ, жирно будетъ. Вотъ и не додалъ ему рублей тристa съ небольшимъ. Остальные, говорю, мусье, послѣ. Хорошо, говоритъ, хорошо, какъ и путный. Да потомъ, сударыня ты моя, и началъ онъ приставать. Какъ встрѣтится, такъ только и словъ у него: а что жь деньги? Надоѣлъ до смерти. Какъ-то подъ сердитую руку подвернулся этотъ нѣмецъ. Что жь, говоритъ, деньги? Какія, говорю, деньги? Я тебѣ, братъ, отдалъ давно, и отстань ты отъ меня, Христа-ради. Вотъ и взбѣленился мой нѣмецъ. Это, говоритъ, купцу не хорошо; это, говоритъ, фальшь; у меня, говоритъ, въ книгѣ записано. А я говорю: да ты чортъ знаетъ что тамъ въ книгѣ-то напишешь—тебѣ все и плати! Такъ, говоритъ, русскій купецъ дѣлаетъ, нѣмецъ никогда; я, говоритъ, въ судъ пойду. Вотъ и толкуй съ нимъ, словно больной съ подлекаремъ. *(Смѣются.)* Поди, я говорю,—немного возьмешь! Потащилъ въ судъ. Что жь, матушка! вѣдь отперся, право, отперся. Говорю: знать не знаю, я ему заплатилъ. Что жь такое, что за важность!... Ужь что съ этимъ нѣмцемъ смѣху было—бѣда! Такъ и таращится: это, говоритъ, безчестно! А я ему послѣ-то и говорю: я бы тебѣ и отдалъ, Карлъ Иванычъ, да деньги, говорю, братъ, нужны. Наши-то рядскіе животики надорвали со смѣху. *(Смѣются.)* А то всѣ ему и отдать? Да за что это? Нѣтъ, ужь опосля честь будетъ. Они тамъ ломятъ цѣну, какую хотятъ, а имъ съ-дуру-то и вѣрятъ. И въ другой разъ то же сдѣлаю, коли векселя не возьметъ. Такъ я, матушка, вотъ какъ“.

2. Той же Степанидѣ Трофимовнѣ Ширяловъ повѣряетъ свои

семейныя скорби, свои сѣтованія на новыя требованія жизни, а больше всего—на своего взрослаго сына. „Ахъ, матушка, Степанида Трофимовна! вѣдь онъ у меня одинъ. И то подумаешь: надо малаго въ люди вывести. Нынче, матушка, не то время, какъ мы бывало: играешь до осьмнадцати лѣтъ въ бабки, а тамъ тебя женятъ, да и торгуй. Нынче неученаго-то дуракомъ зовутъ. Ишь ты, всѣ умны стали. Да и то, Степанида Трофимовна, вѣдь, у насъ состояньице порядочное, Богъ благословилъ. Что хорошаго станутъ говорить, что отъ этакого, молъ, капитала одного сына воспитать не могъ? Да и хуже-то другихъ быть не хочется. Послышишь: тотъ сына въ пиньсіонъ отдалъ, другой отдалъ, тотъ въ Комерческую Академію. Вотъ и свезли Сеньку въ пиньсіонъ. За годъ впередъ деньги отдалъ. А онъ мѣсяца черезъ три, сударыня ты моя, убѣгъ аттедова. Стали дома учить, учителя нанялъ дешевенькаго. Учитель какой-то оглашенный попался, вовсе непутный, сударыня ты моя! Сенька-то выпроситъ у матери деньжонокъ, да съ учителемъ-то либо въ трактиръ, либо въ Марьину рощу и закатятся... Прогналъ учителя, прогналъ, да вотъ теперь и маюсь съ Сенькой-то. То-есть, Господи! Господи! что это нынче за люди стали, такъ какіе-то развращенные!“

3. Степанида Трофимовна выговариваетъ сыну, что онъ до сихъ поръ не позаботился устроить сестру свою, 19-ти-лѣтнюю Машу, за хорошаго человѣка и при этомъ крѣпко стоитъ на томъ, что купцу не нужно заискивать у чиновничества, а лучше устраиваться въ своей собственной, купеческой же, средѣ. Антипъ Антипычъ не безъ ироніи возражаетъ на это, что и въ чиновничествѣ попадаются хорошіе люди. Степанида Трофимовна говоритъ: „Эхъ, голубчикъ! хорошій-то, который постепеннѣе, не возьметъ; тому надо мало-мало сотню тысячъ, а то двѣ, либо три; ну, а другіе, такъ хоть бы ихъ и не было совсѣмъ. Только-что чванится собой да благородствомъ своимъ похваляется: «я-де благородный, а вы мужики»; а самъ-то, вѣдь, голь какая-нибудь, такъ—выжига, прости Господи! Знаю я ихъ. Вотъ Лопатиха за благороднаго отдала, не спросясь добрыхъ-то людей. А я еще тогда самой-то говорила: „Эхъ, Максимовна, не садись, молъ, не въ свои сани: вспомянешь ты меня, да поздно будетъ“. Такъ что жъ?—Я, говоритъ, дѣтищу своему не врагъ; хочу, говоритъ, какъ все къ лучшему; все-таки, говоритъ, благородный,

а не купецъ: можетъ и дослужиться, и въ чины произойти. Да вотъ теперь хвать-похвать, анъ дыра въ горсти. И близокъ локоть-то, да не укусишь. Деньжонки-то, что дали, которыя пропилъ, которыя въ картишки проигралъ, сердешный! *(Вздыхаетъ.)* Я и на свадьбѣ-то была: банкетъ такой сдѣлали, упаси Господи! Покажите, говорю, жениха-то. Что жь, сударь ты мой, вотъ какъ теперь гляжу: маленькій да гнусненькій такой, да фрачишко-то на немъ этотъ натянутъ короткохвостый, весь какъ облизаный. Да вертится, прости Господи, какъ бѣсъ какой, на мѣстѣ не посидитъ. И на жениха-то не похожъ; чужой человѣкъ и не узнаетъ, ей-Богу, не узнаетъ. Только фалдочки трясутся. Тутъ же я и подумала: знать, молъ, вы, сердечные, хуже-то не нашли! *(Смѣются всѣ.)* Да нѣчего и говорить: всякій знаетъ. Ну, положимъ такъ: не всѣ же пьяницы, попадается и трезвый человѣкъ... такъ онъ тебя табачищемъ однимъ изъ дому выкуритъ, либо—грѣшное дѣло—по постамъ скоромное лопаетъ. *(Плюетъ.)* Фу ты мерзость какая, прости Господи!... Тамъ кто ихъ знаетъ, можетъ, они по службѣ-то своей у должности, и хорошіе люди, дѣльные, да намъ-то, сударь ты мой, дѣло неподходящее. То-ли дѣло, Маша, купецъ-то хорошій!“

Сцены изъ московской жизни, подъ названіемъ *„Тяжелые дни“* (1863), раскрываютъ довольно подробно нѣкоторыя типическія черты нравовъ невѣжественнаго московскаго купечества, съ его, въ недавнее время, дикими понятіями и о торговлѣ, и о семьѣ, и о законѣ, и о правдѣ. Рядомъ съ этими нравами, въ смѣломъ наброскѣ видны черты непривлекательной и жалкой среды мелкаго чиновничества, которое, потерявъ службу за разныя предосудительныя продѣлки, промышляетъ себѣ существованіе плутнями и вымогательствами. Эти изворотливые законники ловко эксплоатируютъ въ свою пользу безчинства и самоуправства тѣхъ людей, которые въ своихъ поступкахъ привыкли руководствоваться больше порывами своего необузданнаго нрава, нежели—правилами неизвѣстной имъ благовоспитанности.

Содержаніе этой сцены до крайности просто. Въ домѣ богатаго и своенравнаго купца, Тита Титыча Брускова, тоскливое недоумѣніе: самъ, т. е. Титъ Титычъ, уѣхалъ въ судъ по дѣлу о взысканіи съ кого-то изъ своихъ старыхъ должниковъ и слишкомъ долго не возвращается домой. Жена его (Настасья Панкратьевна) очень тре-

вожится и особенно потому, что мужъ уѣхалъ въ *понедѣльникъ*. Она говоритъ: „Кто поумнѣй-то насъ, какое ни будь у него необходимое дѣло, а въ понедѣльникъ не начнетъ. А мы не исполняемъ. Вотъ Китъ Китыча не уговоришь никакъ. А ужь сколько я разъ замѣчала, какъ онъ въ понедѣльникъ за какимъ важнымъ дѣломъ выѣдетъ изъ дому, такъ либо пьяный пріѣдетъ, либо безобразіе какое ужь непремѣнно сдѣлаетъ“. Сердце не обмануло Настасьи Панкратьевны. Дѣйствительно, понедѣльникъ оказался тяжелымъ днемъ. Хотя Титъ Титычъ дѣло выигралъ, судъ приговорилъ взыскать въ его пользу такія деньги, которыя Титъ Титычъ самъ „ужь давно пропащими считалъ“, но радость свою онъ выразилъ такъ широко и буйно, что угощеніе чиновниковъ и попойка въ Марьиной рощѣ окончились для Тита Титыча крупной непріятностью: онъ поколотилъ какого-то „барина“ (по фамиліи Перцова), который—непрошенный—все вертѣлся около пирующей компаніи и словно вызывалъ на непріятность. Плутъ-стряпчій (Мудровъ) и „баринъ“ (т. е. Перцовъ) спѣшатъ воспользоваться этой грубой выходкой Брускова, взыскать съ него триста тысячъ за безчестіе, но это имъ не удастся. Чиновникъ Досужевъ, имѣющій въ своихъ рукахъ доказательства, что Перцовъ не кто иной, какъ фабрикантъ подложныхъ документовъ, поворачиваетъ дѣло такимъ образомъ, что Брусковъ отдѣлывается пичтожною платою за безчестье „барина“ и за это посредничество Досужевъ, покровитель молодаго Брускова, Андрея, заставляетъ отца согласиться на бракъ Андрея съ любимою имъ дѣвушкой (Александрой Кругловой), изъ небогатой купеческой семьи.

Изъ дѣйствующихъ въ этой сценѣ лицъ отчетливѣе другихъ изображены характеры: Т. Т. Брускова, его жены и сына, а изъ чиновнаго элемента рѣзко выдѣляются типическія личности—Мудрова и Перцова. — Титъ Титычъ чистокровный самодуръ. У него одно правило: не стѣснять своего права, какъ захочется, такъ и поступить, а въ случаѣ взысканія—откупиться штрафомъ. „Не въ состояніи я, что-ли, заплатить?“ О нравственномъ правѣ онъ понятія не имѣетъ. Когда ему объясняютъ, что за личное безчестіе, нанесенное имъ Перцову, онъ долженъ уплатить „кто-нибудь“, Брусковъ отзывается такъ: „Это ничего! Это на счетъ, недорого! Это и въ другой разъ, коли случится“. Когда Досужевъ вынудилъ

Р 43.821

Библиотека
Ростов н/Д
им. К. Маркса

у него согласіе на бракъ его сына съ любимой дѣвушкой, Брусковъ и тутъ отстаиваетъ свое самодурство. Онъ говоритъ Досужеву: „Ты не подумай, что это я тебя послушалъ! Это я самъ. А еслибъ не я самъ, и никто-бъ меня на свѣтѣ... Слышишь ты: я самъ. Никто мнѣ ни указывать, ни приказывать не смѣетъ; что хочу, то у себя дома и дѣлаю!“

Настасья Панкратьевна (жена Брускова) и Андрей (сынъ его)— типическіе наброски личностей, совершенно неразвитыхъ и угнетенныхъ въ духотѣ своей семейной среды. Настасья Панкратьевна— совершеннѣйшая ограниченность. Въ характерѣ Андрея, при всей его неразвитости, пробивается хорошее, доброе, безкорыстное чувство привязанности къ бѣдной дѣвушкѣ, Александрѣ Кругловой. На этомъ чувствѣ онъ строитъ себѣ свое семейное счастье и вмѣстѣ съ тѣмъ—планъ какъ бы выбиться изъ-подъ отцовскаго гнета и зажить своимъ собственнымъ домомъ.

Мудровъ и Перцовъ—яркія иллюстраціи къ тѣмъ некрасивымъ нравамъ, которые авторъ изобличаетъ въ средѣ жалкаго мелкаго чиновничества, промышляющаго плутнею, обманомъ и подлогомъ. Мудровъ—человѣкъ заматерѣлый во всякихъ плутовскихъ продѣлкахъ. Авторъ характеризуетъ его словами: „стряпчій, пожилой человѣкъ“. Мудровъ пожилъ, насмотрѣлся на дѣйствительность, окончательно сложился въ опредѣленный характеръ. Онъ не смущается никакими обстоятельствами. Онъ не брезгаетъ даже грубымъ обращеніемъ съ нимъ Брускова. Онъ расчитываетъ даже изъ этой самой грубости извлечь для себя пользу. Вотъ сцена, въ которой видны взаимныя отношенія самодура-Брускова и стряпчаго-Мудрова. Брусковъ возвращается домой съ недоумѣніемъ — какъ теперь ему быть на судѣ, если потребуютъ къ отвѣту.

„**Тяжелые дни**“. *Дѣйст. 2, явл. 6.* Титъ Титычъ, Мудровъ, Настасья Панкратьевна и Андрей Титычъ.

Титъ Титычъ *(садится. Молчаніе.)*

Слышали?

Мудровъ.

Слышали, братъ, слышали. *(Молчаніе.)*

Титъ Титычъ.

Куда меня рѣшать? (*Молчаніе.*) Эй, ты, ябеда! Что жь ты молчишь? Съ тобой говорятъ, аль нѣтъ! Говори, не испугаюсь.

По дѣломъ мнѣ, окаянному. *(Молчаніе.)* Что ты молчишь, что глаза-то вытаращилъ?

Мудровъ.

Много ты денегъ заплатишь!

Титъ Титычъ.

А ты хлопочи! Ты отъ меня пользуешься, ты и долженъ... стараться.

Мудровъ.

Много ты денегъ заплатишь!

Титъ Титычъ.

Не твое дѣло! Ты, знай, пиши кляузы! Вотъ и все.

Мудровъ.

Нѣтъ ужь теперь намъ съ тобой кляузъ не писать; а на насъ писать будутъ.

Титъ Титычъ.

А ты имъ на отвѣтъ строчи.

Мудровъ.

Что?

Титъ Титычъ.

Пиши, что будто я... въ изступленіи ума.

Мудровъ.

Въ изступленіи ума? Ну, на цѣпь.

Титъ Титычъ.

Какъ такъ на цѣпь?

Мудровъ.

Такъ, на цѣпь. Для предупрежденія, чтобъ ты кого до смерти не убилъ.

Титъ Титычъ.

Нѣтъ, этого не надо. Ты пиши, что я... въ здравомъ разсудкѣ.

Мудровъ.

А въ здравомъ разсудкѣ, такъ въ смирительный домъ.

Титъ Титычъ.

Ну, такъ дѣлай, что знаешь: ты за это деньги берешь.

Мудровъ.

Одно дѣло теперь — скрываться.

Титъ Титычъ.

Скрываться?

Мудровъ.

Во всякомъ дѣлѣ это первое. Ты разсуди умомъ: если за тобой звѣрь лютый или сильный врагъ погонится, вѣдь, ты скрываешься?

Титъ Титычъ.

Скрываюсь.

Мудровъ.

Ну, такъ и это. Долженъ ли ты много, бѣду ли какую сдѣлалъ, значитъ, тебя ищутъ, преслѣдуютъ. Неужели ты такъ прямо и пойдешь: вотъ-дескать я, берите меня. Твоя натура заставляетъ тебя скрываться, законъ самосохраненія.

Титъ Титычъ.

Развѣ есть такой законъ?

Мудровъ.

Есть... Вотъ ты и ѣдешь, напримѣръ, въ Подольскъ, а изъ Подольска въ Москву, а изъ Москвы въ Звенигородъ, а изъ Звенигорода опять въ Москву. Пишутъ объ тебѣ въ Подольскую полицію; она отвѣчаетъ, что выѣхалъ въ Звенигородъ. Такъ ты и ѣзди, сколько хочешь. Надоѣстъ тебя искать-то.

Титъ Титычъ.

Это вѣрно, точно, что надоѣстъ.

Мудровъ.

А тутъ родственники со стороны сдѣлочку предложатъ, и на мировую; такъ дѣло-то пустяками и кончится.

Титъ Титычъ.

Это точно. Куда жь мнѣ теперь скрываться?

Мудровъ.

Ступай, ложись въ тарантасъ; вели лошадей заложить да и поѣзжай въ Косино, изъ Косина на Угрѣшу, потомъ въ Берлюки. Какъ Москвой поѣдешь, такъ вели себя закрыть.

Титъ Титычъ.

И ужь не выглядывать?

Мудровъ.

Ужь не выглядывай! А мы здѣсь за тебя отписываться станемъ.

Титъ Титычъ.

Только ты, смотри, пиши хорошенько.

Мудровъ.

Да денегъ мнѣ на расходы оставь!

Титъ Титычъ.

Ишь ты, крапивное сѣмя! А много тебѣ денегъ?

Мудровъ.

Тысячъ пять.

Титъ Титычъ.

Гоните его вонъ!

Мудровъ.

Вѣдь, съ тебя триста просятъ.

Титъ Титычъ.

Гоните его, говорю я вамъ. Пошелъ вонъ! Я и безъ тебя помирюсь.

Мудровъ.

Ну, ужь это — шалишь! Ты будешь драться, да потомъ самъ мириться, а я не причемъ, я своихъ доходовъ долженъ лишиться! Нѣтъ, братъ. Я не дамъ помириться, я разобью.

Титъ Титычъ.

Гоните его вонъ сейчасъ!

Мудровъ.

Я пойду. Только если ты опять пришлешь за мной, такъ десять заплатишь. (*Уходитъ.*)

Перцова авторъ рекомендуетъ словами: „служилъ въ какой-то службѣ, теперь давно въ отставкѣ, праздношатающійся человѣкъ“. Изъ всѣхъ лицъ, выведенныхъ въ пьесѣ „*Тяжелые дни*“, лицо Перцова изображено авторомъ съ наибольшею, сатирическою строгостью. Праздношатайство, отсутствіе правильныхъ и порядочныхъ занятій, отсутствіе элементарныхъ нравственныхъ понятій и правилъ, а съ другой стороны — купеческая среда съ ея простодушнымъ невѣжествомъ, первобытной грубостью и самодурствомъ — все это, вмѣстѣ взятое, обусловливаетъ собою возможность существованія и даже нѣкотораго благосостоянія и самоувѣренности этихъ самыхъ Перцовыхъ. Перцовъ не только успѣшно пользуется случаями обмануть довѣрчивость, взыскать за безчестіе, но не стѣсняется сочиненіемъ фальшивыхъ векселей и другихъ подложныхъ документовъ. Цинизмъ этой личности выражается очень беззастѣн-

чиво въ томъ мѣстѣ, гдѣ; изобличенный Досужевымъ, онъ еще твердитъ о своемъ чиновномъ „благородствѣ“ и довольно витіевато старается оправдать свою плутовскую систему дѣйствій. „Я очень хорошо понимаю мое ослѣпленіе“—говоритъ онъ Досужеву;—„но войдите въ мое положеніе—и вы поймете всѣ фибры души моей, которыя подвигнули мою совѣсть дѣйствовать безъ зазрѣнія. Имѣя возможность жить подъ покровомъ благодѣянія моихъ родныхъ, я оставилъ службу; но, хотя я и предался бездѣйственной и праздной жизни, все-таки, они не должны забывать, что я имѣю благородное званіе, которое пріобрѣлъ на поприщѣ службы“. (Дѣйствіе 1, явленіе 2.)

ГЛАВА III.

Островскій.

Содержаніе: Разборъ комедіи «*Свои люди—сочтемся*» (1850). Общее замѣчаніе о пьесѣ. Подробное содержаніе комедіи. Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Самсона Силыча Большова, Подхалюзина и Липочки. Общее впечатлѣніе, художественное и общественное значеніе комедіи. Отрывки.

«*Свои люди—сочтемся*» (1850)—одно изъ наиболѣе художественныхъ произведеній Островскаго. Въ этой комедіи съ полной законченностью поставленъ на сцену тотъ самый міръ, который потомъ, по частямъ, разработанъ авторомъ въ другихъ бытовыхъ комедіяхъ и драмахъ. Яркое, типическое воспроизведеніе нравовъ изобличаемой среды возбудило живѣйшій восторгъ въ литературныхъ кружкахъ и, вообще, въ образованной части русскаго общества. Но это же самое обстоятельство было причиною, что современное московское купечество обидѣлось, и своимъ вліяніемъ достигло того, что мѣстное начальство нѣсколько лѣтъ не допускало постановки новой комедіи на сцену. Хотя «*Свои люди*» сразу доставили Островскому заслуженную литературную извѣстность, но не эта, а другая его комедія, именно «*Не въ свои сани не садись*» (1853) первою попала на театральную сцену.

Комедія «*Свои люди—сочтемся*» состоитъ изъ четырехъ дѣйствій. Содержаніе ея слѣдующее.

Дѣйствіе первое начинается монологомъ Липочки, дочери бога-

таго купца, Большова. Въ этомъ монологѣ Липочка мысленно восхищается танцами и мечтаетъ выйти за военнаго. Далѣе въ разговорахъ—то съ матерью, то съ нянею, то со свахою—Липочка не разъ высказываетъ досаду, что «всѣ подруги съ мужьями давно», она же «словно сиротка какая; въ цѣлой Москвѣ не могли выбрать жениха». Подъ конецъ дѣйствія является стряпчій, Рисположенскій, потомъ—самъ хозяинъ, т. е. Большовъ, и наконецъ—старшій его прикащикъ, Лазарь Подхалюзинъ. Рисположенскій увивается около Большова въ ожиданіи, нельзя ли состряпать ему какое-нибудь дѣльце и самому отъ него попользоваться, такъ какъ у него, у стряпчаго, «семейство большое, дѣлишки маленькія». По уходѣ Рисположенскаго, Большовъ—сначала обиняками, а потомъ откровенно—даетъ понять прикащику, что онъ задумалъ объявить себя несостоятельнымъ и предложить кредиторамъ по 25 коп. за рубль. Подхалюзинъ подаетъ своему «благодѣтелю» такой совѣтъ: «а ужь по мнѣ, Самсонъ Силычъ, коли платить по двадцати-пяти, такъ пристойнѣе совсѣмъ не платить». Большову такой совѣтъ по душѣ, и онъ уполномочиваетъ прикащика дѣйствовать и, въ случаѣ успѣха, обѣщаетъ наградить его на всю жизнь. Такимъ образомъ, завязкою всей пьесы является умышленное, злостное банкротство, т. е. такое преступленіе, за которое законъ наказываетъ лишеніемъ правъ состоянія и ссылкою въ Сибирь.

Дѣйствіе второе. Въ монологѣ Подхалюзина раскрываются тайные замыслы прикащика поддѣть своего довѣрителя и самому себѣ извлечь какъ можно больше выгодъ изъ фальшивой несостоятельности Большова. Подхалюзинъ расчитываетъ опутать Большова сѣтью обмановъ, завладѣть его домомъ и лавками, а потомъ жениться на Олимпіадѣ Самсоновнѣ. Эта послѣдняя надежда такъ его плѣняетъ, что онъ восклицаетъ, въ избыткѣ чувства: «Да отъ этого удовольствія съ Ивана-Великаго спрыгнуть можно!» Такимъ образомъ, въ этомъ дѣйствіи къ общей завязкѣ комедіи, т. е. злостному банкротству, примѣшивается еще дополнительная завязка, т. е. хитрый замыселъ Подхалюзина—повернуть всю затѣю Большова исключительно въ свою собственную пользу. Подхалюзинъ не медлитъ ни минуты. Въ этомъ же второмъ дѣйствіи онъ искусно подкупаетъ и стряпчаго, и сваху—дѣйствовать въ его пользу. Этого мало: онъ и хозяина настраиваетъ такъ, что тотъ переводитъ на

него все имѣніе и, кромѣ того, обѣщаетъ выдать за него Липочку.

Дѣйствіе третье. Все такъ исполняется, какъ подготовилъ Подхалюзинъ. Торжественно, при женѣ, свахѣ и стряпчемъ, Большовъ объявилъ, что онъ выдаетъ свою дочь за Лазаря и на восклицаніе жены: «что ты! что ты! опомнись!» прибавилъ: «Знай сверчокъ свой шестокъ! Не твое дѣло! Ну, Липа! Вотъ тебѣ женихъ! Прошу любить да жаловать. Садитесь рядкомъ, да потолкуйте ладкомъ—а тамъ честнымъ пиркомъ, да за свадебку». Въ слѣдующей за этимъ сценѣ разговора жениха съ невѣстою Подхалюзинъ успѣваетъ совершенно расположить Олимпіаду Самсоновну въ свою пользу. Это ему удается посредствомъ рѣшительнаго обѣщанія Липочкѣ жить по своей волѣ и притомъ *по модѣ*, а не по-старинному, какъ живутъ отецъ и мать. Дѣйствіе оканчивается сценой сговора. Отецъ «на радости» отдаетъ Лазарю все свое имущество, только назначаетъ заплатить кредиторамъ—по десяти коп. за рубль.

Дѣйствіе четвертое представляетъ развязку всѣхъ узловъ комедіи. И Подхалюзинъ, и жена его находятся на верху благополучія: Олимпіада Самсоновна весь день занята нарядами, шелкомъ бархатомъ и кружевами, а Лазарь Елизарычъ не наглядится на жену и восхищается при мысли, какъ они въ воскресенье поѣдутъ въ Сокольники—въ тысячной колясцѣ и на тысячныхъ лошадяхъ, въ сбруѣ накладнаго серебра.—Съ свахой и со стряпчимъ Подхалюзинъ поступаетъ такъ, какъ и слѣдовало ожидать, т. е. немилосердно обсчитываетъ ихъ обоихъ и съ насмѣшкою выпроваживаетъ изъ дому. За это несчастный Расположенскій называетъ его «грабителемъ», а сваха грозитъ «распечатать» молодыхъ по всей Москвѣ, разславить такъ, «что стыдно будетъ въ люди глаза показать».—Старикъ Большовъ посаженъ «въ яму», т. е. находится подъ арестомъ, пока конкурсное управленіе приводитъ въ извѣстность его дѣла. Кредиторы удовлетворились бы, если бы Большовъ заплатилъ имъ по 25 коп. за рубль; но Лазарь Елизарычъ никакъ не соглашается дать больше десяти. Ни строгія рѣчи старика, ни слезы и проклятія жены его не трогаютъ ни Лазаря, ни Липочки. Но правосудіе поражаетъ плута Подхалюзина въ такую минуту, когда ему казалось, что всѣ слѣды плутни спрятаны искусно. Конкурсъ открылъ главное участіе Подхалюзина въ дѣлѣ злостнаго банкротства Большова. Въ концѣ дѣйствія въ домъ Лазаря Елизарыча является квар-

тальный. «По предписанію начальства»—говоритъ онъ—«я долженъ васъ представить къ слѣдственному приставу по дѣлу о скрытіи имущества несостоятельнаго купца Большова». Подхалюзина уводятъ подъ арестъ, въ острогъ. Расположенскій провожаетъ его словами: «Теперь отольются тебѣ мои слезы; прогуляешься въ Сибирь!»

По содержанію и ходу пьесы видно, что злостное банкротство купца Большова составляетъ главный предметъ всей комедіи. Съ этимъ предметомъ связаны, такъ или иначе, интересы всѣхъ лицъ. Изъ этихъ лицъ важнѣйшія: купецъ Самсонъ Силычъ Большовъ, главный прикащикъ его—Лазарь Елизарычъ Подхалюзинъ, и дочь Большова—Липочка.

Большовъ—живой, полный типъ богатаго купца-самодура. Онъ образованія никакого не получилъ. Поэтому онъ не только не понимаетъ, въ чемъ заключаются обязанности человѣка передъ обществомъ, но просто-на-просто считаетъ себя внѣ всякихъ нравственныхъ правилъ. Такія правила онъ признаетъ обязательными только для другихъ. Себя самого Большовъ считаетъ единственнымъ закономъ и средоточіемъ всего, до чего только досягаетъ его власть. Въ домѣ, напримѣръ, всѣ передъ нимъ трепещутъ, отъ мальчика, Тишки, и до жены, Аграфены Кондратьевны. Его деспотизмъ тяготѣетъ надъ всѣми домашними безъ разбору. Вотъ отчего, въ трудную минуту, сглаживается различіе чиновъ и званій: мать, дочь, кухарка, хозяйка, мальчишка, прикащикъ—все это сливается въ одну, угнетенную, партію; у всѣхъ забота одна—какъ бы ускользнуть отъ общей опасности. Жену Большовъ въ глаза называетъ *старой коргой*; о дочери говоритъ: „мое дѣтище: хочу—съ кашей ѣмъ, хочу—масло пахтаю“. Нравственныхъ убѣжденій у Большова нѣтъ никакихъ, да и не откуда имъ взяться. Это очень важное обстоятельство. Имъ объясняется, почему Большовъ такъ спокойно и увѣренно дѣйствуетъ по своему собственному правилу. А правило его вотъ какое: какъ бы лучше самому устроиться на счетъ ближняго, а ужь ближній пеняй на себя за оплошность. „Отчего не надуть пріятеля, коли рука подойдетъ? Ничего, можно“. Такъ говоритъ Пузатовъ въ комедіи „*Семейная картина*“. Такое же правило и у Большова. На такомъ взглядѣ на жизнь и построенъ планъ его банкротства. Замѣчательны мо-

тивы банкротства: Большовъ не потому не платитъ денегъ, что нечѣмъ; напротивъ, денегъ у него много; а просто—„не хочется“ платить. Да кромѣ того, Большовъ знаетъ, что и многіе поступаютъ такъ же и за то считаются въ свѣтѣ опытными и ловкими. А тутъ кстати стряпчій Расположенскій подтверждаетъ то же самое: „вѣдь не вы первый, Самсонъ Силычъ, не вы послѣдній; нешто другіе-то не дѣлаютъ?“ Эти слова до того успокоиваютъ Большова, что онъ съ полной увѣренностью рѣшаетъ: „этакъ-то лучше; только напусти Богъ смѣлости“. Ясно, что Большовъ вовсе не понимаетъ, что онъ дѣлаетъ преступленіе, обманываетъ, а, можетъ быть, и раззоряетъ честныхъ людей. У Большова совершенно особыя понятія объ обществѣ, о законѣ, о религіи и, вообще, о нравственныхъ предметахъ. На общество онъ глядитъ какъ на враждебный станъ. Чѣмъ другимъ красть, такъ лучше я украду: такова мораль Большова. Законъ для него представляется чѣмъ-то внѣшнимъ, какимъ-то юридическимъ препятствіемъ къ исполненію его прихоти. И Большовъ нисколько не уважаетъ этого нравственнаго начала, онъ можетъ легко обойти его. Какъ у всѣхъ нравственно-неразвитыхъ людей, у Большова нѣтъ религіи, нѣтъ никакого внутренняго голоса, который предостерегалъ бы его отъ неправды. Когда Лазарь замѣчаетъ Большову: „а ужь по мнѣ, Самсонъ Силычъ, коли платить по 25, такъ пристойнѣе совсѣмъ не платить“, Большовъ отвѣчаетъ: „а что? вѣдь и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихимъ-то манерцемъ дѣльце обдѣлать. *Тамъ послѣ суди Владыко на второмъ пришествіи*“. Вотъ религія Большова. Онъ не въ состояніи подумать о внутренней сторонѣ своего поступка, т. е. о томъ злѣ, которое онъ сдѣлалъ людямъ и обществу. Это не приходитъ ему въ голову даже тогда, когда его посадили „въ яму“. Онъ толкуетъ, что ему страшно на Иверскую взглянуть; жалуется, что мальчишки на него пальцами указываютъ; боится, что въ Сибирь сошлютъ, а о людяхъ, которыхъ онъ раззорилъ своимъ злостнымъ банкротствомъ, все-таки ни слова.

При всемъ своемъ нравственномъ безобразіи Большовъ вызываетъ въ душѣ зрителя чувство не злобы, а сожалѣнія. Авторъ развилъ этотъ характеръ во всѣхъ подробностяхъ и съ тонкимъ умѣньемъ. Онъ выставилъ передъ зрителемъ душу своего героя,

самыя затаенныя его мысли, самое зарожденіе его желаній. И мы видимъ, что какъ во время обдумыванія своего безчестнаго банкротства, такъ и вообще во всѣхъ своихъ поступкахъ, и въ обращеніи съ семьей и съ постороннимп, Большовъ не имѣетъ въ душѣ ни тѣни злости или коварства; все въ немъ въ высшей степени просто, добродушно, глупо! Мы видимъ, что Самсонъ Силычъ вовсе не злодѣй, а—своенравный неотесанный невѣжда. Смолоду въ немъ заглушены симпатичныя стороны его природы и не развито никакихъ нравственныхъ понятій. Потому-то онъ и живетъ безъ размышленія, а такъ, какъ живется; самодурствуетъ потому, что никто не противодѣйствуетъ; надуваетъ потому, что *ему* выгодно. Въ законѣ онъ видитъ не представителя высшей правды, а—камень на дорогѣ. Совѣсть у него не внутренній голосъ, а насмѣшки прохожихъ, опасеніе ссылки. Грубость его такова, что даже несчастіе не образумило его и не пробудило въ немъ человѣческихъ чувствъ. Большовъ выводитъ только одно: „сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнетъ“, т. е. осуждаетъ себя за то, что не умѣлъ вполнѣ ловко обдѣлать дѣльце. Однимъ словомъ, безобразная дѣятельность Большова происходитъ не оттого чтобы низости и преступленія лежали въ природѣ его, а оттого, что въ немъ вовсе не воспитанъ человѣкъ. Большовъ прожилъ свой вѣкъ подъ такими вліяніями, при такихъ обстоятельствахъ, которыя отчасти задержали, отчасти совсѣмъ исказили правильное развитіе въ немъ нравственной личности.

Подхалюзинъ тоже не имѣетъ въ себѣ ничего злодѣйскаго. Это—вторая, низшая инстанція будущаго самодура, плутъ сознательный, мошенникъ умный. Онъ не очертя голову кидается въ обманъ, онъ обдумываетъ свои предпріятія и старается подыскать имъ нравственную физіономію, соблюсти видимую, юридическую добросовѣстность. Подхалюзинъ—такой именно плутъ, какихъ воспитало русское купеческое самодурство. Онъ весь вѣкъ дѣйствуетъ по мелочамъ, обмѣриваетъ и надуваетъ, считая это принадлежностью торговли. Только когда вышелъ случай необыкновенный, Подхалюзинъ остановился и сталъ соображать, какъ имъ лучше воспользоваться. Тутъ онъ испыталъ въ душѣ даже нѣкоторую тревогу, какъ видно изъ монолога его во второмъ дѣйствіи: „Какъ теперь это дѣло разсудить надо?“—спрашиваетъ онъ себя въ задумчивости,—„говорятъ,

надо совѣсть знать! Да, извѣстное дѣло, надо совѣсть знать, да въ какомъ это смыслѣ понимать надо? Противъ хорошаго человѣка у всякаго есть совѣсть; а коли онъ самъ другихъ обманываетъ, такъ какая же тутъ совѣсть?“ И выводитъ онъ, наконецъ, такой смыслъ во всемъ этомъ осложненіи обстоятельствъ, что ему, Подхалюзину, попользоваться въ этомъ дѣлѣ даже чѣмъ-нибудь липнимъ—нѣтъ грѣха никакого, и жалѣть хозяина нѣтъ никакой надобности. „Вышла“—говоритъ—„линія, ну и не плошай; онъ свою политику ведетъ, а ты свою статью гони“. И вотъ, гонитъ онъ эту „статью“ именно потому, что не знаетъ другаго способа выбиться изъ-подъ гнета на свѣтъ и просторъ. Онъ идетъ тѣмъ путемъ, какой ему преподанъ хозяиномъ. Какъ только добьется Подхалюзинъ богатства, онъ непремѣнно повторитъ Большова. Въ сценѣ объясненія съ Липочкой, гдѣ Лазарю удастся склонить Липочку на бракъ съ нимъ, онъ безъ-околичностей высказываетъ ей свою задушевную мысль: „мы, Алимпіада Самсоновна, какъ только сыграемъ свадьбу, такъ перейдемъ въ свой домъ-съ. А ужь имъ-то командовать не дадимъ-съ. Нѣтъ, ужь теперь кончено-съ. Будетъ съ нихъ,—*почудили на своемъ вѣку, теперь намъ пора!*“ Въ Подхалюзинѣ есть даже черты привлекательныя: онъ человѣкъ не черствый, Липочку онъ любитъ искренно, хотя и выражаетъ свою любовь неуклюже, какъ-то грубовато, что, впрочемъ, понятно, при общей нравственной неотесанности этого героя.

Въ Липочкѣ, какъ существѣ молодомъ и съ внѣшней стороны привлекательномъ, нравственная грубость, неотесанность производитъ еще болѣе тягостное впечатлѣніе, нежели въ характерахъ старшихъ членовъ семьи Большова. Ея обращеніе и съ свахою, и съ Подхалюзинымъ, и съ матерью въ началѣ пьесы, и особенно съ отцомъ, въ послѣднемъ актѣ, проникнуто совершенной грубостью, безсердечіемъ. Эти черты въ ея нравѣ поставлены и выдержаны авторомъ въ такой мѣрѣ, что передъ нами живой типъ, безъ малѣйшаго шаржа или карикатурности. Липочка—вѣрная, точная представительница той среды, въ которой она выросла, тѣхъ понятій и обычаевъ, которыми воспиталась. Существо холодное, умственно-ограниченное, съ неразвитымъ сердцемъ и съ прирожденною мелочностью, она такъ все время и остается личностью жалкою, нравственно-убогою, а иногда—прямо комическою, напримѣръ, въ

тѣ моменты, гдѣ она матери своей говоритъ: „выросла да посмотрѣла на свѣтскій тонъ, такъ и вижу, что я гораздо другихъ образованнѣе“, или къ разговору съ Подхалюзинымъ приплетаетъ французскія фразы, въ родѣ: „комъ ву зетъ жоли“.

Къ первокласснымъ поэтическимъ достоинствамъ этой комедіи Островскаго относятся: 1) внимательная, тонкая обработка характеровъ и главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и даже—лицъ второстепенныхъ, напримѣръ: стряпчаго Расположенскаго, свахи Наумовны, няни Ѳомишишны; 2) естественность и занимательность драматическихъ положеній и столкновеній; 3) живость и быстрота развитія драматическаго дѣйствія; 4) яркій, картинный, типическій языкъ.

Какъ комедія общественныхъ нравовъ, эта пьеса Островскаго стоитъ рядомъ съ другими, замѣчательнѣйшими драматическими произведеніями отечественной литературы, напримѣръ, комедіями *„Горе отъ ума“* и *„Ревизоръ“*. Пьеса *„Свои люди—сочтемся“* вводитъ зрителя (или читателя) въ пониманіе духа изображаемаго времени въ средѣ нашего купечества. Въ живыхъ образахъ, при отсутствіи малѣйшей искусственности въ постройкѣ своей пьесы и интересовъ дѣйствующихъ въ ней лицъ, авторъ такъ приближаетъ къ намъ эту эпоху, что мы какъ будто читаемъ въ душѣ дѣйствующихъ лицъ ихъ намѣренья и цѣли, можемъ прослѣдить ихъ дѣйствія отъ момента зарожденія въ душѣ ихъ перваго порыва до полнаго достиженія ими осуществленія своихъ завѣтныхъ желаній. Подъ тройнымъ наслоеніемъ всякихъ предразсудковъ, необразованности, невоспитанности герои Островскаго все-таки не теряютъ своего человѣческаго подобія. Авторъ умѣетъ доискаться человѣчности въ этихъ непривлекательныхъ фигурахъ. И оттого именно, что они—живые люди, а не ходульныя, трагическія фигуры — злодѣи, они окончательно представляются жалкими жертвами своего времени, своей среды, бѣдной средствами для умственнаго и нравственнаго развитія. Сила общественнаго значенія пьесы Островскаго обнаруживается двумя важнѣйшими вліяніями на читателя или зрителя: во-первыхъ, становится ясно и осязательно, что низости и преступленія не лежатъ въ природѣ человѣка, а налегаютъ на него постепенно — при отсутствіи правильнаго образованія и воспитанія; во-вторыхъ, становится ясно и то, что выведенные въ такихъ комедіяхъ типы вызываютъ состраданіе къ нимъ

почти въ такой же мѣрѣ, въ какой мѣрѣ вызывается досада и негодованіе на тѣ обстоятельства жизни, которыя извращаютъ воспитаніе человѣка, дѣлаютъ человѣка существомъ нравственно-безобразнымъ, комичнымъ и презрѣннымъ.

Образцомъ типическаго языка и живаго развитія дѣйствія въ моменты наибольшаго напряженія интересовъ дѣйствующихъ лицъ можетъ служить сцена между Большовымъ и прикащикомъ его, Лазаремъ. Она слѣдуетъ непосредственно за объясненіемъ Большова со стрянчимъ, при чемъ Большовъ уже объявилъ о своемъ рѣшеніи не платить кредиторамъ. Въ разговорѣ Большова съ Лазаремъ ясно, что оба понимаютъ другъ друга съ полуслова; ясно, что подготовка злостнаго банкротства, въ той средѣ и въ то время, есть явленіе какъ-бы обыкновенное, для всѣхъ привычное, и для осуществленія его уже употребляются способы давно и хорошо выработанные.

Дѣйствіе I. Явленіе 12-е. Большовъ и Подхалюзинъ. Гостиная въ домѣ Большова.

Большовъ.

Вотъ ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь что! Такъ вотъ даромъ и бери деньги? Какъ не деньги, скажетъ—видалъ, какъ лягушки прыгаютъ. На-ко, говоритъ, вексель. А по векселю-то съ иного что возьмешь, коли съ него взять-то нечего! У меня такихъ-то векселей тысячъ на сто, и съ протестами; только и дѣло, что каждый годъ подкладывай. Хошь, за полтину серебра всѣ отдамъ? Должниковъ-то по нимъ, чай, и съ собаками не сыщешь; которые повымерли, а которые поразбѣжались, некого и въ яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, такъ самъ не радъ: другой такъ обдержится, что его оттедова куревомъ не выкуришь. Мнѣ, говоритъ, и здѣсь хорошо, а ты провалпвай. Такъ ли, Лазарь?

Подхалюзинъ.

Ужь это какъ и водится.

Большовъ.

Съ городовыми лучше не связывайся: все въ долгъ да въ долгъ; а привезетъ, нѣтъ-ли, такъ слѣпой мелочью да арабчиками; по-

глядишь—ни ногъ, ни головы, а на мелочи никакого званія давно ужь нѣтъ. А вотъ ты тутъ какъ хошь! На торги хошь не являйся: сбиваютъ цѣну пуще чортъ знаетъ чего; а надѣнешь хомутъ, да еще и вязку подай, да магарычи, да угощеніе, да разные тамъ недочеты съ провѣсами. Вотъ оно что! Чувствуешь ли ты это?

Подхалюзинъ.

Кажется, долженъ чувствовать-съ.

Большовъ.

Вотъ какова торговля-то, вотъ тутъ и торгуй. *(Помолчавъ.)* Что, Лазарь, какъ ты думаешь?

Подхалюзинъ.

Да какъ думать-съ! Ужь это какъ вамъ угодно. Наше дѣло подначальное.

Большовъ.

Что тутъ подначальное—ты говори по душѣ. Я у тебя про дѣло спрашиваю.

Подхалюзинъ.

Это, опять-таки, Самсонъ Силычъ, какъ вамъ угодно-съ.

Большовъ.

Наладилъ одно: какъ вамъ угодно. Да ты-то какъ?

Подхалюзинъ.

Это я не могу знать-съ.

Большовъ *(помолчавъ)*.

Скажи, Лазарь, по совѣсти, любишь ты меня? *(Молчаніе.)* Любишь, что ли? Что жь ты молчишь? *(Молчаніе.)* Поилъ, кормилъ, въ люди вывелъ, кажется.

Подхалюзинъ.

Эхъ, Самсонъ Силычъ! Да что тутъ разговаривать-то-съ? Ужь вы во мнѣ не сумнѣвайтесь! Ужь одно слово: вотъ какъ есть, весь тутъ.

Большовъ.

Да что-жь, что весь-то?

Подхалюзинъ.

Ужь коли того, а—либо что, такъ останетесь довольны: себя не пожалѣю.

Большовъ.

Ну, такъ и разговаривать нечего. По мнѣ, Лазарь, теперь самое настоящее время: денегъ наличныхъ у насъ довольно, векселямъ всѣмъ сроки подошли. Чего-жь ждать-то? Вотъ я и думаю, Лазарь, предложить кредиторамъ-то такую статью: не возьмутъ ли они у меня по двадцати-пяти за рубль. Какъ ты думаешь?

Подхалюзинъ.

А ужь по мнѣ, Самсонъ Силычъ, коли платить по двадцати-пяти, такъ пристойнѣе совсѣмъ не платить.

Большовъ.

А что? Вѣдь, и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихимъ-то манеромъ дѣльцо обдѣлать. Тамъ послѣ суди Владыко на второмъ пришествіи. Хлопотъ-то только куча. Домъ-то и лавки я на тебя заложу.

Подхалюзинъ.

Нельзя-жь безъ хлопотъ-съ! Вотъ векселя надо за что-нибудь сбыть-съ, товаръ перевезти куда подальше. Станемъ хлопотать-съ.

Большовъ.

Оно такъ. Да старенекъ ужь я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

Подхалюзинъ.

Помилуйте, Самсонъ Силычъ, въ огонь и въ воду полѣзу-съ.

Большовъ.

Этакъ-то лучше! Махнулъ съ-разу, да и шабашъ. Только напусти Богъ смѣлости! Спасибо тебѣ, Лазарь! Удружилъ! *(Встаетъ.)* Ну, хлопочи. *(Подходитъ къ нему и треплетъ по плечу.)* Сдѣлаешь дѣло аккуратно, такъ мы съ тобой барышами-то подѣлимся. Награжу на всю жизнь *(Идетъ къ двери.)*

Подхалюзинъ.

Мнѣ, Самсонъ Силычъ, окромя вашего спокойствія, ничего не нужно-съ. Какъ жимши у васъ съ малолѣтства и видѣмши всѣ ваши благодѣянія, можно сказать, мальчишкой взять-съ лавки подметать, слѣдовательно, долженъ я чувствовать.

Образомъ тонкой, сосредоточенной, психологической разработки характера въ этой же комедіи можетъ служить пространный монологъ Подхалюзина. Въ этомъ монологѣ хитрый Лазарь отчетливо выясняетъ понятія своей среды о честности торговли, о коммерческой совѣсти, да къ тому еще высказывается о своихъ личныхъ смѣлыхъ замыслахъ, въ связи съ устройствомъ банкротства Большова, именно о замыслѣ—жениться на его дочери и тѣмъ удовлетворить свое сердце и честолюбіе и занять твердое, самостоятельное торговое положеніе.

Дѣйствіе II, явленіе 3-е.

Подхалюзинъ (*одинъ*).

Вотъ бѣда-то! Вотъ она гдѣ бѣда-то пришла на насъ! Что теперь дѣлать-то? Ну, положимъ, хозяину что-нибудь и останется, а я-то при чемъ буду? Мнѣ-то куда дѣться? Въ проходномъ ряду пылью торговать? Служилъ, служилъ лѣтъ двадцать, а тамъ ступай—мостовую грани. Какъ теперь это дѣло разсудить надо? Товаромъ, что-ли? Чѣмъ-нибудь попользоваться надо будетъ. (*Ходитъ по комнатѣ.*) Говорятъ, надо совѣсть знать! Да извѣстное дѣло, надо совѣсть знать, да въ какомъ это смыслѣ понимать нужно? Противъ хорошаго человѣка у всякаго есть совѣсть; а коли онъ самъ другихъ обманываетъ, такъ какая же тутъ совѣсть! Самсонъ Силычъ купецъ богатѣйшій, и теперича все это дѣло, можно сказать, такъ, для препровожденія времени, затѣялъ. А я человѣкъ бѣдный! Если и попользуюсь въ этомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь лишнимъ, такъ и грѣха нѣтъ никакого; потому онъ самъ несправедливо поступаетъ, противъ закона идетъ. А мнѣ что его жалѣть? Вышла линія, ну и не плошай: онъ свою политику ведетъ, а ты свою статью гони. Еще то ли бы я съ нимъ сдѣлалъ, да не приходится. Хмъ! Вѣдь, залѣзетъ этакая фантазія въ голову человѣку! Конечно, Алимпіяда Самсоновна барышня образованная, и, можно сказать, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ, а вѣдь, этотъ женихъ ее теперича не возьметъ, скажетъ, денегъ дай! А денегъ гдѣ взять? И ужь не быть ей теперь за благороднымъ, потому денегъ нѣтъ. Рано ли, поздно ли, а придется за купца отдавать! (*Ходитъ молча.*) А понабравши деньжонокъ, да поклониться Самсону Силычу: дескать, я, Самсонъ Силычъ, въ такихъ лѣтахъ, что дол-

женъ подумать о продолженіи потомства, и я, молъ, Самсонъ Силычъ, для вашего спокойствія пота-крови не жалѣлъ. Конечно, молъ, Алимпіяда Самсоновна барышня образованная, да вѣдь и я, Самсонъ Силычъ, не лыкомъ шитъ, сами изволите видѣть, имѣю капиталецъ, и могу кругомъ себя ограничить на этотъ предметъ. Отчего не отдать за меня? Чѣмъ я не человѣкъ? Ни въ чемъ не замѣченъ, къ старшимъ почтителенъ! Да при всемъ томъ, какъ заложили мнѣ Самсонъ Силычъ домъ и лавки, такъ и закладной-то можно пугнуть. А знамши-то характеръ Самсона Силыча, каковъ онъ есть, это и очень можетъ случиться. У нихъ такое заведеніе: коли имъ что попало въ голову, ужь ничѣмъ не выбьешь оттедова. Все равно, какъ въ четвертомъ году захотѣли бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали—нѣтъ, говоритъ, послѣ опять отпущу, а теперь поставлю на своемъ: взяли да и обрили. Такъ вотъ и это дѣло: потрафь я по нихъ, или такъ взойди имъ въ голову—завтра же подъ вѣнецъ, и баста, и разговаривать не смѣй. Да отъ этакого удовольствія съ Ивана-Великаго спрыгнуть можно!

ГЛАВА IV.

Островскій.

Содержаніе: Разборъ комедій „*Бѣдность не порокъ*“ и „*Въ чужомъ пиру похмѣлье*“.—Содержаніе ихъ.—Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Гордѣя и Любима Торцовыхъ и Тита Титыча Брускова.—Опредѣленіе самодурства.

Комедія «*Бѣдность не порокъ*» (1854) беретъ содержаніе изъ жизни провинціальнаго купечества. Мѣсто дѣйствія—уѣздный городокъ, домъ богатаго купца, Гордѣя Карпыча Торцова. Время—рождественскіе святки. У Торцова служитъ прикащикомъ бѣднякъ Митя, добрый сынъ и симпатичный молодой человѣкъ. Онъ любитъ дочь своего хозяина, Любовь Гордѣевну, которая отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Слѣдующія два обстоятельства мѣшаютъ ихъ браку: первое—высокомѣрное презрѣніе Гордѣя Карпыча къ его бѣдности а второе—Торцовъ хочетъ выдать дочку за богатаго фабриканта,

Африкана Савича Коршунова, который совершенно очаровалъ Гордѣя своими *столичными манерами*. Торцова такъ плѣняетъ мысль о томъ, что Люба будетъ жить въ Москвѣ по-барски и ѣздить въ каретахъ, что онъ будто позабылъ, какъ мало подходитъ къ его дочери шестидесятилѣтній вдовецъ Коршуновъ. Впрочемъ, въ рѣшительную минуту дѣло свадебное разстраивается совершенно. Братъ Гордѣя, Любимъ Торцовъ, изобличаетъ мошенничество, надменность и жестокость Коршунова. Самъ Коршуновъ безтактно задѣваетъ самолюбіе Гордѣя Торцова. Послѣдній круто отворачивается отъ недавняго пріятеля, чуть не гонитъ его прочь, внезапно изъ самодура-упрямца превращается въ чадолюбиваго отца и добраго человѣка и выдаетъ дочку за Митю.—Къ этой чисто-семейной завязкѣ пьесы присоединяются еще другіе мотивы, которые расширяютъ значеніе комедіи, обнаруживаютъ тѣ или другія стороны сословныхъ нравовъ. Такъ, въ первомъ дѣйствіи изъ разговоровъ жены Гордѣя Торцова съ Митей узнаемъ, какъ она горюетъ оттого, что Гордѣй Карпычъ совсѣмъ перемѣнился въ обычаѣ съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ Коршуновымъ и во всемъ началъ заводить какую-то новую моду: несговорчивъ, рѣзокъ сталъ и все норовитъ разыгрывать изъ себя барина, дворянина. Изъ разговора Любима Торцова, опять же съ Митей, узнаемъ, что въ купечествѣ не давалось въ ту пору никакого значенія образованію, одно денежное богатство считалось ручательствомъ за успѣхъ въ дѣлахъ и за благополучіе въ жизни. Оттого и происходили обыкновенно: мотовство и безпорядочная жизнь купеческихъ сынковъ. Любимъ Торцовъ слѣдующими чертами описываетъ Митѣ свою молодую жизнь: „остался я послѣ отца, видишь ты, малъ-малехонекъ, съ коломенскую версту, несмышленочекъ. Въ головѣ-то, какъ въ пустомъ чердакѣ, вѣтеръ такъ и ходитъ. Раздѣлились мы съ братомъ: себѣ онъ взялъ заведеніе, а мнѣ далъ деньгами, да билетами, да векселями. Ну, ужь какъ онъ тамъ раздѣлилъ—не наше дѣло, Богъ ему судья. Вотъ я и поѣхалъ въ Москву по билетамъ деньги получать. Нельзя не ѣхать! Надо людей посмотрѣть, себя показать, высокаго тона набраться. Опять же—я такой прекрасный молодой человѣкъ, а еще свѣту не видывалъ, въ частномъ домѣ не ночевывалъ. Надо до всего дойти!“ И до всего дошелъ молодой Торцовъ очень скоро; сталъ дружиться со всѣ-

ми безъ разбору, промоталъ наслѣдство, друзья его обобрали (болѣе всѣхъ—Коршуновъ), остатки имущества, „всѣ модныя штуки“, Любимъ распродалъ, получилъ бумажками, бумажки размѣнялъ на серебро, серебро—на мѣдныя, „а тамъ только пшикъ, да и все тутъ!“— Во второмъ дѣйствіи вся первая его половина представляетъ картину святочныхъ увеселеній въ простонародномъ вкусѣ. Старшіе любуются играми и весельемъ молодежи и вспоминаютъ свои молодые годы. Тутъ и подблюдныя пѣсни, и ряженые, и угощенье, только неожиданно веселая сцена смѣняется другою: „самъ пріѣхалъ!“ Этотъ *самъ*, т. е. Гордѣй Торцовъ, грубо нарушаетъ общее веселье, гонитъ вонъ ряженыхъ; пѣсни уступаютъ мѣсто натянутому разговору съ Коршуновымъ. Подъ конецъ же сцены, Торцовъ—къ ужасу жены и дочери—объявляетъ свою волю: онъ „намѣренъ переѣхать отселева въ Москву, гдѣ у него будетъ не чужой человѣкъ, будетъ зятюшка, Африканъ Савичъ“ (т. е. Коршуновъ). Наконецъ, и въ третьемъ дѣйствіи, въ нѣкоторыхъ сценахъ (напримѣръ, явленіе VIII, XII, XIII и XIV), типически выставлены главныя черты самодурства Гордѣя Карпыча: тоска по столичной модѣ, презрительное обращеніе съ домашними и необъятная амбиція.

Комедія «*Въ чужомъ пиру похмѣлье*» (1856) состоитъ изъ двухъ дѣйствій. Содержаніе въ ней смѣшанное: первое дѣйствіе представляетъ сцены изъ жизни одного бѣднаго старика-учителя, Иванова, а второе представляетъ семейную картину изъ жизни богатаго купца, Тита Титыча Брускова. Ивановъ, вмѣстѣ со взрослой дочерью, Лизаветой, живетъ въ крайней бѣдности, кое-какъ перебивается преподаваніемъ «ребятамъ» древнихъ языковъ; но на судьбу свою не жалуется. Брусковъ живетъ широко; но передъ его грубостью и самоуправствомъ трепещутъ всѣ домашніе, не исключая даже и жены его. А больше всего терпятъ отъ его невѣжества и грубости оба сына—Андрей и Капитонъ. Одинъ изъ нихъ, Капитонъ, обратился почти въ идіота: «съ дѣтства заколотили очень», какъ объясняетъ его братъ. Другой, Андрей, кое-какъ учится; безъ руководителя, безъ порядка, и то—съ ученьемъ своимъ онъ долженъ прятаться на чердакѣ, или въ чуланѣ, чтобы отецъ не замѣтилъ. «Бѣда, какъ узнаетъ», говоритъ онъ. За книжками Андрей приходитъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ, которая, отъ времени до времени, своей ласковостью и добрымъ

совѣтомъ оказываетъ на Андрея благотворное, воспитательное вліяніе. Эти сношенія Андрея съ семействомъ Иванова кончаются тѣмъ, что молодой купеческій сынокъ нечувствительно, незамѣтно, всей душой привязывается къ Лизаветѣ Ивановнѣ. Вотъ на этомъ мотивѣ авторъ и построилъ взаимную связь обоихъ дѣйствій комедіи. На этомъ же мотивѣ построено еще одно обстоятельство, само по себѣ комическое; но оно чуть-чуть не разразилось трагической катастрофой надъ старикомъ Ивановымъ и его дочерью. Дѣло въ томъ, что квартирная хозяйка Иванова—Аграфена Платоновна—чрезвычайно близко къ сердцу принимаетъ бѣдность и незлобивость старика-латиниста и хочетъ, во что бы то ни стало, помочь ему. «Я васъ люблю, вамъ добра желаю»,—говоритъ она учителю. «Жаль мнѣ тебя, Иванъ Ксенофонтычъ! человѣкъ-то ты добрый, да больно ты простъ. Бѣденъ ты ужь больно. Вотъ и одежонка-то»... Сначала она пыталась склонить старика, чтобы онъ позволилъ ей посватать богатаго жениха Лизаветѣ Ивановнѣ. Она прямо указываетъ на Андрея Брускова. Предложеніе это принято Ивановымъ крайне недружелюбно, особенно, когда хозяйка прибавила, что Андрей «влюбленъ до чрезвычайности въ Лизавету Ивановну». Старикъ даже вскочилъ съ мѣста. «Что? да какъ же онъ смѣлъ? скажите вы мнѣ. Кто ему позволилъ? Это житья нѣтъ! Лиза моя... вѣдь это—сокровище, это—совершенство! А онъ, безграмотный, смѣлъ влюбиться! Мужикъ! Невѣжа!» Тогда хозяйка придумываетъ устроить дѣло по-своему. Чтобы вынудить согласіе старика Брускова на женитьбу его сына, Андрея, на дочери бѣдняка-учителя, Аграфена Платоновна заставляетъ Андрея выдать ей письменное обязательство жениться на Лизаветѣ Ивановнѣ. Этотъ документъ играетъ большую роль въ пьесѣ. Въ первомъ дѣйствіи Титъ Титычъ Брусковъ, послѣ весьма крупнаго разговора съ Аграфеной Платоновной, выручаетъ у нея эту записку за тысячу рублей. Хозяйка рада, воображая, что жилецъ ея будетъ очень доволенъ, когда она подаритъ ему эту сумму—на поправку его дѣлъ. Но въ ту минуту, когда раздраженный Брусковъ надолго усѣлся въ квартирѣ Иванова, чтобы «хоть поругаться-то за свои деньги», возвращается домой Ивановъ. Онъ не понимаетъ, зачѣмъ у него въ квартирѣ этотъ господинъ; но онъ слышитъ его грубыя рѣчи и оскорбительные для

дочери намеки, а потому выгоняетъ Брускова вонъ. Непосредственно за тѣмъ, Аграфена Платоновна, съ нѣкоторымъ торжествомъ, объясняетъ ему, въ чемъ дѣло, и простодушно прибавляетъ: «я-таки, признаться, сорвала съ него малую толику. Жаль, что мало! Все жалѣючи васъ, Иванъ Ксенофонтычъ, да вашу дочку; глядя на вашу бѣдность, рѣшилась на такое дѣло. Что-жь, вѣдь тутъ дурнаго ничего нѣтъ!» Старикъ-отецъ и дочь его поражены этимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ хозяйки въ ихъ жизнь. Ивановъ бросается къ Брускову, чтобы возвратить ему деньги и уничтожить обязательство, въ которомъ упомянуто имя его дочери, а хозяйка—въ совершенномъ, наивномъ недоумѣніи—говоритъ ему вслѣдъ: «вотъ хлопочи для людей, старайся, сама же виновата останешься. Кто же васъ зналъ, что вы такіе сумасшедшіе?» Во второмъ дѣйствіи готовится новая буря по поводу той же записки. Титъ Титычъ не можетъ оставить безнаказаннымъ, что его «впервой отъ роду» не уважили и выгнали. Онъ зоветъ стряпчаго и приказываетъ ему сочинить такую жалобу, чтобы Иванова, дочь его и хозяйку ихъ сослать въ Сибирь. «Я никакихъ денегъ не пожалѣю, коли сдѣлаешь», говоритъ онъ стряпчему. Сыну, Андрею, отецъ приказываетъ готовиться немедленно ѣхать съ нимъ къ той самой невѣстѣ, о которой Андрей съ ужасомъ какъ-то разсказывалъ Лизаветѣ Ивановнѣ. Но конецъ этого дѣйствія—противъ ожиданія Тита Титыча и даже противъ ожиданія зрителя—выходитъ совсѣмъ иной. Является Ивановъ, возвращаетъ Брускову тысячу рублей, требуетъ обязательство, уничтожаетъ его и, съ проклятіями, убѣгаетъ изъ дома Брускова. Титъ Титычъ, въ свою очередь, пораженъ. Въ душѣ его происходитъ внезапный, слишкомъ рѣзкій переворотъ. Титъ Титычъ вскакиваетъ со стула, ударяетъ кулакомъ по столу, называетъ деньги *тлѣномъ, металломъ звенящимъ* и чуть не гонитъ Андрея—просить, кланяться, молить Иванова, чтобы онъ отдалъ за него свою дочку, заботу же о ея приданомъ беретъ на себя.

Изъ содержанія обѣихъ комедій *„Бѣдность не порокъ“* и *„Въ чужомъ пиру похмѣлье“* видно, что въ этихъ пьесахъ встрѣчается нѣсколько такихъ лицъ, которыми развивается и доканчивается уже извѣстный намъ типъ купца-самодура, выведенный въ особѣ Самсона Силыча Большова. Вотъ эти новыя лица: Гор-

дѣй Карпычъ Торцовъ, Африканъ Савичъ Коршуновъ и Титъ Титычъ Брусковъ. Гордѣй Карпычъ—самодуръ въ полномъ смыслѣ слова: „Крутъ, гордъ и разсудка не имѣетъ“, такъ отзывается о немъ жена. Весь домъ дрожитъ передъ нимъ. Особенно невыносимъ сдѣлался онъ съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ фабрикантомъ Коршуновымъ и сталъ *„подражать новую моду“*. На этомъ подражаніи новой модѣ и стоятъ многія комическія сцены въ пьесѣ. Понятно, что изъ попытки Торцова—жить какъ живутъ люди образованные—не можетъ выйти толку: Торцовъ въ состояніи позаимствовать только одну внѣшность образованности, одну грубо-матеріальную сторону его. Въ разговорѣ съ Коршуновымъ Гордѣй Торцовъ очень комично высказывается о томъ, что, по его мнѣнію, значитъ—жить по образованному. „Въ другомъ мѣстѣ за столомъ-то прислуживаетъ молодецъ въ поддевкѣ, либо дѣвка, а у меня фыціантъ въ нитяныхъ перчаткахъ. Этотъ фыціантъ, онъ ученый, изъ Москвы, онъ всѣ порядки знаетъ: гдѣ кому сѣсть, что дѣлать? А у другихъ что! Соберутся въ одну комнату, усядутся въ кружокъ, пѣсни запоютъ мужицкія. Оно, конечно, и весело, да я считаю такъ, что это низко, никакого тону нѣтъ. Да и пьютъ-то что, *по необразованію своему!* Наливки тамъ, вишневки разныя... а и не понимаютъ они того, что на это есть шампанское!“ Другого, болѣе вѣрнаго взгляда на образованность Торцовъ и имѣть не можетъ. Самодурство и образованность—вещи несовмѣстимыя уже потому, что истинное образованіе сознательно подчиняетъ свой личный произволъ требованіямъ разума и нравственнаго начала. Какъ всѣ невѣжды, Гордѣй Карпычъ думаетъ о себѣ очень высоко. Онъ заносчиво спрашиваетъ у Коршунова: „ты мнѣ скажи, что я за человѣкъ? Могутъ ли меня здѣсь оцѣнить?“ и затѣмъ прибавляетъ, что еслибъ ему жить „въ Москвѣ или въ Петербургѣ, то онъ всякую моду подражалъ бы, насколько бы хватило капиталу, а ужъ себя бы не уронилъ“.

Какъ всѣ самодуры, Гордѣй Карпычъ не только ограниченъ въ своихъ понятіяхъ, но еще и трусливъ, и слабодушенъ, характера выдержать не въ силахъ. Пока можно, онъ храбрится и запугиваетъ, однимъ словомъ—*дуритъ*; если же встрѣтитъ рѣшительное сопротивленіе, онъ теряется и уступаетъ. Но и тогда—

стоитъ только уязвить его больное мѣсто, его щепетильное самодурство, и онъ опять задуритъ. Такъ случилось и съ Гордѣемъ Карпычемъ. Коршуновъ уязвилъ его словами: „нѣтъ, ты теперь приди-ка ко мнѣ да покланяйся, чтобъ я дочь-то твою взялъ". И довольно. „Опосля этого" — восклицаетъ Гордѣй — „когда ты такія слова говоришь, я самъ тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся! *За кого вздумается, за того и отдамъ*; вотъ — за Митьку отдамъ!" На этомъ и развязка комедіи. Послѣднія слова Гордѣя Карпыча очень напоминаютъ взглядъ Большова: „Мое дѣтище: хочу—съ кашей ѣмъ, хочу—масло пахтаю". Если сравнить оба эти характера по художественной ихъ разработкѣ, то окажется, что Большовъ выдержанъ отъ начала до конца. Про Гордѣя же Торцова нельзя этого сказать. Послѣдняя его выходка, вызванная вопросомъ жены: „Гордѣй Карпычъ, неужели въ тебѣ чувства нѣтъ?" поражаетъ читателя совершенной неожиданностью. Трудно объяснить себѣ, какъ это вдругъ, безъ всякой подготовки, въ Торцовѣ совершилось полное нравственное перерожденіе, и самъ онъ заговорилъ о себѣ: „теперь я сталъ другой человѣкъ"; а про прежнее говоритъ: „свихнулся было совсѣмъ. Не знаю, какъ и въ голову вошла такая гнилая *фантазія*". Невозможно понять эту внезапность нравственнаго превращенія; приходится признать въ немъ одно изъ видоизмѣненій самодурства же: хочу—казню, хочу—милую; на все моя воля.

Въ комедіи *„Бѣдность не порокъ"* рядомъ съ отталкивающими личностями Коршунова и Гордѣя Торцова есть и привлекательныя: Любовь Гордѣевна и Митя. Это—хорошія, добрыя натуры. Правда, что эти лица, по полнотѣ художественной обработки ихъ характеровъ, довольно блѣдны сравнительно съ главными героями пьесы; да они таковы и въ той жизни, гдѣ судьба ихъ поставила. Всѣ они—кто по неразвитости, кто по безвыходной бѣдности, вполнѣ зависятъ отъ Гордѣя Карпыча. И онъ это знаетъ и безпрестанно даетъ имъ это чувствовать. Матеріальная зависимость угнетенныхъ отъ угнетающихъ—весьма важный фактъ въ бытовыхъ комедіяхъ Островскаго. Этимъ фактомъ наполовину, если не больше, объясняется, почему самодурство развивается на просторѣ, почему весь протестъ противъ него ограничивается словами. Жалобы противъ угнетенія произносятся гдѣ-нибудь въ сторонѣ, потихоньку. Въ та-

кихъ жалобахъ не замѣтно признака силы. Едва ли когда-нибудь эти словесные, робкіе протесты могутъ перейти въ болѣе рѣшительное противодѣйствіе той силѣ, которая давитъ семейную жизнь и не даетъ простора ни умственному, ни нравственному развитію. Изъ сцены прощанья Любови Гордѣевны съ Митей замѣчательны слѣдующія слова: „Изъ воли родительской мнѣ выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтобъ шла я замужъ. Должна я ему покориться, такая наша доля дѣвичья. Такъ, знать, тому и быть должно, такъ ужь оно заведено изстари. Не хочу я супротивъ отца идти, чтобъ про меня люди не говорили да въ примѣръ не ставили. Хоть я, можетъ быть, сердце свое надорвала черезъ это, да по крайности я знаю, что я *по закону* живу; никто мнѣ въ глаза насмѣяться не смѣетъ“. Эти слова показываютъ, какая тяжелая борьба происходитъ въ душѣ честной, любящей дѣвушки и какъ въ этой борьбѣ беретъ верхъ нравственное начало, т. е. то, что Любовь Гордѣевна считаетъ *законнымъ*.—Кромѣ Любови Гордѣевны и Мити есть въ комедіи еще лицо привлекательное нѣкоторыми чертами своего характера. Это—Любимъ Торцовъ. Силою своего сердца, поэтическаго чутья и таланта авторъ доискался доброй природы въ жалкой и ничтожной на видъ фигурѣ Любима Торцова. Изъ-подъ толстой коры внѣшней грубости и неряшливости, извнѣ принятыхъ уродливостей—послѣдствій безтолково проведенной молодости—въ рѣчахъ Любима Торцова и въ его порывахъ смягчить сердце брата свѣтится искра гуманнаго, чистаго чувства. Въ строгомъ взглядѣ на свое прошлое, въ презрительномъ отзывѣ о легкомысленно и недостойно истраченныхъ годахъ своей жизни слышится торжество разумнаго, нравственнаго начала. Такимъ образомъ Островскій съумѣлъ глубоко заглянуть въ душу Любима Торцова и, отличивъ въ немъ добрую натуру, умѣлъ дать въ немъ почувствовать *человѣка*.

Въ комедіи *„Въ чужомъ пиру похмѣлье“*, по полнотѣ художественной обработки характера, замѣчательнѣйшее лицо — Титъ Титычъ Брусковъ. Въ немъ слились самыя яркія черты самодурства: и грубость, и произволъ, и кичливость рубля, и тяжелая неразвитость самыхъ элементарныхъ понятій умственнаго и нравственнаго значенія, и, наконецъ, поверхъ всего этого—непроходимая глупость. Она особенно рѣзко проявляется въ тѣхъ случаяхъ,

когда самодуру приходится столкнуться съ человѣкомъ образованнымъ, честнымъ и рѣшительнымъ. Въ убѣжденіяхъ и правилахъ такого человѣка самодуръ видитъ одну строптивость, или сумасшествіе. Титъ Титычъ самодуръ вполнѣ откровенный и безцеремонный. Рѣчь его пестрѣетъ выраженьями въ родѣ слѣдующихъ: „Молчать!—Кто смѣетъ со мной разговаривать!—Мое слово законъ. Настасья, кто я? Настасья, смѣетъ меня кто обидѣть?“ На что жена простосердечно отвѣчаетъ: „никто, батюшка, *Китъ Китычъ*, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите“.

Въ этой же комедіи, какъ въ формулѣ, Островскій, устами квартирной хозяйки, отчеканилъ опредѣленіе самодура: — „Самодуръ—это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ; ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? тутъ ужь всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то—бѣда...“

ГЛАВА V.

Островскій.

Содержаніе: Разборъ драматической хроники «*Козьма Захарьичъ Мининъ, Сухорукъ*».—Общее замѣчаніе объ этой пьесѣ и романтическій въ ней элементъ.—Краткое содержаніе.—Главныя дѣйствующія лица: Мининъ, князь Пожарскій, боярскій сынъ Поспѣловъ, Татьяна Юрьевна и Марѳа Борисовна.—Характеристика ихъ.—Художественное значеніе пьесы.—Историческіе и поэтическіе элементы въ драмѣ.

Драматическая хроника *„Козьма Захарьичъ Мининъ, Сухорукъ“* написана въ 1862 году, значитъ, относится ко второму періоду поэтической дѣятельности Островскаго. Въ этотъ періодъ поэтъ охотно обращается къ родной исторической старинѣ, изъ нея беретъ такіе моменты, которые даютъ творческой фантазіи поэта благодарный матеріалъ для яркаго изображенія бѣдственной эпохи нашего отечества и для идеальнаго представленія патріотизма и самоотверженья замѣчательныхъ русскихъ людей.

Драматическая хроника *„Козьма Захарьичъ Мининъ, Сухорукъ“* захватываетъ въ свой составъ событія въ Нижнемъ-Новго-

родѣ съ августа 1611 г. до марта 1612 г., т. е. отъ первой грамоты и благословенія патріарха Гермогена до того момента, когда соединенное ополченіе, подъ предводительствомъ князя Пожарскаго и Минина, двинулось изъ Нижняго къ Москвѣ. Въ драмѣ пять дѣйствій и эпилогъ.

Краткое содержаніе.

Дѣйствіе I. (*25 августа 1611 г.*). Смутное состояніе умовъ нижегородскаго населенія, вслѣдствіе неутѣшительныхъ извѣстій изъ Москвы о безпорядкахъ междуцарствія, о происках разныхъ партій—то за шведскаго королевича, то за Владислава Польскаго, то даже—за Псковскаго самозванца Ивашку, сына Марины Мнишекъ. Угнетающее впечатлѣніе при вѣсти о насильственномъ заточеніи патріарха Гермогена и о гибели воеводы Прокопа Ляпунова. Нижегородскіе стрѣлецкіе люди шатаются въ мысляхъ, а приказные—изъ-за своихъ личныхъ расчетовъ—готовы подбивать народъ къ присягѣ Сигизмунду или Владиславу. Одинъ только земскій староста Нижняго Посада, Козьма Захарьичъ Мининъ, Сухорукъ, твердъ въ чувствахъ, мысляхъ и рѣшеніяхъ. Онъ помышляетъ не о личномъ своемъ благополучіи, а о томъ, какъ бы подготовить мужественный отпоръ врагамъ Руси. Къ Минину московскіе гости привезли бодрую вѣсть о томъ, что патріархъ изъ темницы шлетъ благословенье русскимъ людямъ и умоляетъ ихъ стоять за вѣру крѣпко, и самъ увѣренъ, что „спасенье русское придетъ отъ Волги“.

Дѣйствіе II. Чѣмъ болѣе Мининъ слышитъ себялюбивыя или трусливыя рѣчи, тѣмъ болѣе въ немъ растетъ мужество и самоотверженье. Въ домѣ богатой добродѣтельной вдовы, Маріы Борисовны, вмѣстѣ съ нѣсколькими преданными патріотами обдуманъ планъ, какъ устроить спасеніе Москвы и Руси: собрать казну, людей ратныхъ, выбрать надежнаго воеводу, постомъ и молитвой очиститься передъ Богомъ и возбудить народъ на подвигъ и ополченьемъ двинуться въ Москву — спасать родную землю отъ враговъ.

Дѣйствіе III. (*Октябрь 1611 г.*). *Сцена первая* — на площади въ Нижегородскомъ кремлѣ. Волненіе народное принимаетъ направленіе опредѣленное: уже чаще и чаще раздаются голоса, что довольно говорить, пора дѣло дѣлать, т. е. собирать денежную

казну на ополченье, жертвовать товаромъ, если денегъ нѣтъ, и выбрать воеводу, и самимъ поспѣшить къ Москвѣ. Грамота, привезенная изъ Троице-Сергіева монастыря, ускоряетъ рѣшимость народа. *Сцена вторая* — въ богатой избѣ, въ воеводскомъ домѣ. Читается грамота патріарха. Глубокое впечатлѣніе на всѣхъ производитъ моленье патріарха, чтобы Нижегородцы забыли всѣ свои частныя обиды, соединились бы всѣ въ великомъ подвигѣ и отстояли бы родную землю отъ враговъ, а вѣру православную—отъ поруганья. Мининъ сообщаетъ, что въ нынѣшнюю ночь самъ Преподобный Сергій ему явился на молитвѣ и велѣлъ «будить народъ и поспѣшать къ Москвѣ». По приказанію воеводы Алябьева, назначено: завтра ударить въ большой колоколъ, чтобы весь народъ собрался въ церковь, и тамъ прочесть грамоту патріарха. Мининъ съ приверженцами рѣшили немедля приступить сбирать казну и—выбравъ воеводу—идти на выручку Москвы.

Дѣйствіе IV (октябрь 1611 г.)—въ Кремлѣ, на площади, вблизи собора. Восторженное настроеніе всего народа послѣ прочитанной въ соборѣ увѣщательной грамоты, присланной изъ Троицкаго монастыря. Мининъ, съ Лобнаго мѣста, всѣхъ призываетъ помочь Москвѣ и вѣрѣ православной. Единодушно избранъ всѣмъ народомъ въ воеводы князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Тутъ же, на площади, начинается сборъ пожертвованій деньгами и вещами. Самъ Мининъ и вдова Марѳа Борисовна отдаютъ на святое дѣло все свое имущество, за ними и другіе, всѣ —по мѣрѣ силъ и средствъ, отъ богачей-торговцевъ и до юродиваго Гриши, который отдаетъ свои послѣднія „копѣечки“. Мужчины приносятъ капиталы и товары, женщины—свои дорогіе наряды и украшенія. Выборные старики приставлены вѣдать пожертвованія и распоряжаться ими на пользу дѣла. Мининъ спѣшитъ устроить ополченіе.

Дѣйствіе V. Успѣшное посольство къ князю Пожарскому представителей нижегородскаго населенія: духовенства, земства и торговыхъ людей. Князь объявилъ, что онъ готовъ „за вѣру пострадать“ и указалъ выбрать Козьму Захарьича для завѣдыванья денежною и хозяйственною частями ополченья. Выборные люди такъ и исполняютъ. Козьма Захарьичъ Мининъ, Сухорукъ, для вѣрности, предлагаетъ записать то въ приговоръ, что выбранъ онъ,

Козьма, всѣмъ міромъ. И только послѣ этой записи Мининъ принимаетъ на себя трудную обязанность.

Эпилогъ (*мартъ 1612 г.*) — часть Нижняго Посада близь Кремля. Дружины изъ окрестныхъ мѣстъ стягиваются къ Нижнему, потомъ, подъ предводительствомъ князя Пожарскаго и Минина, стройной ратью, при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей и благословеніи народномъ, отправляются въ походъ. Съ хлѣбомъ-солью и съ сердечнымъ умиленьемъ люди нижегородскіе привѣтствуютъ и провожаютъ ополченіе, а князь Пожарскій проситъ всѣхъ молиться, чтобы Богъ даровалъ опять увидѣть въ Московскомъ государствѣ „соединеніе, покой и тишину, какъ при великихъ государяхъ было“.

Историческое содержаніе наполняетъ собою всю пьесу, всему ходу драмы придаетъ величавый патріотическій характеръ. Болѣе нѣжнымъ сердечнымъ тономъ проникнуты только тѣ сцены, въ которыхъ высказывается глубокое личное чувство боярскаго сына, Поспѣлова, къ молодой прекрасной вдовѣ Маѳѣ Борисовнѣ, и кроткія ласковыя рѣчи этой послѣдней. Но эти романтическіе элементы пьесы пріютились только въ коротенькіе промежутки великихъ общественныхъ движеній и народно-патріотическихъ чувствованій, составляющихъ главное содержаніе драмы.

Въ составѣ дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ Мининъ является преобладающимъ характеромъ. Онъ наполняетъ собою всѣ дѣйствія драмы, всѣ важнѣйшія мѣста. Еще до появленія его на сценѣ, о немъ читатель узнаетъ тѣ именно свойства, которыми, главнымъ образомъ, очерчена, идеализирована личность этого патріота. Въ разговорѣ торговыхъ людей о Мининѣ слышатся, напримѣръ, такіе отзывы: „Козьма Захарьичъ о земскомъ дѣлѣ печалится одинъ за всѣхъ, душой болѣзнуетъ“ о смутѣ на Руси; Козьма Захарьичъ „твердо, неослабно за вѣру православную стоитъ, разумными рѣчами утверждаетъ въ народѣ крѣпость“. И за это Козьма Захарьичъ нижегородцамъ дорогъ, за него всѣ молятся. Такова программа, по которой разработанъ характеръ Минина. Въ моментъ перваго своего появленія въ пьесѣ, при выходѣ изъ Кремля на городскую площадь, Мининъ поставленъ авторомъ съ особеннымъ достоинствомъ. Отъ него узнаютъ нижегородскіе люди тревожныя вѣсти о томъ, какъ „неладно“ въ Москвѣ, какъ всѣ тамъ духомъ приникли, и

тутъ же узнаютъ безстрашіе характера Гермогена и его привѣтъ и благословеніе нижегородцамъ.

„Спасенье русское придетъ отъ Волги.
„Хорошій — говоритъ — и чистый край!
„Спеси ты имъ мое благословенье".

Съ этой минуты и до конца пьесы Мининъ постоянно является въ сіяніи возвышенныхъ мыслей и гражданской доблести. Его чувства и побужденья постоянно проникнуты заботой, какъ бы всѣхъ другихъ одушевить на патріотическій подвигъ, какъ бы передать имъ частицу своего собственнаго самоотверженья. Людямъ съ шаткой мыслью и слабой волей онъ умѣетъ сильно и вразумительно сказать, чего и какъ имъ слѣдуетъ держаться.

„Одно вы помните и зарубите,
Что мы клялись креста не цѣловать
Ни Владиславу, ни кому другому
Изъ инозѐмцевъ; ждать, кого на царство
Пошлетъ Господь и выберетъ земля.
Намъ Государь—великій патріархъ,
Другаго нѣтъ у насъ. Что̀ скажетъ—свято.

(Дѣйствіе I, явл. 9).

На насмѣшки или угрозы людей властныхъ, но своекорыстныхъ, онъ отвѣчаетъ сильнымъ, убѣжденнымъ словомъ. Дьякъ Семеновъ грозитъ, что всякій, кто постарше, можетъ приказать ему молчать, Мининъ отвѣчаетъ:

„За вѣру православную стою,
Не за дурное что̀. Молчать нельзя мнѣ,
Не замолчу. На то мнѣ данъ языкъ,
Чтобъ говорить. И говорить я буду
По улицамъ, на площади, въ избѣ,
И пробуждать, какъ колоколъ воскресный,
Уснувшія сердца".

(Дѣйствіе II, сц. 1, явл. 2).

Но не надменность и не самомнѣнье внушаютъ ему такія рѣчи. Въ другомъ мѣстѣ (дѣйств. II, сц. 2, явл. 3), на вопросъ

о томъ, что же надо сдѣлать, чтобъ отряхнуться отъ своекорыстія и почувствовать горе ближнихъ, Мининъ указываетъ молитву:

„Самимъ себя сначала приготовить
Должны мы: помыслы постомъ очистить,
Говѣньемъ волю утвердить на подвигъ
И скорому помощнику молиться;
Онъ дастъ намъ разумъ, дастъ намъ силу слова,
Сухимъ очамъ пошлетъ источникъ слезъ;
Тогда пойдемъ будить уснувшихъ братій
И Божьимъ словомъ зажигать сердца.“

Чѣмъ долѣе сосредоточенъ Мининъ на своемъ предметѣ, чѣмъ настойчивѣе хочетъ онъ съ другими подѣлиться своимъ чувствомъ и рѣшимостью, тѣмъ сильнѣе разгорается въ его душѣ религіозный и патріотическій восторгъ. Его томитъ медлительность сборовъ, слабая готовность гражданъ жертвовать деньгами и товаромъ. На совѣты: подождать, пока побольше соберется средствъ, наймутъ „стрѣльцовъ бродячихъ, да казаковъ конныхъ“, Мининъ восторженно восклицаетъ (дѣйств. III, сц. 1, явл. 7):

„Ждать нечего, пойдемте умирать
За Русь святую! Сходимъ къ воеводѣ,
Челомъ ударимъ, чтобы велъ къ Москвѣ;
А не пойдетъ, такъ выберемъ другаго.
Мнѣ ждать нельзя. Мнѣ Богъ велѣлъ идти.
Смотрите на меня! Теперь не свой я,
А Божій. Не пойдетъ никто, одинъ
Пойду. На перепутьяхъ буду кликать
Товарищей. Въ себѣ не воленъ я.
Послушайте. Сегодня поздней ночью,
Ужъ къ утру близко, сномъ я позабылся.
Да и не помню хорошенько, спалъ я,
Иль не спалъ. Вдругъ вижу: образница
Вся облилася свѣтомъ; въ изголовьи
Передъ иконами явился мужъ
Въ одеждѣ схимника, весь въ херувимахъ,
Благословляющую поднялъ руку
И рекъ: „Кузьма! Иди спасать Москву!

Буди уснувшихъ!“ Я вскочилъ отъ ложа—
Видѣнья дивнаго какъ не бывало;
Соборный благовѣстъ волной несется,
Ночная темь колышется отъ звона,
Оконницы чуть слышно дребезжатъ,
Лампадки, догорая, чуть трепещутъ
Неяснымъ блескомъ, и святые лики
То озарялися, то померкали,
И только разливалось по покоямъ
Благоуханіе.
И старецъ,
Явившійся мнѣ грѣшному, былъ Сергій.“

Впрочемъ, восторженность настроенія и нетерпѣливое ожиданіе подвига нисколько не ослабляютъ въ Мининѣ способности убѣдительнаго доказательства или рѣзкаго изобличенія, гдѣ нужно. Нижегородскій воевода Алябьевъ отказывается вести малочисленное ополченіе; онъ не ждетъ, чтобъ „съ горстью войска“ былъ успѣхъ, и прибавляетъ: „мнѣ съ Господомъ не спорить!“ А Мининъ, въ отвѣтъ на это, мужественно обличаетъ обычную вялость дѣйствій воеводъ, и ихъ своекорыстіе, и мѣстническіе споры, и равнодушіе къ общественной нуждѣ, и легкомысліе къ присягѣ, а болѣе всего,— что собственныя нестроенія они хотѣли бы покрыть отсутствіемъ соизволенья Божія.

„Мы все на Бога. Сами виноваты,
А говоримъ: „Богъ не далъ.“ Да за что
Ему и дать-то намъ! Такое дѣло
Великое какъ дѣлалось, самъ знаешь.
Когда-то соберутся да пойдутъ,
Какъ точно черезъ пень колоду валятъ.
А соберутся — споры, да раздоры:
Да не о томъ, кто первый помереть
За Русь святую хочетъ; разбираютъ,
Кто старшій, набольшій, кто чиномъ больше,
Кто стольникъ, видишь ты, а кто бояринъ.
Другой бояринъ-то въ Калугѣ
Боярство-то отъ вора получилъ.

„Поспорятъ, покричатъ, дойдетъ до драки;
До смертнаго убивства доходило!
Потомъ и разойдутся насъ же грабить,
Врагу на радость, царству на погибель.
А тамъ и говорятъ, что не далъ Богъ.
Что за корысть великимъ воеводамъ
За насъ, за маленькихъ людей, сражаться,
За дѣло земское стоять до смерти!
Имъ хочется пожить да погулять!
Имъ хорошо вездѣ. Съ царемъ повздорилъ,
Такъ въ Тушино,—тамъ чинъ дадутъ боярскій;
Повздорятъ тамъ,—опять къ царю съ повинной:
Царь милостивъ, проститъ; а то такъ въ Польшу.
Да и цѣлуютъ крестъ кому попало,
Не разбирая; на году разъ пять
Господне имя всуе призываютъ.
И всѣ они, прости меня Господь,
Для временныя сладости забыли
О мукѣ вѣчной. Имъ ли насъ спасать!
Такими ли руками Русь очистить
И въ ней Господне царство обновить!“

И мужественныя, огненныя рѣчи Минина возбуждаютъ рѣшимость даже въ робкихъ сначала сердцахъ, преклоняютъ своекорыстныхъ къ великодушію и въ народной массѣ вызываютъ готовность „сбросить тяжесть помысловъ житейскихъ, и суеты, и будничныхъ заботъ“, чтобы выти на борьбу за общественную честь, за вѣру и отечество. Послѣ того, какъ воззваніе Минина къ народу, съ Лобнаго мѣста, возбудило народный восторгъ и собрались отовсюду обильныя пожертвованія и деньгами, и вещами, и товарами, Мининъ искусно подготовилъ выборъ воеводы. Всѣмъ „міромъ“ выбранъ на эту должность князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, а въ помощники ему—„чтобъ у такого великаго дѣла быть и казну вѣдать“—выбранъ, по указанію самого князя, Мининъ. И когда, по требованью Козьмы Захарьича, для вѣрности и прочности, избраніе народное записано въ приговоръ, и въ приговорѣ томъ означено, что Нижегородцы сдаются на всю его, Ми-

нина, волю, безусловно подчиняются всѣмъ его рѣшеніямъ, тогда только великій патріотъ принимаетъ на себя великую обязанность и съ восторгомъ восклицаетъ:

„Не премину радѣть о земскомъ дѣлѣ,
А за любовь за вашу бью челомъ.
Теперь у Господа молить я буду,
Чтобъ даровалъ мнѣ силу мышцъ и мудрость
Змѣиную, и кротость голубину.

(Дѣйствіе V, явл. 7).

Въ *Эпилогѣ* „Нижегородцы Нижняго Посада“ хлѣбомъ-солью и благословеньями напутствуютъ готовыя дружины, ополченье. И войско трогается (въ мартѣ 1612 г.). И чувствуется общее народное настроеніе въ послѣднемъ привѣтѣ Минина:

„Буде Богъ пошлетъ,
И нашимъ подвигомъ мы Русь избавимъ,
Великую отъ Бога примемъ милость
За избавленье христіанскихъ душъ,
И во вся роды, въ будущіе вѣки,
Къ навѣчной похвалѣ намъ учинится,
На славу намъ и на поминъ душъ нашихъ“.

Такимъ образомъ отъ перваго момента постановки Минина въ пьесѣ и до послѣдняго момента осуществленія завѣтной его мысли, личность этого патріота развита и закончена въ одномъ исключительномъ направленіи. При этомъ авторъ, оставаясь вѣрнымъ исторіи, художественно-ярко освѣтилъ эту личность лучшими, національно-русскими чертами: глубокою религіозностью, безпредѣльной преданностью достоинству и благу родины, непоколебимымъ убѣжденьемъ въ томъ, что только въ утвержденіи законной единодержавной власти заключается залогъ спасенія отъ смуты и начало силы и благополучія отечества.

Изъ прочихъ, дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ выдаются: князь Пожарскій, боярскій сынъ Поспѣловъ, Татьяна Юрьевна и Марѳа Борисовна.

Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій является только въ эпилогѣ, чтобы принять привѣтъ, хлѣбъ-соль Нижегородцевъ и чтобъ, передъ походомъ, сказать народу, съ какими чувствами и упованьями онъ сталъ во главѣ ополченья.

„Нижегородцы! Мы за васъ идемъ
Съ врагами биться, жизни не жалѣя;
А вы всещедраго молите Бога,
Чтобы Московское намъ государство
Въ соединеньи видѣть, какъ и прежде,
Какъ при великихъ государяхъ было;
Кровопролитье бъ въ людяхъ перестало;
А видѣть бы покой и тишину,
Какъ и доселѣ было въ государствѣ.“

Въ рѣчахъ другихъ участниковъ драмы личность Пожарскаго обрисовывается уже въ IV дѣйствіи, именно послѣ воззванія Минина къ народу. Боевая слава князя, раны, полученныя имъ при защитѣ Москвы, уже выдвинули его во мнѣніи русскаго народа впередъ всѣхъ прочихъ воеводъ. Вотъ почему, послѣ отказа Алябьева, всѣмъ міромъ избранъ князь Пожарскій и тутъ же рѣшено послать къ нему въ Суздальскую область выборныхъ людей „просить и кланяться, чтобъ шелъ къ намъ на-спѣхъ“. Затѣмъ въ V-мъ дѣйствіи, къ этой общей оцѣнкѣ личности Пожарскаго присоединяются еще нѣкоторыя дополнительныя черты. Въ разсказѣ Минина о свиданьи своемъ съ княземъ выдѣляются: его доброта, привѣтливость, обдуманность. „Мнѣ безъ тебя сражаться, что безъ рукъ. Давай ужъ вмѣстѣ Господу послужимъ“. Съ такими словами отпустилъ князь Минина. Въ разсказѣ Поспѣлова, который, въ числѣ прочихъ, былъ отправленъ къ князю бить челомъ, просить его на воеводство, также выясняются симпатичныя черты въ характерѣ Пожарскаго. Князь глубоко, до слезъ былъ тронутъ обращеньемъ выборныхъ къ нему, сму пришелся по сердцу земскій приговоръ; онъ объявилъ, что принимаетъ предложенье и что „за вѣру пострадать готовъ до самой смерти“ и тутъ же указалъ на Кузьму Минина, какъ на лучшаго себѣ помощника.

„Казну собирать и ратныхъ одѣлять
И всѣ дѣла намъ дѣлать заедино“.

Боярскій сынъ Поспѣловъ, какъ набросокъ характера, занимателенъ преимущественно чертами личнаго значенія. И эти черты такого свойства, что придаютъ характеру Поспѣлова нѣжный колоритъ и тѣмъ выдѣляютъ его изъ прочихъ дѣйствующихъ лицъ.

Въ характерѣ Поспѣлова особенно ярко выступаютъ: его глубокая преданность Марѳѣ Борисовнѣ, трогательная нѣжность чувства и довѣрчивое ожиданье, когда наконецъ его „родная“ — какъ онъ называетъ Марѳу Борисовну — согласится принять его руку; затѣмъ разочарованіе его въ своихъ надеждахъ, когда онъ увидѣлъ, что Марѳа Борисовна, одна изъ первыхъ, пожертвовала почти все свое состояніе на общественное дѣло, сама же хочетъ оставаться „Божьей сиротой“, т. е. собирается окончить жизнь въ монастырѣ; а жениху своему даетъ почувствовать, что въ трудныя для отечества времена лучшее назначеніе мужчины — стать въ ряды защитниковъ роднаго края и, если нужно, голову сложить за родину.

Что̀ мученикъ, что̀ на войнѣ убитый,
Вѣдь все равно. Куда ты угодишь,
Пойми! Намъ не бывать тамъ, гдѣ ты будешь!

Это кроткое внушеніе разомъ рѣшаетъ для Поспѣлова два вопроса: какъ быть съ своимъ сердцемъ и съ гражданскимъ долгомъ. Одно—разстаться со всякою надеждою склонить Марѳу Борисовну на бракъ. Другое — понять несвоевременность заботы о своемъ личномъ счастьи, когда всѣ кругомъ другіе люди отдаютъ всѣ свои помыслы, и силы, и труды, и достоянье на спасеніе отечества.

Женскій элементъ въ этой драмѣ, по замыслу и обработкѣ характеровъ, имѣетъ второстепенное значеніе. Жена Минина, Татьяна Юрьевна, очерчена слегка. И содержанія въ характерѣ ея не много. Она—любящая, преданная, покорная жена, заботливая хозяйка, но нѣтъ въ ней чуткости къ тѣмъ задачамъ и трудамъ общественной важности, которыми совершенно поглощенъ ея мужъ. Она безпрекословно исполняетъ требованья мужа, хотя и не понимаетъ ихъ. Ограниченность ея особенно бросается въ глаза, когда она приноситъ на городскую площадь свои драгоцѣнности и передаетъ ихъ, кому указано.

„Вотъ, государь ты мой, Кузьма Захарьичъ,
Ты приказалъ женѣ твоей, Татьянѣ,
Прислать тебѣ жемчугъ и ожерелья,
И съ камешками перстеньки, и всю
Забаву нашу, бабью. Я не знаю,
На что̀ тебѣ! Я все въ ларецъ поклала,

Не думавши, взяла и принесла.
Ты дума крѣпкая, Кузьма Захарычъ,
Ты слово твердое, такъ что намъ думать!

Другой женскій характеръ въ этой драмѣ, молодая и добродѣтельная вдова, Марѳа Борисовна, представляетъ больше содержанія и разработанъ авторомъ съ большей теплотой и полнотой. Характеръ ея обрисовывается отчасти въ разсказахъ о ней другихъ людей, отчасти въ ея собственныхъ разговорахъ и монологахъ. Въ самомъ началѣ драмы Аксеновъ (старикъ, богатый торговецъ) говоритъ о ней Поспѣлову:

„Святая женщина. Не много
Такихъ на бѣломъ свѣтѣ наберется.
Вся жизнь ея есть Господу хвала.
Во младости цвѣтущей овдовѣла,
И съ той поры, что̀ день, то новый подвигъ.
Спроси сиротъ, спроси убогихъ, нищихъ,
Чьей милостью и сыты, и одѣты,
Чья ласка краситъ горькіе ихъ дни!
Да еще плачетъ, что не всѣмъ доходитъ
Ея копѣйка.
На вольномъ свѣтѣ много лѣтъ я маюсь;
А что грѣшить, не приводилось видѣть
Такого дива. Баба молодая
Живетъ въ міру безъ мужа, безъ опоры,
Безъ старшихъ; а черницѣ не уступитъ
Смиреніемъ, пощеньемъ и молитвой.
И весела всегда; печальнымъ видомъ
Мірскихъ людей обидѣть не желаетъ.“

Тѣ же симпатичныя черты:—скромность, кротость, боязнь обидѣть человѣка даже словомъ — много разъ повторены въ разговорахъ ея съ Поспѣловымъ. Наконецъ, въ одномъ большомъ монологѣ (дѣйств. II, явл. 5), авторъ позволяетъ прочитать въ душѣ Марѳы Борисовны, какія мысли и чувства волнуютъ ее, какъ не легко ей строить свою жизнь въ соотвѣтствіи съ принятыми ею правилами, какъ не легко ей сосредоточиваться на молитвѣ и на дѣлахъ благотворенія, наперекоръ требованіямъ „мірской суеты“

и голосу собственной молодости. Этотъ монологъ слѣдуетъ непосредственно за нѣжно-настойчивыми просьбами Поспѣлова сократить ему, своимъ согласіемъ, томительное ожиданье свадьбы (дѣйствіе II, явл. 5).

„Какія рѣчи! Господи помилуй!
Не слушать бы! А какъ же ихъ не слушать!
Въ міру живешь съ людями; по-мірски
И надо жить—все видѣть и все слышать.
Куда бѣжать отъ суеты мірской?
Какъ отъ соблазна чистой уберечься?
Зіяетъ бездна, каждый часъ шумитъ
Житейское волнуемое море.
Ушла бы я, на крыльяхъ улетѣла
Въ святую келью, въ тихій уголокъ;
И въ трепетномъ сіяніи лампады,
Въ благоуханной тишинѣ святыни
Земное небо, рай свой увидала:
Боюсь внести въ святую тишину
Горячую, бунтующую юность.
О юность, юность, скоро ль ты пройдешь?
Мнѣ съ міромъ легче, чѣмъ съ тобой бороться.
Куда нейду, соблазнъ за мною слѣдомъ;
Напрасно я фатой широкой крою
И блескъ очей, и бѣлое лицо:
Подуетъ вѣтеръ, такъ ли распахнется—
И мигомъ грѣхъ въ чужой душѣ посѣешь.
О юность, юность, молодое время!
Куда бѣжать мнѣ? Господи помилуй!“

Вообще, характеру Маѳы Борисовны авторомъ придано столько правдивости, своеобразной граціи, чувства и теплоты, что эта личность вноситъ то нѣжный, то грустный оттѣнокъ въ составъ такой драмы, которая, главнымъ образомъ, служитъ отраженьемъ величественныхъ и строгихъ моментовъ родной старины, въ ея общественныхъ проявленьяхъ смутной эпохи.

Художественное значеніе драмы. Въ драмѣ „Кузьма Захарьичъ Мининъ, Сухорукъ“ Островскій умѣлъ совмѣстить требованія исто-

рической вѣрности событій и идеальной красоты и живости изображенія людей. *Съ исторической стороны* эта пьеса служитъ картиннымъ дополненіемъ изображаемой эпохи. Съ наибольшей яркостью выдаются въ этой картинѣ слѣдующія историческія данныя: отчаянное состояніе Москвы во время междуцарствія, когда ее жгли и раззоряли и поляки, и свои разбойничьи шайки, приверженцы то того, то другаго самозванца, то — такихъ искателей приключеній, какъ Трубецкой и Заруцкій; непоколебимая стойкость Троице-Сергіевскаго монастыря и главнаго вдохновителя русскихъ людей къ единодушію и доблести, т. е. Патріарха Гермогена, про котораго въ драмѣ Мининъ выразился такъ (дѣйств. I, явл. 6):

„Онъ наше утвержденіе и столпъ,
Онъ твердый адамантъ въ шатаньи общемъ,
Онъ Златоустъ второй, громитъ безстрашно
Предателей. Отъ нашей стороны
Онъ ждетъ спасенья русскому народу,
И изъ темницы умоляетъ насъ
Стоять за вѣру крѣпко, неподвижно“.

Далѣе: отголоски народнаго уваженія и признательности къ добрымъ защитникамъ національнаго дѣла, напримѣръ: Ляпунову, Пожарскому, Минину; особенность промышленно-торговаго положенія Нижняго-Новгорода, которое ему самому придало своеобразную самобытность и сдѣлало его торговымъ центромъ для восточныхъ окраинъ Московскаго государства; общерусское народное значеніе тѣхъ мотивовъ, которые подвигнули Нижегородцевъ къ ополченію, вслѣдствіе чего къ Нижнему потянулись дружины изъ прочихъ окрестныхъ областей и усилили войско Пожарскаго. — *Съ поэтической стороны*, эта пьеса, скромно названная „драматическою хроникою“, оказываетъ читателю еще большую услугу. Она уничтожаетъ время, отдѣляющее насъ отъ смутной эпохи, она придвигаетъ къ намъ дѣла и людей. Въ сердцахъ однихъ людей читаемъ ихъ мелкія, своекорыстныя, иногда даже преступныя, движенія; въ сердцахъ другихъ можемъ слѣдить, минута за минутой, какъ зарождаются великодушныя, патріотическія стремленія, какъ зрѣютъ подвиги чести, какъ укрѣпляются на борьбу за идеалы вѣры и правды и вдохновляютъ слабыхъ тѣ люди, въ душѣ которыхъ

сильнѣй горитъ огонь самоотверженья и живетъ вѣра въ торжество добра. Безъискуственно, чертами мягкими и свѣтлыми, идеализируются лучшіе участники великихъ національныхъ событій и живо трогаютъ читателя. То жалость, то негодованье, то состраданье, то восторгъ охватываютъ читателя и волнуютъ его. И въ этомъ разностороннемъ вліяніи произведенія Островскаго на воображеніе, на мысль, на чувство и убѣжденіе читателя сказывается, главнымъ образомъ, воспитательная сила поэтическаго творчества отечественнаго драматурга.

ГЛАВА VI.

Островскій.

Содержаніе: Общее замѣчаніе о драматической хроникѣ «*Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій*». Содержаніе ея. Главныя дѣйствующія лица: Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій. Характеристика ихъ. Значеніе лицъ второстепенныхъ и замѣчательнѣйшія изъ нихъ: Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, царица-инокиня Марѳа и Марина Мнишекъ. Историческое и поэтическое значеніе драматической хроники «*Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій*».

Пьеса „*Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій*“ написана въ 1867 году. Она названа „драматической хроникой“. Этимъ скромнымъ названіемъ какъ-бы свидѣтельствуется о томъ, что авторъ вполнѣ подчиняетъ свою творческую фантазію избранному историческому содержанію, какъ духу, такъ и всѣмъ подробностямъ хода историческихъ событій. Такое подчиненіе должно обнаружиться въ пьесѣ преобладаніемъ исторической точности надъ поэтической свободой въ развитіи и столкновеніи страстей, въ самомъ ходѣ драматической борьбы.

Пьеса распредѣлена на двѣ части, въ первой семь сценъ, во второй шесть.

Подробное содержаніе первой части:

Сцена 1-я: сѣни въ домѣ Василія Шуйскаго, 19 іюня 1605 года. Московскіе люди испытываютъ необыкновенное волненіе, по случаю извѣстія о восшествіи на престолъ Дмитрія. Одни волнуются отъ радости, что на престолъ восходитъ потомокъ Мономаха; другіе, наоборотъ, волнуются негодованіемъ, „что воръ, раз-

стрига, Гришка, Богдановъ сынъ, Отрепьевъ, по совѣту діаволю, на царствѣ утвердился". Василій Шуйскій, черезъ своихъ приверженцевъ, тайно распространяетъ въ народѣ молву о Самозванцѣ и увѣренъ, что Самозванецъ не проченъ на престолѣ и что, послѣ него, народомъ будетъ избранъ онъ, Василій Шуйскій, какъ достойнѣйшій изъ русскихъ бояръ и патріотовъ.

Сцена 2-я: Кремль, 20 іюня 1605 года. Въ средѣ бояръ думы и ожиданія различны: одни изъ бояръ ожидаютъ отъ Дмитрія правленія мудраго, національнаго, народу—льготъ, боярамъ—вольности; другіе, съ Васильемъ Шуйскимъ во главѣ, ждутъ пренебреженья ко всему русскому. По выходѣ изъ собора Дмитрій—точно въ подтвержденіе этихъ послѣднихъ думъ,—прежде, чѣмъ принять привѣтствія бояръ, обращается къ Маржерету и къ іезуитскому патеру.

Сцена 3-я: Золотая палата въ Кремлѣ, 21 іюня 1605 года. Торжественное настроеніе души Дмитрія выражается твердымъ намѣреніемъ царствовать не страхомъ, а любовью и милостью. Ѳедоръ Басмановъ старается убѣдить его въ томъ, что на бояръ нужна гроза, что только грозою можно сдерживать ихъ крамолы. При этомъ, онъ настойчиво указываетъ на измѣну Василія Шуйскаго. Дмитрій повелѣваетъ назначить надъ Шуйскимъ судъ въ Царской Думѣ, изъ выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ народа, и подсудимому дать всѣ средства оправдаться. Въ заключительномъ монологѣ Дмитрій говоритъ о своемъ темномъ происхожденіи, дивится судьбѣ, которая возвела его на „гремящій московскій тронъ" и еще разъ высказываетъ свое твердое намѣреніе царствовать милостиво, прославить Русь и вознести ее высоко.

Сцена 4-я: Грановитая палата, 24 іюня 1605 года. Сцена суда надъ Васпліемъ Шуйскимъ. Соборомъ приговорили: Шуйскаго Василія казнить, а братьевъ разослать по городамъ. Дмитрій повелѣваетъ исполнить приговоръ, а въ тотъ моментъ, когда палачъ надъ осужденнымъ занесетъ топоръ, объявить, что царь ему даруетъ жизнь и, въ замѣну смертной казни, отправляетъ его въ пожизненную ссылку, за Кострому, съ лишеніемъ боярства; не доѣзжая до мѣста ссылки повелѣно объявить второй приказъ государя: вернуть Шуйскаго въ Москву, возвратить ему боярство, и вотчины, и все его имѣнье. Многіе бояре восхищены такою милостью, нѣкоторые, по уходѣ царя, соболѣзнуютъ, что

Дмитрій, по молодости, опрометчиво играетъ и короной, и своей головой, и судомъ, и боярствомъ. Еще до появленія Дмитрія въ палатѣ суда, многіе бояре не могутъ скрыть негодованья на то, что въ составъ суда надъ боярином вошли и торговцы, и черный народъ. Бояре предвидятъ въ этой новизнѣ возможность, въ близкомъ, будущемъ, приниженія бояръ и развитія народнаго самоуправства.

Сцена 5-я: Шатеръ въ селѣ Тайнинскомъ, 18 іюля 1605 года. Сначала Ѳедоръ Басмановъ, а потомъ самъ Дмитрій Самозванецъ убѣждаютъ престарѣлую инокиню — царицу Марѳу признать его Дмитрія, за своего роднаго сына. Самозванецъ сулитъ ей невиданный почетъ, богатство, безпредѣльную сыновнюю ласку и любовь. Царица Марѳа склоняется на эту просьбу. Оба выходятъ изъ шатра къ народу. Ихъ привѣтствуетъ всеобщій народный восторгъ.

Сцена 6-я: Комната въ домѣ Голицына.—Въ средѣ бояръ идетъ толкъ о томъ, что быстрое возвышеніе папа Юрія Мнишка грозитъ „умаленьемъ чести боярской“, а недальновидные совѣтники самозванца ведутъ его къ погибели. Съ другой стороны, предстоящее въ скоромъ времени возвращеніе хитраго Шуйскаго въ Москву грозитъ боярству тѣмъ, что послѣ паденія самозванца, пожалуй, Шуйскій же съумѣетъ захватить престолъ. Въ предупрежденіе самоуправства Шуйскаго, Голицынъ, въ тайномъ договорѣ съ Куракинымъ, рѣшаютъ ограничить его власть Боярской Думой, а если онъ не согласится подписать грамоту, откажется цѣловать крестъ боярству, то—послать къ Сигизмунду просить на царство Владислава: „ужъ ежели идти въ порабощенье, такъ къ чужому, а не къ своему“.

Сцена 7-я: Черная изба у Шуйскаго. Въ тайной бесѣдѣ съ преданнымъ ему калачникомъ Василій Шуйскій узнаетъ, сколько въ Москвѣ безчинства отъ приближенныхъ къ самозванцу нѣмцевъ и поляковъ, сколько бродитъ въ народѣ негодованія на оскорбителей старинныхъ русскихъ нравовъ и вѣры православной, на изобиліе доносовъ, пытокъ, разоренья. Неожиданный пріѣздъ князя Мосальскаго, во главѣ посольства, съ привѣтомъ отъ царя и съ вѣстью о томъ, что съ князя Василія Шуйскаго снимается опала и возвращаются ему: достоинство, и вотчины, и все добро,—все это вызываетъ восторженный отвѣтъ Шуйскаго. Онъ проситъ бояръ повергнуть къ стопамъ царя его безпредѣльную, признательную преданность. Онъ спѣшитъ самъ явиться къ государю, а все

посольство приглашаетъ къ себѣ на завтра „на званый столъ, на разливанный пиръ — отпраздновать цареву милость“.

Подробное содержаніе второй части.

Сцена 1-я: Передняя комната въ новомъ дворцѣ у самозванца, 23 апрѣля 1606 года.—Голицынъ, Татищевъ, Мстиславскій и Василій Шуйскій разговариваютъ о новыхъ порядкахъ въ Москвѣ, о новыхъ потѣхахъ и сборахъ при дворѣ. Негодованіе слышится въ этихъ рѣчахъ—и на безумные расходы, по случаю предстоящей свадьбы самозванца съ Мариной Мнишекъ, и на проектъ ненужнаго, разорительнаго похода на Крымскаго Гирея, и, болѣе всего, на потворство самозванца латинской вѣрѣ и іезуитскимъ школамъ. Выходъ Дмитрія съ Басмановымъ, Бѣльскимъ и Мосальскимъ прекращаетъ эти толки. Пространно и пышно самозванецъ возвѣщаетъ боярамъ, что скоро онъ украситъ тронъ московскій „рѣдкою жемчужиной“; затѣмъ входитъ въ большія подробности относительно роскошной отдѣлки палатъ, назначенныхъ для принятія царской невѣсты, относительно посылки богатѣйшихъ подарковъ на встрѣчу Маринѣ, наконецъ, относительно устройства простора и удобства „для гостей ясновельможныхъ“, т. е. свиты Марининой. Хитроумный Василій Шуйскій предлагаетъ, для этой послѣдней цѣли, очистить Кремль и, если бы понадобилось, то—„для красавицы-царицы, невиданной, неслыханной нигдѣ“ — повытѣснить „поповъ, купцовъ изъ ихъ дворовъ“. Слабый протестъ нѣкоторыхъ бояръ противъ коварныхъ совѣтовъ Василія Шуйскаго вызываетъ неудовольствіе самозванца: онъ въ рѣчахъ Шуйскаго видитъ свидѣтельство ума и дальновидности и безграничной преданности государю. Въ концѣ сцены появляется дьякъ изъ приказа, Тимоѳей Осиповъ, и объявляетъ, что онъ пришелъ просить у самозванца смерти, что ему не подъ силу жить, когда на каждомъ шагу онъ долженъ видѣть, какъ безнаказанно кощунствуютъ иновѣрцы и еретики надъ вѣрой православной и надъ русскою святыней, а „разстрига-самозванецъ“ безсиленъ оградить Москву и Русь отъ поруганья. Басмановъ и Бѣльскій заносятъ надъ дьякомъ бердыши, но опускаютъ ихъ, какъ только Осиповъ сказалъ, что онъ постомъ и покаяньемъ себя огородилъ отъ страха смерти и ждетъ принять отъ нихъ мученическій вѣнецъ. Дмитрій пораженъ

всей этой сценой; онъ называетъ московскій народъ жестокимъ, непреклоннымъ, желѣзнымъ и безчувственнымъ, не способнымъ цѣнить его милости. По приказу Дмитрія Осиповъ отведенъ въ тюрьму.

Сцена 2-я: Деревянная келья въ Москвѣ, 5 мая 1606 года. Въ бесѣдѣ съ отцомъ своимъ Марина Мнишекъ высказываетъ неудовольствіе на московскіе нравы и нѣкоторую неувѣренность въ томъ, упрочится ли Дмитрій на престолѣ, такъ какъ ей вѣдомо уже, что бояре кланялись Сигизмунду и просили на царство Владислава. Юрій Мнишекъ успокоиваетъ ея сомнѣнія и высказываетъ увѣренность, что Марина съумѣетъ достойно поддержать въ Москвѣ честь и гоноръ родовитыхъ пановъ польскихъ. Появленіе Дмитрія дастъ другой ходъ сценѣ. Юрій Мнишекъ удаляется. Наединѣ съ Мариной Дмитрій сѣтуетъ на ея холодность и сдержанность. Марина, въ отвѣтъ на горячія рѣчи самозванца, притворно увѣряетъ его, что ее страшитъ сіяніе престола и блескъ могущества Дмитрія, что только коронованіемъ *до* брачнаго вѣнца Дмитрій можетъ сравнять ее съ собою,—и тогда у ней исчезнетъ робость. Дмитрій соглашается на все. Назначено: Маринѣ завтра переѣхать во дворецъ, а послѣ-завтра — день коронованья, присяга всѣхъ бояръ и войска на подданство Маринѣ, какъ и Дмитрію.

Сцена 3-я: Верхнія сѣни въ домѣ Шуйскаго, 11 мая 1606 года.— Собраніе приверженцевъ Василія Шуйскаго: Дмитрій Шуйскій, Голицынъ, Куракинъ, Татищевъ, дворяне, дѣти боярскія и головы стрѣлецкіе. Въ пространной рѣчи Василій Шуйскій объясняетъ собранію весь ходъ интриги, которая окончилась утвержденіемъ на престолѣ Московскомъ „разстриги Лжедмитрія“. Далѣе—излагаются безчинства, произволъ и всякія притѣсненія, которыя разразились надъ Москвой, вслѣдъ за водвореніемъ въ Москвѣ самозванца съ Мариной, съ польскими панами, со всею польской челядью. Наконецъ, въ собраніи рѣшается, что такъ далѣе жить нельзя, „пора за вѣру стать“ и—лучше умереть, чѣмъ „жить у нехристей подъ властью“. Василій Шуйскій даетъ наставленіе: головамъ и сотникамъ по сотнямъ, а купцамъ-торговцамъ по рядамъ сбирать товарищей, вооружаться и черезъ недѣлю, въ субботу, какъ только на зарѣ, по всей Москвѣ, раздастся набатный колоколъ, быть всѣмъ готовыми спѣшить въ Кремль.

Сцена 4-я: Улица въ Китай-городѣ, 12 мая 1606 года. Глу-

хое негодованіе народное на безчинства поляковъ прорывается то тутъ, то тамъ, сначала въ видѣ ропота на неуваженіе къ русскимъ нравамъ, а потомъ въ видѣ открытаго сопротивленія приверженцамъ латинцевъ. Въ концѣ сцены раздаются крики купца, который выбѣгаетъ на улицу и зоветъ народъ на помощь: поляки силой отбили у него дочку и потащили къ дому Вишневецкаго. Толпа народа, въ томъ числѣ Иванушко-дурачекъ, съ полѣньями и камнями, бросаются на поляковъ; въ драку вмѣшивается нѣмецкая рота съ капитаномъ. Свалка кончается тѣмъ, что Ивана-дурачка нѣмцы хватаютъ, вяжутъ и уводятъ въ плѣнъ, воображая, что онъ-то и есть главный предводитель мятежа („Das ist ihr Hauptman!“ восклицаетъ капитанъ).

Сцена 5-я: Зала въ новомъ дворцѣ, 13 мая 1606 года.—На балу веселое настроеніе Дмитрія и Марины нарушается взаимнымъ раздраженіемъ поляковъ и русскихъ. Съ одной стороны посолъ Сигизмунда, Олесницкій, Юрій Мнишекъ и Вишневецкій, съ другой — Василій Шуйскій и Голицынъ обмѣниваются насмѣшками. Басмановъ смущаетъ Дмитрія настойчивыми наговорами на русскихъ бояръ вообще и на Василія Шуйскаго въ особенности. Секретарь Дмитрія, Бучинскій, докладываетъ о недавней уличной схваткѣ и о томъ, что „зачинщикъ-предводитель“ бунта (т. е. Иванушка-дурачекъ) попался въ плѣнъ. Василій Шуйскій искусно пользуется этимъ обстоятельствомъ. По его докладу, Дмитрій велитъ позвать этого „зачинщика-предводителя“. Явленіе Ивана-дурачка вызываетъ не столько смѣхъ, сколько досаду Дмитрія. Онъ издѣвается надъ трусостью пановъ и тутъ-же приказываетъ: „нѣмцамъ, за глупость ихъ, построже пригрозить“.

Сцена 6-я: Передняя зала съ выходомъ на галлерею въ новомъ дворцѣ, 17 мая 1606 года.—Тревога во дворцѣ, когда раздался по Москвѣ набатный звонъ. Думаютъ сначала, что то — пожаръ; но скоро самъ Дмитрій узнаетъ, что не пожаръ, а народное возстаніе въ Москвѣ. Вооруженныя толпы, подъ предводительствомъ Василія Шуйскаго, наполняютъ Кремль, осаждаютъ дворецъ. Наемные нѣмцы и горсть приверженцевъ-стрѣльцовъ безуспѣшно успѣваются отстоять палаты. Раненый въ свалкѣ Дмитрій бросается однакоже впередъ, чтобы умереть съ оружіемъ въ рукахъ, и погибаетъ въ суматохѣ. Внизу, на площади раздаются

крики: „Храни тебя Господь на многи лѣта, Великій Князь и Государь Василій Ивановичъ!“ Среди всеобщихъ восклицаній въ честь Василія Шуйскаго, рѣзкимъ диссонансомъ отзывается замѣчаніе Голицына:—„крамольникъ онъ отъ головы до пятокъ! Бояриномъ ему бъ и оставаться, крамольнику не слѣдъ короноваться!“

Краткое содержаніе драмы „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“. Пьеса захватываетъ въ свое содержаніе событія отъ 19-го іюня 1605 года до 17-го мая 1606 года, т. е. все царствованіе перваго Лжедмитрія. Начинается драма радостнымъ волненіемъ Москвы при вѣсти о восшествіи на престолъ законнаго потомка царей благочестивыхъ, Божіимъ промысломъ спасеннаго отъ измѣнниковъ. Въ концѣ драмы опять волнуется Москва, но только не радостью, а вооруженнымъ возстаніемъ на Лжедмитрія. Въ концѣ перваго волненья — торжество и ликованья, въ концѣ послѣдняго — набатъ, кровопролитіе и гибель самозванца. Между этими, крайними предѣлами, на пространствѣ 11 мѣсяцевъ, расположены у автора главнѣйшіе моменты захваченныхъ имъ историческихъ событій. Преобладающій элементъ драмы—онъ же проходитъ черезъ всю пьесу—состоитъ въ томъ, что Василій Шуйскій сначала тайно, а потомъ открыто, но вездѣ хитро и дальновидно, подготовляетъ Лжедмитрію низверженіе съ престола, себѣ же—избраніе на его мѣсто.—Вся драма раздѣлена на двѣ части. *Въ первой части* (въ ней 7 сценъ) бояре сначала переживаютъ пріятныя надежды — получить новыя льготы и новую честь, но скоро приходится имъ разочароваться въ своихъ надеждахъ. Они не могутъ не видѣть, какъ самозванецъ вездѣ отличаетъ поляковъ и нѣмцевъ и плохо скрываетъ, или даже совсѣмъ не скрываетъ, презрѣнье къ малой образованности бояръ и къ русскимъ обычаямъ вообще. Лжедмитрій желалъ бы царствовать не грозою, а довѣріемъ и ласкою, но сами же бояре, а особенно выскочка — Басмановъ, своимъ пронырствомъ, возбуждаютъ его къ недовѣрію и жестокости.

По настойчивымъ навѣтамъ Басманова, Лжедмитрій отдаетъ Василія Шуйскаго на судъ собора изъ духовенства, вельможъ и простыхъ людей. Пристрастный судъ приговорилъ Шуйскаго къ смертной казни. Царь повелѣлъ исполнить приговоръ, но въ самый моментъ казни приходитъ отъ царя помилованіе, казнь замѣняется ссылкою, а эта послѣдняя—полнымъ прощеніемъ, возвращеньемъ

Шуйскому свободы, помѣстьевъ и боярства. Въ первой же части выдается еще сцена свиданія Лжедмитрія съ царицей Маріей, въ селѣ Тайнинскомъ, 18-го іюля 1605 года. Самозванцу удается уговорить царицу-инокиню признать его предъ всѣмъ народомъ за своего сына. Первая часть драмы оканчивается торжественно-поспѣшными сборами Шуйскаго явиться во дворецъ—припасть къ стопамъ царя и посвятить ему остатокъ своей жизни „и вѣрнымъ псомъ на стражѣ стать у трона“. *Во второй части* особенно выдаются слѣдующія обстоятельства: недовольство въ боярской средѣ на иноземные обычаи, которые царь насильно водворяетъ въ Москвѣ; негодованіе на неномѣрную расточительность Лжедмитрія по случаю ожиданія пріѣзда въ Москву царской невѣсты, т. е. Марины Мнишекъ, еще бо́льшее негодованіе на то, что для размѣщенія многочисленной свиты Марины, царь, по коварному совѣту Василія Шуйскаго, повелѣлъ повытѣснить многихъ священниковъ, купцовъ и дворянъ изъ ихъ собственныхъ домовъ. Кругомъ Лжедмитрія зрѣютъ опасности. Тщеславная Марина, пользуясь безграничнымъ своимъ вліяніемъ на сердце Лжедмитрія, достигла того, что царь согласился на ея коронованіе еще *до* замужества. Василій Шуйскій, съ достаточнымъ числомъ приверженцевъ, воспользовался глухимъ негодованіемъ народа на „еретиковъ“, успѣлъ утвердить въ народѣ убѣжденіе, что престоломъ неправо овладѣлъ „разстрига и воръ“. Безнаказанныя дерзости и безчинства поляковъ и нѣмцевъ въ Москвѣ, съ одной стороны, и ловкость крамолы Василія Шуйскаго, съ другой стороны, ускоряютъ трагическую развязку событій, т. е. народное возстаніе, осаду Кремля и царскихъ палатъ, свалку съ нѣмецкою ротой и приверженцами—стрѣльцами, наконецъ—гибель Лжедмитрія.

Дѣйствующія лица. Изъ множества дѣйствующихъ въ этой драматической хроникѣ лицъ съ большою полнотою и вниманіемъ разработаны: Самозванецъ и Василій Шуйскій. Они оба наполняютъ собою всю драму, прочія лица служатъ только дополненіями къ этой многолюдной, сложной, то мрачной, то яркой картинѣ воспроизводимыхъ событій и дѣйствій.

Дмитрій Самозванецъ изображенъ чертами исторически вѣрными. Это тотъ же безродный, невѣдомый, отважный проходимецъ, который въ ранней молодости скитался по дворамъ подозрѣваемыхъ

Борисомъ бояръ, спасался отъ преслѣдованій въ кельѣ монастырской, въ одеждѣ послушника, а потомъ въ Польшѣ послужилъ ловкимъ орудіемъ интриги для политическихъ и іезуитскихъ замысловъ противъ Москвы. Въ характерѣ Самозванца ярко выступаютъ слѣдующія черты: честолюбіе, отвага, увлеченіе польской образованностью и Мариною Мнишекъ, презрительное отношеніе къ русской старинѣ и русскимъ нравамъ, пристрастіе къ иностраннымъ обычаямъ и энергическое преобразованіе Москвы на европейскій ладъ. Наиболѣе существенныя и лучшія черты характера Самозванца съ особенною яркостью выступаютъ въ тѣхъ мѣстахъ драмы, гдѣ авторъ сопоставляетъ думы и взгляды Самозванца съ другими, имъ противоположными. Такъ, напримѣръ, въ началѣ драмы, когда Басмановъ, пользуясь довѣріемъ Самозванца, внушаетъ ему, что безъ грозы Московскимъ царствомъ не управить, Самозванецъ, напротивъ, убѣжденъ, что щедроты и милость составляютъ для того лучшее, надежнѣйшее средство Онъ возражаетъ Басманову:

„Не диво мнѣ такія рѣчи! Править
Вы знаете одно лишь средство — страхъ!
Вездѣ, во всемъ вы властвуете страхомъ:
Вы женъ своихъ любить васъ пріучали
Побоями и страхомъ; ваши дѣти
Отъ страха глазъ поднять на васъ не смѣютъ;
Отъ страха пахарь пашетъ ваше поле;
Идетъ отъ страха воинъ на войну;
Ведетъ его подъ страхомъ воевода;
Со страхомъ вашъ посолъ посольство правитъ;
Отъ страха вы молчите въ думѣ царской!
Отцы мои и дѣды, государи,
Въ ордѣ татарской, за широкой Волгой,
По ханскимъ ставкамъ страха набирались
И страхомъ править у татаръ учились.
Другое средство лучше и надежнѣй—
Щедротами и милостью царить“.

Тѣ же мысли и то же намѣреніе онъ еще съ большей рѣшительностью высказываетъ въ концѣ монолога, при видѣ царскаго престола и при воспоминаніи объ Іоаннѣ Грозномъ:

„Я чувствую, что не простая кровь
Течетъ во мнѣ; войнолюбивымъ духомъ
Кипитъ душа — побѣдъ, коронъ я жажду;
Мнѣ битвъ кровавыхъ нужно, нужно славы,
И цѣлый свѣтъ въ свидѣтели геройства
И подвиговъ моихъ. Отецъ мой Грозный,
Пусти меня! Счастливый Самозванецъ
И царствъ твоихъ невольный похититель,
Я не возьму тиранскихъ правъ твоихъ—
Губить и мучить. Я себѣ оставлю
Одно святое право всѣхъ владыкъ—
Прощать и миловать. Я обѣщаю
Прославить Русь и вознести высоко,
И потому теперь сажусь я смѣло
На сей священный, грозный маіестатъ“.

Въ сценѣ осужденья Василія Шуйскаго, въ противоположность рѣзкихъ, ненавистныхъ восклицаній самихъ судей: „повиненъ смертной казни!“ „Измѣнникъ онъ!“—„Всѣмъ Шуйскимъ смерть!“ и т. п., рѣшеніе Дмитрія полно достоинства и царской милости.

. . . . . „Приговоръ исполнить!
На лобномъ мѣстѣ завтра прочитать
Его Василью, положить на плаху
Бунтовщика, занесть топоръ надъ нимъ
И объявить, что мы прощаемъ,
Что вмѣсто казни посылаемъ въ ссылку
По смерть его, съ лишеніемъ боярства;
А вотчины и все имѣнье Шуйскихъ
Мы отписать велимъ въ свою казну.
Недоѣзжая мѣста, воротить
Его въ Москву и возвратить боярство,
И вотчины, и все его имѣнье.“

Потребность довѣрія и откровенности, сознанье собственныхъ недостатковъ отчетливо (въ концѣ драмы) высказаны Самозванцемъ Басманову, въ отвѣтъ на его настойчивыя внушенія, что Василій Шуйскій есть главный и опаснѣйшій крамольникъ смуты на Москвѣ.

Вотъ это мѣсто рѣчи Самозванца:

„Подозрѣвать бояръ своихъ ближайшихъ
И каждый часъ беречься ихъ измѣны,—
Такъ жить нельзя. Ты выведи мнѣ ясно
Измѣнниковъ, я ихъ не пожалѣю,
Не только Шуйскаго, а половину Думы
Казнить велю сейчасъ; но безъ улики
Они—друзья мои: и я имъ вѣрю...
Басмановъ! намъ съ тобой бояре нужны.
Правители плохіе мы: не знаемъ
Цѣны казнѣ, цѣны своимъ рѣчамъ:
Мы—воины. Снаровка вѣковая,
Боярская за насъ управитъ землю,
Поддержитъ честь ея въ дѣлахъ посольскихъ;
А мы съ тобой все лѣто воевать,
А зиму всю гулять да пировать.“

Въ послѣднія минуты жизни Самозванца, авторъ также обнаружилъ въ характерѣ его черты рѣшимости и мужества. Когда исчезло всякое недоумѣніе относительно волненія въ Кремлѣ и Басмановъ бросился удержать Самозванца, то Дмитрій со словами: „Пусти меня, Басмановъ! я умереть хочу съ мечомъ въ рукахъ!“ выбѣжалъ на галлерею, чтобы прямо къ бунтовщикамъ обратить строгое изобличительное слово.

„Зачѣмъ вы здѣсь? Крамольники, злодѣи,
Измѣнники! Я вамъ не Годуновъ!
Поклонами холопскими, слезами
Укланяли его да умолили
На царство сѣсть, и сами же спихнули!
Не вы меня на царство посадили,
Я съ бою взялъ его и васъ, холоповъ“.

Привлекательныя черты въ характерѣ Самозванца закрыты такими его свойствами и дѣйствіями, которыя постепенно и во всѣхъ сословіяхъ подготовляютъ недовольство, негодованіе и озлобленіе; дѣлаютъ его въ глазахъ русскихъ людей человѣкомъ чужимъ, еретикомъ, злодѣемъ, чѣмъ и объясняется трагическій конецъ Самозванца. Эти стороны характера Лжедмитрія: раболѣпство предъ своенравіемъ Марины, небрежность къ русскому боярству и

народу, крайняя расточительность, пристрастіе къ іезуитамъ и иноземцамъ, а главное—презрѣнье къ православію, къ русскимъ обычаямъ, безродность и случайность возвышенія его путемъ іезуитско-польской интриги. Объ этихъ сторонахъ историческаго характера Самозванца узнаемъ въ разныхъ мѣстахъ драмы, во всѣхъ сословіяхъ и кружкахъ, гдѣ заходитъ рѣчь о Самозванцѣ. Въ такомъ духѣ говорятъ о немъ и въ тѣсномъ боярскомъ кругу, и открыто въ народѣ, на улицѣ и на площади. Въ такомъ же духѣ говоритъ Дмитрію приказный дьякъ Тимофей Осиповъ (часть II, сцена 1-я), и въ словахъ его какъ бы слышенъ всенародный ропотъ, всенародное негодованье на то, чѣмъ оскорбляется Москва. Когда Осиповъ объявилъ, что онъ пришелъ изъ церкви, гдѣ только-что очистилъ себя покаяніемъ и къ смерти приготовился и теперь хочетъ высказать Дмитрію свои личныя и всенародныя обиды, Самозванецъ, въ недоумѣніи, сказалъ:

„Не знаю, чѣмъ и какъ я могъ напрасно
Тебя обидѣть, добрый человѣкъ.“

А Осиповъ отвѣтилъ:

„А тѣмъ, что ты въ святыхъ стѣнахъ кремлевскихъ,
Среди церквей, вертепъ грѣху поставилъ,
Нечестію и ереси поганой!
Святую тишь молитвы православныхъ
Нарушилъ ты гудѣньемъ мусикійскимъ!
Вхожденіемъ еретиковъ латинскихъ
И люторскихъ ты храмы осквернилъ.
Гдѣ я молюсь, предъ чѣмъ благоговѣю,
Куда ступаю съ трепетомъ священнымъ,
Туда со мной литвинъ и ляхъ съ руганьемъ
И мерзостнымъ кощунствомъ вмѣстѣ входятъ.
. . . . . .
Какой ты царь! Тебѣ ль управить царствомъ,
Когда собой управить ты не въ силахъ!
Какой ты царь! Ты самъ въ оковахъ рабства!
Воистину разстрига, а не царь!“

При такой рѣзкой постановкѣ характера Дмитрія, наперекоръ національно-русскимъ преданіямъ, вѣрованіямъ, обычаямъ и идеа-

ламъ жизни, становится наглядной и понятной неизбѣжность гибели Самозванца. Эта идея высказывается въ заключительныхъ въ драмѣ словахъ Голицына:

„Крамолой сѣлъ Борисъ, а Дмитрій силой:
Обонмъ тронъ Московскій былъ могилой."

Князь Василій Шуйскій представляетъ художественно-разработанный характеръ. Во всѣ моменты своего участія въ драмѣ онъ проявляетъ себя тѣми именно чертами, какими эта личность отмѣчена въ исторіи. Эти черты: сановитость, самообладаніе, властолюбіе, опытность и дальновидность въ политическихъ дѣлахъ, холодная разсчетливость и изворотливость въ поступкахъ, настойчивость въ преслѣдованіи своей цѣли и чрезвычайное умѣнье пользоваться и людьми, и обстоятельствами для своихъ собственныхъ выгодъ. Во все продолженіе драмы Василій Шуйскій остается вѣренъ своей задачѣ, а задача его въ томъ, чтобы изобличить Самозванца, возбудить противъ него народное возстаніе и послѣ низверженія его съ престола сѣсть на его мѣсто. Сообразно этому плану Шуйскій и дѣйствуетъ — сначала тайно, подъ-конецъ открыто. И дѣйствуетъ не одинъ. У него много сотрудниковъ, приверженцевъ въ простомъ народѣ и въ средѣ боярской. У тѣхъ и у другихъ своеобразные мотивы. Простые люди ищутъ правды, законности, предпочитаютъ лучше умереть за вѣру, нежели повиноваться еретику и разстригѣ. Бояре же непрочь содѣйствовать низверженію Самозванца, чтобы не допустить его совсѣмъ умалить честь боярскую, чтобы не дожить до сраму видѣть, какъ Юрій Мнишекъ и съ родней засядетъ въ думѣ царской, и станутъ въ ней родовитыхъ бояръ гонять, какъ мальчишекъ. Истинный строй мыслей и намѣреній Василья Шуйскаго высказанъ имъ въ первомъ большомъ монологѣ (въ 1-же сценѣ первой части драмы). Тайный докладъ приверженцевъ убѣдилъ его, что негодованье въ московскомъ народѣ на еретическія новшества растетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ опасность для Самозванца и открываются заманчивыя перспективы для замысловъ Шуйскаго. И онъ рѣшительно ставитъ себѣ задачу: воспользоваться паденіемъ Дмитрія, достигнуть престола—какими бы ни было средствами.

Онъ говоритъ:

„Сегодня трое, завтра будетъ больше,
А черезъ мѣсяцъ, вся Москва—моя.
Безвѣстный царь, бродяга безъимянный,
Душой полякъ и падокъ на утѣхи;
Какъ скоморохъ безъ разума, проворенъ;
Какъ пьяный дьякъ, болтаетъ безъ умолка:
Онъ вскормленникъ прямой пановъ хвастливыхъ!
Не долго ждать, онъ прыть свою покажетъ,
И скоро людъ московскій православный
Безчинія такого на престолѣ
Насмотрится, чего во снѣ не снилось!
Забвенія отеческихъ преданій,
Кощунства иноземцевъ надъ святыней,
На грозномъ тронѣ шутовскихъ забавъ
Народъ не любитъ. Грозному Ивану
Народъ простилъ распутства, злодѣянья,
Мучительства безропотно стерпѣлъ —
За сановитость царскую, за строгость
Его лица и поступи, за чинность
И набожность. Москва привыкла видѣть,
Какъ царь ея великій, православный,
На высотѣ своей недостижимой,
Одной святынѣ молится съ народомъ,
Уставы церкви строгіе блюдетъ,
По праздникамъ духовно веселится,
А въ дни поста, въ смиренномъ одѣяньи,
Съ народомъ вмѣстѣ каяться идетъ;
Но скомороха на престолѣ царскомъ
Терпѣть не станетъ! Рано или поздно,
Бродяга, царь московскій, самовольный,
Поплатится удалой головой.
Потомъ... потомъ... я—царь. Начнется снова
И благолѣпіе, и чинность, и порядокъ.
По-старому мы царствовать начнемъ,
По-старому, въ день нашего вѣнчанья,
По всей Руси, подъ колокольный звонъ,

Польются милости народу щедро;
По-старому грозить полякамъ будемъ,
Пугать татаръ; по-старому... бояться
Измѣнниковъ!... волжбы и чародѣйства!
По-старому... боярская крамола!
О, Господи!... измѣны да опалы!
Тревоги да крамолы!
Бояться ихъ! Рожденному на тронѣ
Тяжка она—корона Мономаха!
А мнѣ, рабу, холопу Годунова,
Почувствовать себя хоть разъ владыкой,
Почувствовать, что между мной и Богомъ
Ни власти нѣтъ, ни силы! О!... Какихъ-же
Тревогъ, заботъ я побоюсь, какими
Крамолами во мнѣ смутится сердце!
Рѣшился я. Отнынѣ каждый помыслъ
И каждый шагъ ведутъ меня къ престолу;
Умомъ, обманомъ, даже преступленьемъ
Добьюсь вѣнца. О Господи! помилуй
Насъ грѣшниковъ!

И этой своей программѣ Шуйскій остается вѣренъ до конца. Онъ не смущается даже такими опасностями, какъ, по настоянію Басманова, назначенный надъ нимъ соборный судъ. На этомъ судѣ онъ смѣлой откровенностью, умомъ, изобличеніемъ Басманова и прочихъ выскочекъ-бояръ поражаетъ Самозванца и подготовляетъ себѣ такое рѣшенье, какого враги его никакъ не ожидали. Вмѣсто паденья, значенье Шуйскаго потомъ растетъ все больше и больше. И въ средѣ боярской чувствуется недалекое и совсѣмъ особенное возвышеніе его. Голицынъ говоритъ Мстиславскому:

„Я бьюсь съ тобою о великъ закладъ,
Что не пройдетъ недѣли, князь Василій
И въ Думѣ первый, и въ совѣтѣ будетъ,
И самый ближній другъ царю. Ну, хочешь?“

И дѣйствительно: системою угодливости, подобострастія, умомъ, совѣтомъ и находчивостью Василій Шуйскій постепенно овладѣваетъ и сердцемъ, и волей Самозванца. Въ одной изъ сценъ,

именно тамъ, гдѣ у Дмитрія идетъ большая суета, какіе подобрать подарки для Марины, какъ бы попросторнѣй размѣстить въ Москвѣ ея свиту, Басмановъ, по обыкновенію, надоѣдаетъ ему предостереженьями, какъ бы изъ враждебности къ полякамъ не выросъ въ Москвѣ бунтъ народный,—Дмитрій теряетъ терпѣніе, приказываетъ ему и прочимъ замолчать и брать примѣръ съ Шуйскаго, который умѣетъ быть ему угоднымъ:

„Молчите вы! Мнѣ слушать надоѣло!
Не школьникъ я, не вамъ меня учить!
Поймите разъ и навсегда, что Шуйскій
Умнѣе васъ, и рта не разѣвайте,
Когда мы съ нимъ о дѣлѣ говоримъ.“

Но не Самозванцемъ только Василій Шуйскій постепенно овладѣваетъ, также—и мнѣніемъ знатнѣйшихъ изъ бояръ, и въ ихъ средѣ онъ пріобрѣтаетъ наибольшее значеніе. Когда Голицынъ и Куракинъ высказываютъ негодованіе на обиды и униженія отъ надменности поляковъ и Басманова, а Татищевъ защищаетъ боярство какъ коренную силу родной земли, Василій Шуйскій отчетливо диктуетъ боярамъ, какъ они должны дорожить своимъ боярствомъ и отстаивать его.

„Народъ слѣпой, мы зрячіе, мы видимъ,
Куда идти, чего хотѣть народу.
Боярство—Русь великая, а земство
Идетъ туда, куда ведутъ бояре.
Народъ возьметъ, что мы ему дадимъ,
И будетъ знать, что мы ему велимъ.
Для нашихъ дней и для потомковъ нашихъ
Покроемъ мы всѣ замыслы и думы
Глубокою и вѣковѣчной тайной.
. . . . . .
Басманову ли править государствомъ!
Онъ подъ носомъ не видитъ ничего.
Борисовы ученики, мы Грознымъ
Воспитаны, и насъ не проведешь!
Не имъ чета! Вотъ мы умѣемъ править
Землей своей, вести народъ умѣемъ.

По выбору и ложь, и правда служатъ
У насъ въ рукахъ орудіемъ для блага
Народнаго. Нужна народу правда,—
И мы дадимъ ее; мы правду прячемъ,
Когда обманъ народу во спасенье."

И въ отвѣтъ на это заявленье, Татищевъ называетъ Василія Шуйскаго „великою боярскою опорой", пастыремъ, а всѣхъ бояръ—его послушнымъ стадомъ.

Такимъ образомъ, Василій Шуйскій искусно пользуется и прямодушіемъ народа, и честолюбіемъ бояръ, и легкомысліемъ и страстью Самозванца—все для одной и той-же цѣли: возстаніемъ народнымъ низвергнуть Самозванца, себѣ же приготовить открытый путь къ престолу. И ожиданія его почти уже осуществились: послѣ катастрофы въ Кремлевскихъ палатахъ, съ площади понеслись народные клики:

„Храни тебя Господь на многи лѣта,
Великій Князь и Государь Василій
Ивановичъ!"

Извѣстно, что Шуйскій поспѣшилъ воспользоваться выраженіемъ перваго народнаго восторга, не захотѣлъ ждать, когда бояре позовутъ выборныхъ отъ всѣхъ городовъ, чтобъ, по совѣту всей земли, былъ избранъ государь такой, который былъ бы всѣмъ любъ. Шуйскій сѣлъ на престолъ (19 мая 1606 г.) выборомъ однихъ лишь москвичей. Но черезъ четыре года (17 іюля 1610 года) на Шуйскомъ оправдалось то, что о немъ сказалъ Голицынъ въ концѣ драмы Островскаго:

„Крамольникъ онъ отъ головы до пятокъ!
Бояриномъ ему-бъ и оставаться.
Крамольнику не слѣдъ короноваться;
Крамолой сѣлъ Борисъ, а Дмитрій силой:
Обоимъ тронъ московскій былъ могилой.
Для Шуйскаго примѣровъ не довольно;
Онъ хочетъ сѣсть на царство самовольно,—
Не царствовать ему! На тронъ свободный
Садится лишь избранникъ всенародный."

Изъ множества прочихъ дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ нѣсколько выдѣляются: Басмановъ, царица - инокиня Марѳа и Марина Мнишекъ. Басмановъ выдѣляется настойчивымъ внушеніемъ Дмитрію совѣтовъ осторожности и недовѣрія къ боярамъ; впрочемъ, Басманову не удается осилить противодѣйствіе В. Шуйскаго. — Царицѣ-инокинѣ Марѳѣ авторомъ предоставленъ не малозначительный драматическій моментъ въ общемъ ходѣ пьесы, именно—моментъ признанія, предъ всѣмъ народомъ, Самозванца за своего роднаго сына?.—Марина Мнишекъ, въ сценѣ объясненія съ Дмитріемъ, когда она успѣваетъ вынудить его согласіе на ея коронованіе *до* свадьбы, является очерченною сильно и ярко—во всемъ обаяніи красоты, повелѣвающей Дмитрію, а также во всемъ своенравіи и тщеславіи, характеризующемъ эту замѣчательную искательницу приключеній.—Прочія лица драмы служатъ только аксессуарами въ движеніи выводимыхъ на сцену элементовъ драмы: то въ боярской средѣ, то въ столкновеніи непрошенныхъ гостей съ Москвою, то, наконецъ, въ средѣ простонародья.

Историческое и поэтическое значеніе драматической хроники „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“. Съ исторической стороны, эта драма Островскаго служитъ вѣрнымъ отраженіемъ смутной эпохи отечественной исторіи. Не одни только внѣшнія политическія событія получили въ ней соотвѣтственное картинное выраженіе,—но также различныя нестроенія русскихъ общественныхъ правовъ и русской администраціи. Наиболѣе тяжелое впечатлѣніе производятъ самими же боярами высказываемыя убѣжденія о безпрерывныхъ, въ ихъ средѣ, крамолахъ, взаимной завистн, пронырствѣ и своекорыстіи. Такъ, въ началѣ драмы, Басмановъ, настаивая на измѣнѣ В. Шуйскаго, говоритъ Дмитрію:

—Бояръ пронырство
Невѣдомо тебѣ, ты съ ними не жилъ.
Грозна была опала государей,
Родителей твоихъ и Годунова;
Но если бы узнать ты могъ бояръ крамольныхъ
Всѣ помыслы, ты казнямъ бы Ивана
Не подивился. Въ самой преисподней,
На самомъ днѣ клокочущаго ада,
Не выковать такихъ сѣтей, какими

Они тебя и Русь опутать могутъ.
Великій царь, не вѣрь своимъ боярамъ,
Не вѣрь рѣчамъ, улыбкамъ и поклонамъ,—
Казни ты ихъ направо и налѣво,
А Шуйскаго впередъ: онъ всѣмъ начало."

Но не одинъ Басмановъ и не только наединѣ съ Дмитріемъ,—въ средѣ самихъ бояръ многіе обмѣниваются другъ съ другомъ подобными же мнѣніями. И нѣтъ на нихъ возраженій. Въ концѣ первой части драмы, послѣ неожиданныхъ послѣдствій суда надъ В. Шуйскимъ, въ средѣ бояръ высказывается убѣжденіе, что Дмитрію не долго сидѣть на престолѣ; потомъ идутъ догадки о томъ, кто изъ бояръ сядетъ на его мѣсто. По мнѣнію Куракина—Мстиславскій, по мнѣнію Голицына—Василій Шуйскій. И Голицынъ, признавая въ немъ преобладаніе ума и смѣлости, опытности въ государственныхъ дѣлахъ и изворотливости, согласенъ съ тѣмъ, что ему, а не кому другому принадлежитъ первенство, но при этомъ прибавляетъ:

—Только съ уговоромъ:
Пусть грамоту напишетъ онъ боярству
И поцѣлуетъ крестъ, безъ нашей думы
Не дѣлать шагу: смертью не казнить,
Помѣстій, отчинъ и дворовъ не трогать
Безъ нашего суда; а кто по сыску
Дойдетъ до казни,—женъ, дѣтей не грабить;
Доводчиковъ не слушать! Да не токмо
На насъ, бояръ, не класть своей опалы,
Не осудя,—гостей, людей торговыхъ
И волосомъ не трогать безъ суда!
Когда языкъ ему и руки свяжемъ,
Пусть царствуетъ.
Безъ записи такой не сѣсть на царство
Ни одному изъ насъ: другъ друга знаемъ.
Перепелись обидой да безчестьемъ
Боярскіе роды; одной семьи нѣтъ,
Чтобъ на другую зубы не точила.
Свои друзья, свои враги у всѣхъ.

Кто ни взойди теперь на тронъ Московскій,
Родня, друзья сейчасъ его облѣпятъ,—
Врагамъ не жить."

Съ поэтической стороны, драма Островскаго представляетъ нѣсколько монологовъ, полныхъ силы и идеальнаго значенія, и много сценъ, увлекательныхъ изобиліемъ драматическихъ положеній, яркою обрисовкою какъ личностей, такъ и нравовъ изображаемой эпохи. Изъ монологовъ замѣчательны два. Одинъ, большой — Василья Шуйскаго (часть I, сцена 1-я): „Сегодня трое, завтра будетъ больше" и т. д. Въ немъ, независимо отъ всего того, что служитъ для характеристики честолюбія и рѣшимости Шуйскаго, многія данныя относятся прямо къ оцѣнкѣ народнаго взгляда на величіе и святость престола царскаго, на идеальное значеніе особы государя національнаго, православнаго, который съ народомъ вмѣстѣ чтитъ отцовскія преданія:

„На высотѣ своей недостижимой
Одной святынѣ молится съ народомъ,
Уставы церкви строгіе блюдетъ,
По праздникамъ духовно веселится,
А въ дни поста, въ смиренномъ одѣяньи,
Съ народомъ вмѣстѣ каяться идетъ".

Другой большой монологъ—Дмитрія Самозванца, произнесенный имъ въ золотой, тронной палатѣ (часть I, сц. 3-я). Онъ замѣчателенъ съ двухъ сторонъ: и какъ характеристика перваго Самозванца, его личныхъ свойствъ, его случайнаго возвышенія,—и какъ свидѣтельство общенародныхъ русскихъ думъ о величіи трудовъ и подвиговъ потомковъ Мономаха, утвердившихъ русскую державу.

„Такъ вотъ она, палата крѣпкой власти
И грозныхъ думъ, святой и неприступный
Пріютъ царей!.... Сиротливо
Въ душѣ моей! Расписанные своды
Гнетутъ меня, и непривѣтно смотрятъ,
Неродственно, таинственные лики
Изъ темной позолоты стѣнъ угрюмыхъ...
Мнѣ рада Русь, но ты, холодный камень,
Святымъ письмомъ расписанный, ты гонишь,
Ты трепетомъ мою обвѣялъ душу,—

Я здѣсь чужой! Сюда безъ страха входятъ
Отшельники святые только, или
Московскіе законные цари...
Гляжу и жду, что съ низенькаго трона
Сухой старикъ, съ орлиными глазами,
Поднимется и взглянетъ грозно... грозно!
И зазвучитъ подъ сводами глухими
Презрительно-насмѣшливая рѣчь:
„Зачѣмъ ты здѣсь? Столѣтними трудами
„И бранями потомство Мономаха,
„Среди лѣсовъ Сарматіи холодной,
„Поставило и утвердило тронъ,
„Блистающій нетлѣнными вѣнцами
„Святыхъ князей, замученныхъ въ Ордѣ,
„Окутанный одеждой херувимской
„Святителей и чудотворцевъ русскихъ, —
„Гремящій тронъ! Кругомъ его подножья
„Толпы князей, склоненныя, трепещутъ
„Въ молчаніи... Бродяга безбородый!
„Легко тебѣ, взлелѣянному смутой,
„Внесенному бурливыми волнами
„Бунтующей Украйны въ сердце Руси,
„Подъятому преступными руками
„Бояръ крамольныхъ, взлѣзть на опустѣлый
„Московскій тронъ съ казацкаго сѣдла:
„Вскочить легко, но усидѣть попробуй!“
Отецъ названный! Я себя не знаю,
Младенчества не помню. Царскимъ сыномъ
Я назвался не самъ; твои бояре
Давно меня царевичемъ назвали
И, съ торжествомъ и злобнымъ смѣхомъ, въ Польшу
На береженье отдали. Не самъ я
На Русь пошелъ; на смѣну Годунова
Давно зоветъ меня твоя столица;
Давно идетъ по всей Россіи шопотъ,
Что Дмитрій живъ. Опальное боярство
Изъ монастырскихъ келій посылало
Ко мнѣ въ Литву, окольными путями,

Своихъ покорныхъ молчаливыхъ слугъ,—
На Годунова съ челобитьемъ. Въ Польшѣ
Король меня царевичемъ назвалъ,
Благословилъ меня на царство папа,
Царевичемъ зовутъ меня бояре,
Царевичемъ зоветъ меня народъ,
Усыновленъ тебѣ я цѣлой Русью!
Не твой я сынъ; а развѣ Годуновы
Наслѣдники тебѣ? А развѣ Ромулъ,
Пастушій сынъ, волчицею вздоенный,
Царемъ рожденъ?...“

Изъ сценъ замѣчательны: 1) первая, въ началѣ драмы, въ сѣняхъ дома Василія Шуйскаго (часть I, сц. 1-я); 2) сцена соборнаго суда надъ Шуйскимъ, въ Грановитой Палатѣ (часть I, сц. 4-я); 3) сцена объясненій Дмитрія съ царицей Маѳоой (часть I, сц. 5-я); 4) большая сцена въ передней комнатѣ въ новомъ дворцѣ у Самозванца (часть II, сц. 1-я); 5) сцена объясненій Самозванца съ Мариной Мнишекъ (часть II, сц. 2-я). Въ *первой*, какъ въ программѣ всей пьесы, поставлены съ одной стороны различные элементы народнаго броженія мыслей, тягостныхъ недоумѣній при видѣ того, что появилось въ Москвѣ вмѣстѣ съ Самозванцемъ, а съ другой стороны—тонкое вниманіе В. Шуйскаго, который умѣетъ и вывѣдать, и подсказать народу, и направить его мысль и чувство, и подготовить себѣ въ народѣ поддержку для своихъ отважныхъ цѣлей.—Во *второй* сценѣ много живости и движенья въ ходѣ самаго судебнаго разбирательства, много ненавистнаго къ Шуйскому пристрастія и поспѣшности въ постановкѣ приговора, но кромѣ того, въ этой же сценѣ ярко выдастся необыкновенное самообладаніе подсудимаго, умѣнье возраженьями своими смутить обвинителей и озадачить Самозванца, мастерское изобличеніе темныхъ дѣлъ Басманова и Бѣльскаго и не менѣе мастерское умѣнье возбудить среди самихъ бояръ неудовольствіе на то, что Дмитрій указалъ судить боярина не сословнымъ судомъ, а соборнымъ, т. е. народнымъ. Воротынскій при этомъ замѣтилъ: „не знаю только, ладно-ль судить бояръ соборомъ черни буйной!“ А Голицынъ еще яснѣй прибавилъ: „коротокъ судъ народный, безпощадный, кровавый судъ, безъ совѣсти, безъ толку, въ немъ Бога нѣтъ. Служу

царю, пусть царь меня и судитъ, а не торговцы изъ лубочныхъ лавокъ."—Въ *третьей* сценѣ замѣчательно глубокое, неотразимое вліяніе ласки Самозванца на душу инокини Маѳы. Въ началѣ сцены строгая и замкнутая въ самой себѣ, эта женщина, гордая сознаніемъ своего царскаго достоинства, подъ конецъ сцены, уступая добротѣ и ласкѣ Самозванца, даетъ волю своему сердцу и, въ глазахъ народа, обнимаетъ Самозванца, какъ роднаго сына.— Въ *четвертой* сценѣ много разнородныхъ драматическихъ элементовъ. Въ началѣ сцены оживленные и ненавистные для Самозванца толки среди бояръ: рѣзко осуждаются его шаткость, даже равнодушіе въ вопросахъ вѣры, его легкомысленная затѣя идти войной на Крымскаго хана, отсутствіе политическаго такта въ сношеніяхъ съ Швеціей, Турціей и Польшей. Вся средина сцены занята спѣшными, веселыми распоряженіями Самозванца о подаркахъ для невѣсты, о подготовкѣ помѣщенія въ Москвѣ для свиты, и тутъ-то В. Шуйскій, своей лукавой угодливостью, наводитъ Самозванца на такія мѣры и распоряженія, которыя непремѣнно должны еще болѣе раздражить противъ него Москву. Въ концѣ сцены никѣмъ неожиданное появленіе дьяка Осипова: строго-изобличительное его обращеніе къ Самозванцу повергаетъ какъ его самого, такъ и всѣхъ бояръ въ крайнее смущеніе.—Въ *пятой* сценѣ Марина Мнишекъ, съ замѣчательнымъ самообладаньемъ, понемногу подчиняетъ своей волѣ мысли и намѣренія Самозванца, совсѣмъ порабощаетъ его чувство. Только разъ во все время Самозванецъ какъ бы очнулся отъ обаянья и подмѣтилъ въ глазахъ Марины холодный, презрительный взглядъ и высказалъ, какъ для него ужасенъ этотъ взглядъ. Но Марина и этимъ движеньемъ воспользовалась для себя. Она окончательно убѣдила Самозванца въ томъ, что у него одно есть только средство сравнять ее съ собой:—короновать ее теперь же, до замужества, короною царицы. И Дмитрій, какъ ни пораженъ такимъ необычайнымъ дѣломъ („не слыхано въ Руси такое дѣло", говоритъ онъ), однакожъ согласенъ поспѣшно исполнить волю своей невѣсты; мало того: онъ совсѣмъ отдаетъ во власть ей и себя, и государство:

„Владычица моя, я власть слагаю
У ногъ твоихъ; повелѣвай отнынѣ
И мной самимъ, и цѣлымъ государствомъ".

ГЛАВА VII.

Историческая замѣтка о развитіи драматическаго театра въ Россіи и о значеніи А. Н. Островскаго для русской сцены.

Содержаніе: Начало русскаго театра. — Западно-европейскія *мистеріи* и постепенное превращеніе ихъ изъ церковныхъ представленій въ свѣтскую драму.— Представленія церковно-библейскаго содержанія въ Кіевской духовной академіи.—*Мистеріи, интермедіи, интерлюдіи.* — Духовныя драмы и комедіи въ Москвѣ. Дмитрій Ростовскій, Симеонъ Полоцкій, Ѳеофанъ Прокоповичъ. — Начало свѣтскаго русскаго театра.—Ломоносовъ. — Сумароковъ. — Ложно-классическія трагедіи и комедіи.—Театръ въ Елисаветинскую эпоху.—Учрежденіе въ Петербургѣ перваго постояннаго театра. — Первые замѣчательные русскіе актеры: Волковъ и Дмитревскій. — Вѣкъ Екатерины. — Драматическія сочиненія Екатерины, Княжнина, фонъ-Визина.—Постепенное освобожденіе русской драмы отъ ложно-классическаго направленія.—Мѣщанская трагедія.—Слезная комедія. — Общественная комедія. — Капнистъ. — Судовщиковъ. — Эпоха Александра I.— Успѣхи драматическаго дѣла въ Россіи. — «Драматическій Вѣстникъ».—Учрежденіе Театральнаго Училища. — Вѣдомство Императорской Театральной дирекціи.—Двойное направленіе въ ходѣ драматической поэзіи этого времени: развитіе вкуса къ мѣщанской драмѣ и преданія ложно-классической трагедіи. — Коцебу и его русскіе подражатели.—Озеровъ.—Крюковскій и другіе подражатели Озерова.—Князь Шаховской, Н. Крыловъ, Загоскинъ.—Мелодрама и водевиль.— Кукольникъ и Хмѣльницкій. — Дальнѣйшее развитіе художественной драмы и комедіи.—Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь и ихъ значеніе для русскаго драматическаго искусства.—Главнѣйшія направленія въ драматическомъ творчествѣ Островскаго и заслуги его передъ отечественной сценой.—Перечень сочиненій Островскаго.—Переводы.—Оцѣнка и поэтическаго значенія Островскаго въ стихотвореніи Фруга.

Настоящая историческая замѣтка имѣетъ въ виду: 1) показать начало русскаго театра подъ вліяніемъ обычаевъ западно-европейской культуры, пришедшихъ къ намъ черезъ Польшу и Кіевъ; 2) прослѣдить какъ важнѣйшія чужія вліянія, подъ которыми русская сцена находилась въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, такъ и постепенное освобожденіе ея отъ этихъ вліяній; 3) дать общую характеристику тѣхъ даровитѣйшихъ русскихъ поэтовъ-драматурговъ, которые въ XIX вѣкѣ поставили русскую сцену на національно-художественныхъ началахъ, и наконецъ 4) дать нѣ-

сколько болѣе подробную оцѣнку значенія драматической дѣятельности ближайшаго къ намъ изъ этихъ поэтовъ, т. е. Островскаго.

Начало русскаго театра восходитъ къ XVII столѣтію, когда въ Кіевъ, вмѣстѣ съ западно-европейскою образованностью, перешли, черезъ Польшу, и драматическія представленія. У западно-европейскихъ христіанскихъ народовъ подобныя драматическія представленія возникли—также какъ въ свое время древне-греческая трагедія—изъ богослуженія. Уже съ первыхъ вѣковъ христіанства духовенство старается уяснить народу, посредствомъ наглядныхъ представленій, догматы христіанской вѣры и важнѣйшія событія Священной Исторіи, чтобы такимъ образомъ сглаживать въ народѣ остатки языческихъ преданій и воспитывать нравы паствы въ духѣ христіанской вѣры. Съ V и VI вѣка въ Западной Церкви уже замѣчается стремленіе драматизировать богослуженіе и богослужебные обряды. Многія событія Евангельской исторіи, напримѣръ: Рождество Христово, Поклоненіе волхвовъ, входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ, подробности Страстей Господнихъ, событія Пасхальной недѣли, Сошествіе Св. Духа на апостоловъ, Воскресеніе Спасителя и явленіе апостоламъ и мн.др. изображались въ видѣ процессій, обставленныхъ соотвѣтственно евангельскому повѣствованію, или же исполнялись священнослужителями, при чемъ устраивалась въ церкви точная обстановка событія и точно воспроизводились слова евангельскаго текста—діалогами, пѣніемъ, чтеніемъ, или же речитативомъ. Такъ какъ содержаніемъ главнѣйшихъ изъ этихъ представленій служила *тайна* искупленія рода человѣческаго, какъ она выразилась, главнымъ образомъ, въ Рождествѣ, крестной смерти и воскресеніи Христа Спасителя, то и самыя представленія получили названіе *мистерій*, т. е. *тайнъ*. Подъ этимъ общимъ именемъ въ европейской литературѣ извѣстны всѣ виды духовныхъ драмъ, какъ онѣ развились у западно-европейскихъ народовъ. Въ частности эти драматическія представленія въ разныхъ мѣстахъ назывались еще и другими именами: въ Италіи—*Storia*, т. е. *исторіями*; въ Германіи—*Spielen*, *играми*; въ Испаніи—*Autos*, *actus*, т. е. *актами* или—*дѣйствіями*; въ Англіи—*miracles*, т. е. *чудесами*. Съ теченіемъ вѣковъ къ первоначальному содержанію драматическихъ мистерій, т. е. къ важнѣйшимъ событіямъ изъ земной жизни Спасителя, стали примѣшивать и событія ветхозавѣтной исторіи, какъ

прообразовательныя, потомъ—разныя отдѣльныя событія изъ Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта (напр. исторію Іосифа, Юдиѳи, Даніила и трехъ отроковъ въ Вавилонѣ, исторію Товія и его сына, Благовѣщеніе, бракъ въ Канѣ Галилейской, притчи о блудномъ сынѣ, о десяти дѣвахъ и проч.), изъ жизни и дѣяній разныхъ святыхъ и ихъ чудеса. Наконецъ въ иныхъ духовныхъ драмахъ, въ замѣнъ опредѣленныхъ библейскихъ или евангельскихъ событій, содержаніемъ стала являться какая нибудь поучительная мысль въ дѣйствіяхъ вымышленныхъ лицъ. Лица, такимъ образомъ, становились аллегорическими выраженіями какихъ-нибудь добродѣтелей:—вѣры, надежды, любви, сострадація,—или, наоборотъ, пороковъ: — гордости, зависти, скупости и т. п. Такія драматическія аллегоріи извѣстны подъ названіемъ *moralités*. Пока въ духовныхъ мистеріяхъ господствовало содержаніе церковно-религіозное, онѣ представлялись въ храмахъ, потомъ въ церковныхъ оградахъ и на кладбищахъ. Впослѣдствіи эти драматическія представленія постепенно стали терять свой строго-церковный характеръ. Уже въ драматическихъ аллегоріяхъ, т. е. *moralités*, стали появляться разныя апокрифическія сказанія, вымышленныя легенды и даже сюжеты изъ обыденной жизни. Потомъ въ эти произведенія понемногу проникъ и элементъ комическій. Такія драматическія представленія получили уже другой характеръ. Они извѣстны въ литературѣ подъ названіемъ *sotties*, фарсовъ, въ которыхъ осмѣивались разныя злоупотребленія и смѣшныя стороны жизни. Съ XIII вѣка духовенство стало изгонять мистеріи изъ церкви и даже запретило представленіе ихъ въ церковныхъ оградахъ и на кладбищахъ. Тогда представленія естественно перешли на площадь и приняли большую свободу. Такъ какъ смотрѣть ихъ сходился народъ, то пьесы, само собою разумѣется, приноравливались къ понятіямъ и вкусу народа. Народныя сцены стали появляться въ этихъ пьесахъ чаще и чаще. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ разныхъ мѣстахъ стали устраиваться свѣтско-духовныя братства для представленія какъ мистерій, такъ и моралите, и фарсовъ—sotties. Изъ такихъ братствъ извѣстны: въ Антверпенѣ братство св. евангелиста Луки, въ Римѣ — бр. Del - Gonfalone, въ Парижѣ — братство Страстей Господнихъ, Confrérie de la Passion, основанное въ 1402 году, а впослѣдствіи — еще другое братство: Клерковъ или подъячихъ

Базошъ, Clercs de la Bazoche, спеціально для исполненія moralités; наконецъ, еще въ XV вѣкѣ братство беззаботной молодежи, Enfants Sans-Souci, спеціально для представленія фарсовъ—sotties.

Къ намъ духовныя мистеріи перешли съ Запада, черезъ Польшу, въ Кіевъ. Онѣ утвердились въ Кіевской духовной академіи и другихъ училищахъ и долго сохраняли свой церковный характеръ. Ихъ прилежно разыгрывали студенты академіи; преподаватели реторики и піитики обязательно поставляли каждый годъ драму, комедію или трагедію—для представленія во время лѣтнихъ каникулъ. Изъ кіевскихъ духовныхъ мистерій замѣчательны: *„Алексѣй, человѣкъ Божій“*, *„Іосифъ, сынъ Израилевъ“*, *„Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ“*. Первая была „явлена чрезъ шляхетну молодь въ Кіевѣ“ и напечатана въ 1674 году. *) Изъ Кіева перешелъ въ Москву обычай писать и представлять духовныя драмы и комедіи. Многія изъ нихъ разыгрывались въ Московской академіи, въ Ростовской семинаріи, а иныя при царскомъ дворѣ. Репертуаръ значительно расширился. Шесть пьесъ написаны Дмитріемъ Ростовскимъ: *„Рождество Христово“*, *„Воскресеніе Христово“*, *„Грѣшникъ кающійся“*, *„Есѳирь и Агасверъ“*, драма *„Успенская“* и драма *„Дмитріевская“*. **) Симеонъ Полоцкій написалъ двѣ комедіи: *„О блудномъ сынѣ“* и *„О Навуходоносорѣ и трiехъ отрокѣхъ, въ пещи сожженныхъ“*. ***) — Но еще ранѣе драмъ Дмитрія Ростовскаго и комедій Симеона Полоцкаго въ Москвѣ были устроены театральныя зрѣлища боярином Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ: въ 1672 году играли комедію *„Юдиѳь и Олофернъ“*; того же года царь „указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду Григори учинить комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ Библіи книгу Есѳирь“. Театръ помѣщался иногда въ селѣ Преображенскомъ близъ Москвы, а иногда въ домѣ царскаго тестя, боярина Милославскаго. Поэтому и самый домъ назывался „потѣшнымъ“ дворцомъ. Актеры набирались изъ подъячихъ и мѣщанъ. Магистръ

*) *„Наука и литература при Петрѣ Великомъ“*. Соч. Пекарскаго. Ч. I, стр. 395—396.

**) Содержаніе и значеніе пьесъ св. Дмитрія Ростовскаго и Симеона Полоцкаго изложено въ *„Исторіи русской словесности“*, соч. И. Порфирьева. Ч. I-я, стр. 669—678.

***) Напечатано въ Христоматіи Буслаева, стр. 1199—1209.

Яганъ Готфридъ Григори основалъ въ Нѣмецкой слободкѣ театральную школу, гдѣ и обучалъ набранныхъ дѣтей „компдійному искусству». *) Наши духовныя драмы и комедіи долго сохраняли религіозный, исключительно-церковный характеръ и поучительное направленіе. Только со времени Ѳеофана Прокоповича сюжеты для духов. мистерій стали брать и изъ гражданской русской исторіи. Самъ Прокоповичъ написалъ двѣ пьесы: „*Владиміръ*“ и „*Богданъ Хмѣльницкій*“. Съ этого времени въ пьесахъ съ библейскимъ содержаніемъ начинаютъ появляться черты народныхъ нравовъ и сцены изъ современной жизни, иногда даже—комическаго характера. Впрочемъ, такія сцены чаще помѣщались въ *интермедіяхъ*, *интерлюдіяхъ* (interludus), или—какъ переводилось это латинское слово—въ „*междувброшенныхъ игралищахъ*“. Эти интерлюдіи не доходятъ еще до той степени художественной зрѣлости, чтобы ихъ можно было назвать драматическими пьесами; интерлюдія есть только рядъ забавныхъ сценъ, не связанныхъ единствомъ мысли. А все же въ интерлюдіяхъ выступаютъ нѣкоторые живые элементы творчества, которыхъ недостаетъ въ мистеріяхъ и въ moralités. Въ интерлюдіяхъ встрѣчаются не аллегоріи, а живыя лица, съ ихъ дѣйствительными характерами, съ ихъ современными интересами и простою, разговорною рѣчью. Этого рода сочиненія, болѣе чѣмъ духовныя мистеріи или переводы французскихъ и нѣмецкихъ драматическихъ пьесъ, **) послужили основою для развитія самобытнаго русскаго театра. Само собою разумѣется, что прежде, чѣмъ дойти до этой самобытности, русская сцена пережила довольно продолжительный періодъ подражаній чужимъ образцамъ.

Отъ всеобъемлющей литературной дѣятельности Ломоносова (1712—1765) не ускользнула и драма. Онъ написалъ двѣ трагедіи: „*Демофонтъ*“ и „*Темира и Селимъ*“. Дѣйствіе первой происходитъ во Ѳракіи; Демофонтъ—сынъ Тезея, царя Аѳинскаго. Дѣйствіе второй происходитъ въ Крыму; Темира—крымская царевна, дочь Мумета, а Селимъ—багдадскій царевичъ. Ни одна изъ этихъ обѣ-

*) Галаховъ: „*Исторія Словесности древней и новой*“. Т. I, стр. 230.

**) Переводныхъ пьесъ въ Петровское время, въ репертуарѣ театровъ въ Москвѣ и Петербургѣ, упоминается числомъ тринадцать, между ними: „*Сципіонъ Африканскій*“ (съ нѣм.), „*Докторъ принужденный*“ (Мольера: „*Le medecin malgrè lui*), „*Дракія смѣянныя*“ (также Мольера: „*Les précieuses ridicules*“).

ихъ трагедій не имѣла успѣха на сценѣ. Въ нихъ преобладаетъ эпосъ и лирика. Лучшія мѣста принадлежатъ описаніямъ и разсказамъ; того же, что именно нужно въ драмѣ, т. е. дѣйствія, характеровъ, драматическаго движенія—въ этихъ пьесахъ нѣтъ.

Сумароковъ (1718—1777) обыкновенно называется оффиціальнымъ основателемъ или „установителемъ“ русскаго театра. Онъ-то и установилъ на русской сценѣ образцы ложно-классической драмы. Его трагедія „*Хоревъ*“ (1747) послужила родоначальницей длиннаго ряда произведеній въ томъ же, ложно-классическомъ, направленіи, во весь подражательный періодъ русской сцены. Провинція опередила столицу: сынъ костромскаго купца, Волковъ (1729—1763), устроилъ въ городѣ Ярославлѣ (въ большомъ кожевенномъ сараѣ) свою собственную сцену, образовалъ изъ своихъ братьевъ и дѣтей знакомыхъ купцовъ и подъячихъ небольшую труппу и съ нею разыгрывалъ духовныя драмы и пьесы свѣтскаго содержанія; потомъ, при энергическомъ содѣйствіи мѣстнаго дворянства и купечества, построилъ городской театръ и въ своемъ собственномъ лицѣ совмѣстилъ самыя разнородныя спеціальности. Волковъ былъ для этого театра и архитекторомъ, и декораторомъ, и машинистомъ, и капельмейстеромъ, и авторомъ, и переводчикомъ, и актеромъ, и директоромъ. Императрица Елисавета очень любила театръ. По ея повелѣнію, ярославскіе актеры вызваны въ столицу и разыграли при дворѣ, въ присутствіи Государыни, „*Хорева*“ (1752 г.). Игра ихъ понравилась. Въ 1756 году учрежденъ въ Петербургѣ постоянный русскій театръ, директоромъ назначенъ Сумароковъ, а первыми актерами—Волковъ и Дмитревскій. Кромѣ „*Хорева*“, Сумароковъ написалъ еще восемь трагедій, въ томъ же, ложно-классическомъ, направленіи и стилѣ. Вотъ ихъ названія: „*Гамлетъ*“ (1750), „*Аристона*“ (1750), „*Синавъ и Труворъ*“ (1750), „*Семира*“ (1751), „*Ярополкъ и Димиза*“ (1758), „*Вышеславъ*“ (1768), „*Дмитрій Самозванецъ*“ (1771) и „*Мстиславъ*“ (1774). Пьесы Сумарокова, какъ ни далеки онѣ отъ идеала художественной драмы, все же выше Ломоносовскихъ тѣмъ, что представляютъ мѣстами драматическое движеніе, содержатъ въ себѣ живыя сцены, которыя въ свое время производили на публику несомнѣнное и трогательное впечатлѣніе. Многія изъ пьесъ Сумарокова, по идеямъ, которыя въ нихъ высказываются, принадлежатъ

вѣку Екатерины. Въ монологахъ и разговорахъ дѣйствующихъ лицъ въ трагедіяхъ Сумарокова часто слышны разсужденія о такихъ возвышенныхъ, политическихъ и философскихъ, предметахъ, которые постоянно занимали умъ великой монархини и обращали на себя вниманіе тогдашняго образованнаго общества. Трагедіи Сумарокова часто игрались и при дворѣ, и на публичномъ театрѣ, и въ школахъ. Такимъ образомъ онѣ способствовали распространенію вкуса къ сценическому искусству и, кромѣ того, возбуждали и укрѣпляли въ зрителяхъ чувства патріотизма, истины, чести, великодушія, гуманности.

Въ томъ же направленіи, какъ Сумароковъ, трудился Княжнинъ (1742—1791). Онъ слѣдуетъ непосредственно за Сумароковымъ, какъ его преемникъ. Вотъ названія его трагедій: *„Дидона“* (1769), *„Владиміръ и Ярополкъ“* (1772), *„Рославъ“* (1784), *„Титово милосердіе“* (1785), *„Софонизба“* (1786), *„Владисанъ“* (1786), *„Вадимъ“* (1789). Въ художественномъ отношеніи, какъ драматическія сочиненія, трагедіи Княжнина нисколько не лучше Сумароковскихъ, но языкъ трагедій Княжнина чище, стихъ стройнѣе. Лучшая часть содержанія этихъ трагедій заключается въ томъ, что авторъ проводитъ въ своихъ пьесахъ здравыя идеи о человѣколюбіи, о гражданскомъ долгѣ, объ истинной чести, о патріотизмѣ. Этою стороною трагедіи Княжнина принесли свою долю пользы общественному развитію. Княжнинъ написалъ еще нѣсколько комедій. Онѣ выше его трагедій: онѣ остроумны и, по содержанію, стоятъ ближе къ русской жизни, нежели трагедіи. Лучшія изъ комедій Княжнина: *„Хвастунъ“* (1786) и *„Чудаки“* (1790) имѣли большой успѣхъ и долго держались на сценѣ.

Драматическія сочиненія Екатерины II важны въ томъ же нравственномъ отношеніи, какъ и произведенія Сумарокова и Княжнина. Великая государыня, не имѣя притязанія на большой драматическій талантъ, пользовалась этимъ поэтическимъ родомъ, какъ литературнымъ орудіемъ для осмѣянія общественныхъ недостатковъ и для воспитанія русскаго общества. Вотъ драматическія сочиненія Екатерины: комедія *„О время!“* (1772), въ которой, въ лицѣ Ханжакиной, Чудихиной и Вѣстниковой, осмѣиваются ханжество, суевѣріе и страсть къ вѣстямъ, нарядамъ и сплетнямъ; комедія *„Именины госпожи Ворчалкиной“* (1772) изо-

бражаетъ недовольство настоящимъ временемъ, легковѣріе и ворчливость; комедія *„Вотъ каково имѣть корзину бѣлья“* (1786)— вольная передѣлка на русскіе нравы Шекспировой пьесы *„Виндзорскія кумушки“*; комедія *„Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями“* (1787) и другая *„Путешествіе Промотаева“* (1788) служатъ отчасти предостереженіемъ отъ легкомысленныхъ путешествій, отчасти — изобличеніемъ такихъ путешественниковъ, которые тѣшатъ только свое тщеславіе и отъ своихъ заграничныхъ странствованій и развлеченій ни къ какому серьезному дѣлу, на пользу отечества, не готовятся; комедія *„Недоразумѣніе“* (1788) изобличаетъ страсть многихъ того времени дворянъ — тратить и время, и капиталы на сочиненіе разныхъ проектовъ, безъ всякаго практическаго знанія того дѣла, за которое берутся. Всѣ вообще драматическія сочиненія Екатерины служили для великой Государыни какъ бы проводниками въ общество просвѣщенныхъ идей XVIII вѣка: о законѣ, о службѣ, о наукѣ, объ истинномъ достоинствѣ человѣка, о правильныхъ началахъ образованія и воспитанія.

Фонъ-Визинъ (1744—1792), какъ даровитый истолкователь передовыхъ идей XVIII вѣка, одною стороной своихъ комедій изобличилъ, въ живыхъ типахъ, существенные недостатки современнаго русскаго воспитанія, а другой стороной, посредствомъ хорошо разсуждающихъ моралистовъ (Стародумовъ и Правдиныхъ), разъяснилъ обществу правильныя педагогическія начала, разумныя основанія жизни семейной и общественной. Его комедія *„Бригадиръ“* (1764) изобличаетъ тотъ внѣшній лоскъ европеизма, подъ которымъ кроется необразованность и невоспитанность, кромѣ того, — изобличаетъ сильно въ то время, въ чиновномъ мірѣ, распространенное взяточничество и ябедничество. Другая комедія *„Недоросль“* (1782) осмѣиваетъ невѣжественное воспитаніе и ученіе въ домашней дворянской средѣ, подъ руководствомъ такихъ родителей, которые сами не получили никакого образованія, да еще вдобавокъ ослѣплены безсмысленной любовью къ своимъ дѣтямъ. Обѣ комедіи фонъ-Визина имѣли огромный успѣхъ и въ чтеніи, и на сценѣ. Онѣ навсегда сохранятъ за собой большое историческое значеніе и останутся въ литературѣ памятниками гражданской и патріотической заслуги автора.

Вѣкъ Екатерины въ исторіи русскаго театра отмѣтилъ себя

еще тѣмъ, что русская драма понемногу отошла отъ рабскаго слѣдованія указкѣ псевдо-классицизма и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ дальнѣйшему, болѣе правильному, своему развитію. Вмѣстѣ съ развитіемъ въ Западной Европѣ болѣе правильныхъ понятій о среднемъ сословіи людей, и въ драматическомъ искусствѣ явились новыя формы. Рядомъ съ высокою героическою трагедіей въ театральномъ репертуарѣ установилась такъ называемая *мѣщанская семейная трагедія*, съ сюжетами, взятыми изъ жизни обыкновенныхъ людей. Рядомъ съ высокою серьезною комедіей, изобличительницей общественныхъ нестроеній, установилась такъ-называемая *трогательная, слезная комедія*, съ содержаніемъ изъ частной семейной жизни средняго круга людей и съ ясною тенденціею—трогать сердце зрителя изображеніемъ какъ счастливыхъ, такъ и несчастныхъ обстоятельствъ семейной жизни. Другой, болѣе серьезный шагъ впередъ въ развитіи русской драмы заключался въ знакомствѣ нашей литературы съ первоклассными драматургами Германіи и Англіи: Лессингомъ, Гёте, Шиллеромъ и Шекспиромъ. Многіе даровитые русскіе писатели, въ томъ числѣ Княжнинъ, Карамзинъ и др., потрудились надъ переводами драматическихъ сочиненій этихъ первоклассныхъ иностранныхъ авторовъ. Наконецъ, успѣхи русской драмы сказались въ стремленіи ея къ самобытности, т. е. къ разработкѣ сюжетовъ, взятыхъ изъ русскаго простонароднаго быта. И многія, даже изъ первыхъ попытокъ въ этомъ новомъ направленіи имѣли рѣшительный успѣхъ, напр. комическая опера-водевиль „*Мельникъ*“ (1779) Аблесимова, „*Несчастіе отъ кареты*“ (1781), пьеса Княжнина, его же „*Сбитенщикъ*“ (1783) и др. Къ удачнымъ попыткамъ оживить русскій театръ элементами народными относятся и тѣ пьесы Екатерины, для которыхъ сюжеты Государыня брала изъ русскихъ сказокъ и пѣсенъ. Таковы, напр., ея комическія оперы „*Февей*“ (1786), „*Новогородскій богатырь Боеславичъ*“ (1786), „*Горе-богатырь Косометовичъ*“ (1788) и друг. Независимо отъ простонародныхъ сюжетовъ, многіе даровитые писатели брали для своихъ комедій такія явленія современной общественности, которыя заслуживали серьезнаго осмѣянія на сценѣ. Изъ такого рода пьесъ особенно замѣчательны двѣ комедіи общественнаго значенія: „*Ябеда*“ (1796) Капниста и „*Неслыханное диво, или честный секретарь*“

(1802) Судовщикова. Объ онѣ изобличаютъ распространенныя въ то время въ обществѣ ябеду, подкупность и взяточничество чиновниковъ. Въ комедіи Капниста сюжетъ разработанъ полнѣе, картина нравовъ вышла ярче. Въ художественномъ отношеніи „*Ябеда*“ достойна „*Недоросля*“. Обѣ пьесы имѣли на сценѣ большой успѣхъ.

Эпоха Александра Благословеннаго въ исторіи нашего театра замѣчательна по успѣхамъ сцены и по степени развитія въ обществѣ эстетическаго вкуса къ театру. Видно, что труды предшествующихъ періодовъ не пропали даромъ. Хорошія сѣмяна пали на благодарную почву и дали хорошіе плоды. Успѣхамъ этого періода мастерской рукою знатока отечественной словесности уже подведены итоги. Оцѣнка ихъ выражена слѣдующимъ образомъ *): „Первая четверть нынѣшняго вѣка останется памятною въ исторіи нашего театра и драмы. Замѣчательные ихъ успѣхи обусловливались одновременнымъ появленіемъ талантливыхъ артистовъ и писателей. На Петербургской сценѣ блистали Яковлевъ и Семенова, а потомъ Каратыгинъ и Колосова (впослѣдствіи Каратыгина); на Московской славились: Померанцевъ, Шушеринъ, Плавильщиковъ, Сандуновъ и Сандунова, и позднѣе Мочаловъ, первоклассный трагикъ, и Щепкинъ, первоклассный комикъ. Въ средѣ ихъ, какъ живое преданіе начальной эпохи русскаго театра, стоялъ Дмитревскій, руководствуя своею опытностью молодыхъ и немолодыхъ актеровъ. Взаимнодѣйствіе сценическихъ талантовъ и драматическихъ авторовъ естественно и несомнѣнно. Драма пишется для представленія, успѣхъ котораго невозможенъ безъ хорошихъ исполнителей. Озеровъ дѣлилъ съ Семеновой дань слезъ и рукоплесканій, вызванныхъ его трагедіями, и „шумный рой комедій“ Шаховскаго не возбудилъ бы и половины смѣха, безъ геніальной игры Щепкина. Если драматургъ образуетъ артиста, то и артистъ своею игрою дѣйствуетъ на него образовательно. По крайней мѣрѣ нельзя

*) Галаховъ: „*Исторія Русской Словесности древней и новой*“. Т. II, стр. 189, 190. О состояніи театра въ царствованіе Александра I, по сочиненіямъ: „Записки современника (Жихарева) съ 1805 по 1819 г.“. Ч. I—„Дневникъ студента“ (1859); ч. II—„Дневникъ чиновника“ (Отеч. Зап. 1855, №№ 4, 5, 7, 8, 9, 10); его же „Воспоминанія стараго театрала“ (Отеч. Зап. 1854, № 10); „Яковъ Емельянычъ Шушеринъ“ С. Аксакова („Семейная хроника и воспоминанія“); его же „Литер. и театр. воспоминанія“ (Русск. Бес. 1856, кн. 4); „Лѣтопись русскаго театра“ П. Арапова (1861).

отвергать того факта, что драматическое творчество во многихъ случаяхъ принимало къ соображенію средства и способности извѣстныхъ сценическихъ сюжетовъ."

„Но оживленный ходъ сценической и драматической дѣятельности немыслимъ безъ общественнаго къ ней сочувствія, которое, возбуждая и поддерживая ее, служитъ главнѣйшею причиною ея развитія. Въ публикѣ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ усиленно распространялся вкусъ къ благороднымъ зрѣлищамъ, отбивавшимъ охоту отъ зрѣлищъ неблагородныхъ, отъ грубаго времяпровожденія. Изъ разныхъ слоевъ ея стало выдѣляться большее противъ прежняго количество лицъ, для которыхъ художественный интересъ занялъ мѣсто въ ряду потребностей, необходимыхъ человѣку образованному. Многіе, даже люди серьезные и дѣловые, предавались театру не какъ забавѣ только, но и какъ важному занятію. Литераторы, по старой памяти, видѣли въ немъ училище добрыхъ нравовъ, исправителя пороковъ и заблужденій. Сужденія о пьесахъ и о постановкѣ ихъ на сцену и выполненіи служили предметомъ разговоровъ какъ во время самаго спектакля, такъ и на обѣдахъ или вечернихъ собраніяхъ, литературныхъ и нелитературныхъ. Съ цѣлью очищать вкусъ публики и направлять ея приговоры былъ еженедѣльно издаваемъ *„Драматическій Вѣстникъ"* (1808), заключающій въ себѣ два отдѣла: правила драматическаго искусства, извлеченныя изъ лучшихъ иностранныхъ писателей, и, согласно съ правилами, отчеты о пьесахъ и ихъ выполненіи. По словамъ этого журнала, отечественный театръ сталъ обращать на себя вниманіе людей даже великосвѣтскихъ, пріученныхъ иностранными воспитателями презрительно отзываться о произведеніяхъ русскаго ума: они уже не стыдились признаваться, что плакали въ *„Эдипѣ"* и *„Пожарскомъ"*, смѣялись въ *„Недорослѣ"* и *„Модной лавкѣ"* и даже подшучивали надъ слѣпыми поклонниками чужеземщины. Въ подражаніе столичнымъ театрамъ, заводились провинціальные, по губернскимъ городамъ, на содержаніи антрепренеровъ, и частные, или домашніе, которые устраивались вельможами и зажиточными помѣщиками изъ крѣпостныхъ людей. Труппы тѣхъ и другихъ иногда доставляли столицамъ отличныхъ артистовъ. Въ числѣ посѣтителей театра явились страстные его любители, такъ называемые „театралы", къ которымъ принадле-

жали сановники на-ряду съ малочиновными, пожилые на-ряду съ молодежью. Искусство читать драматическую пьесу, декламировать изъ нея наизусть монологи и даже цѣлыя сцены уважалось высоко; благодаря ему передъ новичками въ литературѣ отворялись двери опытныхъ литераторовъ: С. Аксаковъ, С. Жихаревъ и П. Араповъ представляютъ тому доказательство. Послѣдній, не имѣя ничего для чтенія, отрекомендовалъ себя князю Шаховскому тѣмъ, что продекламировалъ у него на вечерѣ „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“.

„Любовью къ театру отличались и лица, стоявшія при его управленіи. Директоры: Нарышкинъ и Майковъ въ Петербургѣ, Кокошкинъ въ Москвѣ, много сдѣлали для его совершенствованія. Особенную пользу оказалъ ему князь Шаховской, членъ театральной конторы по репертуарной части: онъ заботился не только о разнообразіи репертуара, но и объ улучшеніи сценическаго искусства. Его стараніемъ учреждена театральная школа для формированія „молодой труппы“, обновлявшей составъ главной труппы замѣчательными дарованіями. При выборѣ и постановкѣ новыхъ пьесъ, при разучиваніи ролей начальство и артисты дорожили его опытностью. Кокошкинъ соединялъ въ себѣ знаніе драмы съ сценическимъ талантомъ: онъ былъ авторъ, декламаторъ и отличный по тогдашнему времени актеръ. Московскіе старожилы помнятъ его классическую игру въ благородныхъ спектакляхъ, на которыхъ временами являлась и Семенова, вышедшая замужъ за князя И. А. Гагарина. Домъ Шаховскаго былъ сборнымъ мѣстомъ образованныхъ любителей театра — Гнѣдича, Лобанова, И. Крылова, Катенина, Хмѣльницкаго, Жандра, Грибоѣдова, помогавшихъ ему своими знаніями. Туда приносилъ авторъ новую пьесу читать и выслушивать замѣчанія объ ея достоинствахъ и недостаткахъ; тамъ же оцѣнивалась игра артистовъ или обсуждались мѣры для лучшей постановки прежденграныхъ трагедій и комедій. Успѣхами русской сцены интересовался и Державинъ, на закатѣ своего таланта пустившійся въ сочиненіе драматическихъ пьесъ. Но слава наиболѣе образованнаго знатока изящныхъ произведеній справедливо принадлежала А. Н. Оленину, президенту академіи художествъ. Преданіе говоритъ, что въ его домѣ сосредоточивалось все, что являлось въ столицѣ замѣчательнаго по искусствамъ и литературѣ.

У него впервые Озеровъ читалъ своего *„Эдипа въ Аѳинахъ“* и по его же совѣту написалъ *„Финґала“*.

„Наконецъ, сильными поводами къ развитію сцены служили съ одной стороны права, данныя артистамъ, а съ другой — отношеніе къ нимъ общества и литераторовъ. Въ 1806 году театры поступили въ вѣдомство Императорской театральной дирекціи: это обрадовало и артистовъ, и драматическихъ авторовъ, ибо тѣ и другіе опредѣленно знали, съ кѣмъ они будутъ имѣть дѣло въ своихъ занятіяхъ. За извѣстный срокъ службы была положена актерамъ и актрисамъ пенсія, при полученіи которой не пропадало время, проведенное ими у содержателей частныхъ театровъ. Окладъ ихъ жалованья возвышался соразмѣрно возвышенію ихъ извѣстности, такъ что наиболѣе извѣстные (Семенова, Колосова, Яковлевъ, Каратыгинъ) не имѣли права жаловаться на скудость средствъ для жизни. Привлекая къ себѣ сочувствіе публики талантомъ, становясь ея любимцемъ на сценѣ, артистъ дѣлался предметомъ общественнаго вниманія и внѣ сцены. Онъ принимался въ образованные круги, пользовался ласкою и покровительствомъ вліятельныхъ лицъ. Въ Москвѣ князь М. А. Долгорукій особенно любилъ Плавильщикова, приглашая его къ своимъ обѣдамъ, вмѣстѣ съ Померанцовымъ и Зловымъ. На вечерахъ князя Шаховскаго, въ Петербургѣ, военный генералъ-губернаторъ, графъ Милорадовичъ, одинъ изъ героевъ 1812 года, весьма часто дѣлилъ компанію съ присутствовавшими тамъ же артистами.“

Въ ходѣ развитія русской сцены въ этомъ періодѣ замѣтно два направленія: преобладаетъ рѣшительное желаніе русской драматической поэзіи освободиться отъ зависимости у чужихъ образцовъ, но рядомъ съ этимъ желаніемъ не совсѣмъ исчезаетъ и старое пристрастіе къ псевдоклассической французской теоріи. Передъ тѣмъ какъ этому послѣднему направленію окончательно ослабѣть и исчезнуть въ русской драматической поэзіи, оно получило блестящее выраженіе въ сочиненіяхъ Озерова.

Направленіе русской драматической поэзіи къ самобытности выразилось сильнымъ развитіемъ вкуса къ такъ называемой мѣщанской семейной драмѣ и къ трогательной слезной комедіи. Своимъ общечеловѣческимъ содержаніемъ, доступнымъ сердцу каждаго, эта драма и эта комедія все болѣе и болѣе привлекали на

свою сторону не только вообще публику, но даже многихъ изъ бывшихъ поклонниковъ псевдоклассической героической трагедіи. Репертуаръ этой, т. е. мѣщанской семейной драмы на нашей сценѣ состоялъ въ это время, главнымъ образомъ, изъ пьесъ нѣмецкаго писателя Коцебу. Эти пьесы сдѣлались на русской сценѣ „модными“, господствовали на ней лѣтъ тридцать и сослужили не малую службу развитію эстетическаго вкуса въ публикѣ, подготовили публику къ переходу отъ мѣщанской драмы къ драмѣ художественной. Множество изданій (отъ 1801 до 1827 г.) пьесъ этого автора, подъ названіемъ *„Театръ Коцебу“* въ русскихъ переводахъ, служили доказательствомъ того обширнаго и глубокаго вліянія, которое направленіе мѣщанской драмы произвело на русскую публику. Естественно, что многіе русскіе писатели подражали „модному“ нѣмецкому автору. Примѣры: Н. Ильинъ написалъ *„Лизу, или торжество благодарности“* (1803) и *„Великодушіе, или рекрутскій наборъ“* (1804); В. Ѳедоровъ написалъ: *„Лизу, или слѣдствіе гордости и обольщенія“* (1804); Ѳ. Ивановъ написалъ пьесу *„За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ“* (1808) и др. Многія изъ такихъ пьесъ долго нравились, производили трогательное впечатлѣніе, вызывали въ театрѣ слезы умиленія. — Репертуаръ трогательной слезной комедіи состоялъ, главнымъ образомъ, изъ пьесъ князя Шаховскаго (1777—1846). Пьесы его, числомъ до семидесяти, составляли болѣе тридцати лѣтъ разнообразный и пріятный репертуаръ для столичныхъ и для провинціальныхъ театровъ. Независимо отъ интереснаго общечеловѣческаго содержанія, во многихъ сочиненіяхъ кн. Шаховскаго выступаютъ бытовыя черты русской жизни. Лучшія изъ комедій кн. Шаховскаго тѣ, которыя выводятъ современныя комическія черты дворянства средней руки: неразвитость, чванство, тщеславіе, послѣдствія жизни не по средствамъ и т. п. Таковы пьесы: *„Полубоярскія затѣи или домашній театръ“* (1808), *„Пустодомы“* (1820), *„Чванство Транжирина“* (1822). Естественно, что и у кн. Шаховскаго было не мало подражателей. Замѣчательны: комедія графа Ростопчина *„Вѣсти или убитый живой“* (1808) — насмѣшка надъ московскими вѣстовщиками и вѣстовщицами во время войны съ Наполеономъ; комедія Кокошкина *„Воспитаніе или вотъ приданое“* (1824), гдѣ выставлены, въ

противоположности, два рода женскаго воспитанія, институтское и пансіонское, причемъ преимущество отдается первому; комедіи И. Крылова: „*Урокъ дочкамъ*“ (1807) и „*Модная лавка*“ (1807), въ которыхъ осмѣивается пристрастіе русскихъ ко всему французскому, особенно къ ихъ языку и модамъ; комедіи Загоскина (1789—1852): „*Урокъ волокитамъ*“ (1815), „*Господинъ Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ*“ (1817), „*Добрый малый*“ (1820), „*Урокъ холостымъ*“ (1822) и „*Благородный театръ*“ (1828). Почти всѣ пьесы Загоскина отличаются остроумнымъ содержаніемъ, комизмомъ положенія дѣйствующихъ лицъ, неподдѣльною, добродушною веселостью, живымъ, свободнымъ языкомъ. Пьесы Загоскина поэтому долго пользовались на сценѣ заслуженнымъ успѣхомъ.

Направленіе подражательное, въ смыслѣ псевдоклассической трагедіи, проявилось съ особеннымъ блескомъ въ сочиненіяхъ Озерова (1770—1816). Пять трагедій Озерова: „*Ярополкъ и Олегъ*“ (1798), „*Эдипъ въ Аѳинахъ*“ (1804), „*Финналъ*“ (1805), „*Дмитрій Донской*“ (1807) и „*Поликсена*“ (1809) замѣчательны многими достоинствами. Онѣ выше трагедій Сумарокова и Княжнина не только своимъ звучнымъ, величественнымъ стихомъ, но еще тѣмъ, что въ нихъ гораздо больше естественности и положеній, и завязки, и развязки, нежели въ пьесахъ тѣхъ авторовъ. А главное—въ нихъ есть поэтическое одушевленіе. Оно чувствуется во многихъ трогательныхъ сценахъ; оно же содѣйствовало, въ свое время, горячему исполненію этихъ трагедій на сценѣ и глубокому впечатлѣнію трагедій на публику *). Съ этой точки зрѣнія Озе-

*) Съ особеннымъ блескомъ исполнялась пьеса «*Дмитрій Донской*». Она попала на сцену за нѣсколько дней до битвы подъ Прейсиш-Эйлау и своимъ историческимъ содержаніемъ и горячимъ одушевленіемъ совершенно соотвѣтствовала высоко-патріотическому настроенію, охватившему въ то время русское общество. Публика жадно вглядывалась и вслушивалась въ трагедію Озерова: сама собой напрашивалась аналогія между Мамаемъ и Наполеономъ, Дмитріемъ Донскимъ и Александромъ I. («*Dmitrij Donskoi*», der vom Gefühl des Patriotismus getragen ist, gelangte wenige Tage vor der Schlacht bei Preussisch-Eylau zur Aufführung und stimmte so recht zu der patriotisch-gehobenen Stimmung der russischen Gesellschaft. Das Stück ist voll von Beziehungen zu den damaligen politischen Verhältnissen. Der Tatarenchan Mamai, der Russland überfällt und Napoleon, Dmitrij der Donische und Alexander I—die Analogie schien evident und das Publicum war begeistert.»)—«*Geschichte der Russischen Litteratur*» von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit, von *Alexander von Reinholdt*. Leipzig und Berlin. 1885. Lieferung 8. S. 503.

ровъ для насъ въ одно и то же время есть и лучшій представитель французскаго псевдоклассицизма на русской сценѣ и преобразователь русской трагедіи, въ смыслѣ подготовки перехода ея отъ драмы псевдоклассической къ драмѣ художественно-національной. Изъ множества подражателей Озерова замѣчательны: Крюковскій—трагедія *„Пожарскій“* (1807), Плавильщиковъ—трагедія *„Ермакъ“* (1806), Иваповъ—трагедія *„Марѳа Посадница“* (1809), Висковатовъ — трагедія *„Владиміръ Мономахъ“* (1817), Грузинцевъ—трагедія *„Покоренная Казань“* (1811) и *„Эдипъ-царь“* (1812). Подъ вліяніемъ Озерова многіе русскіе писатели потрудились надъ переводомъ различныхъ пьесъ французскаго трагическаго репертуара: Корнеля, Расина, Вольтера.

Въ связи съ развитіемъ вкуса къ трогательной драмѣ и комедіи, въ этотъ же періодъ времени является на русской сценѣ новый видъ драмы: *мелодрама*, т. е. такая драма, въ которой наиболѣе трогательныя положенія и рѣчи сопровождаются музыкой (откуда и самое названіе—*мелодрама*), и новый видъ легкой комедіи — *водевиль*, т. е. пьеса съ куплетами. И тотъ, и другой видъ перешли къ намъ изъ французскаго репертуара и утвердились въ нашемъ въ двадцатыхъ годахъ. Многія изъ мелодрамъ пользовались большимъ и продолжительнымъ успѣхомъ, напр. *„Убійца и сирота“* (1819), *„Тридцать лѣтъ или жизнь игрока“*. Но потомъ мелодрама утратила свое первоначальное, хорошее значеніе, превратилась въ такое представленіе, въ которомъ естественность положеній и неподдѣльность трогательныхъ чувствъ отходятъ на второй планъ, на первый же выступаетъ расчетъ автора:—во что бы ни стало производить эффекты, возбуждать въ зрителѣ сильное ощущеніе, какимъ бы ни было способомъ, хотя и въ ущербъ художественной правдѣ. Изъ оригинальныхъ русскихъ мелодраматическихъ произведеній лучшія принадлежатъ перу Кукольника.—Водевиль, т. е. легкая остроумная комедія, съ граціозными игривыми куплетами, хорошо привился къ русской сценѣ и долго держался на ней въ своей первоначальной чистотѣ, не вырождаясь въ фарсъ или въ ѣдкую сатиру въ лицахъ. Въ составѣ русскаго репертуара уже въ концѣ прошлаго столѣтія появляются пьесы водевильнаго значенія, напр. Аблесимова *„Мельникъ“* (1779), Княжнина—*„Несчастье отъ кареты“* (1781), его

же *„Сбитенщикъ“* (1783). Нѣкоторыя изъ сочиненій кн. Шаховскаго,—напримѣръ *„Казакъ-стихотворецъ“*, *„Урокъ кокеткамъ“*,— и Загоскина, напримѣръ:—*„Вечеринка ученыхъ“*—также подходятъ къ виду водевиля; но болѣе прочихъ писателей обработалъ французскій водевиль для русской сцены Хмѣльницкій (1789—1846). Лучшіе, по остроумію и изяществу, изъ его переводовъ и передѣлокъ: *„Говорунъ“* (1817), *„Воздушные замки“* (1818), *„Бабушкины попугаи“* (1819) *„Семь пятницъ на недѣлѣ“* (1820), *„Суженаго конемъ не объѣдешь“* (1821) и др.

Дальнѣйшее развитіе русской драматической поэзіи идетъ широкимъ и увѣреннымъ шагомъ впередъ. На пространствѣ царствованій Николая I и Александра II самыми яркими чертами обозначены поэтическія произведенія Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя и Островскаго. Эти величайшіе наши драматурги дали новое направленіе, силу, блескъ и художественное значеніе русской драматической поэзіи, дали художественное содержаніе національной сценѣ, какъ въ столицахъ, такъ и въ наиболѣе значительныхъ центрахъ провинціальной жизни: Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Тифлисѣ, Казани и т. д. За этими же четырьмя руководителями русскаго драматическаго искусства пошли многочисленные *таланты-писатели:* графъ Алексѣй Толстой, Тургеневъ, Чаевъ, Потѣхины, Стебницкій, Писемскій, Погосскій, Дьяченко, Крыловъ и др. На этихъ же главнѣйшихъ четырехъ національныхъ драматургахъ, т. е. на ихъ художественныхъ созданіяхъ, воспиталось, развилось новое поколѣніе *талантовъ-исполнителей*, актеровъ и актрисъ, въ области драмы: Мочаловъ, Полтавцевъ, Максимовъ, Самаринъ, Самойловъ, Леонидовъ, Орлова, Снѣткова, Ѳедотова, Васильева и др., въ области серьезной комедіи: Щепкинъ, Ленскій, Мартыновъ, Сосницкій, Садовскій, Шумскій, Липская, Никулина, Жулева и др.

Пушкинъ (1799—1837) своею исторической драмою *„Борисъ Годуновъ“* (напис. въ 1825 г.) указалъ путь къ окончательному освобожденію русской драмы отъ послѣднихъ остатковъ псевдоклассическихъ преданій. Еще свѣжія у всѣхъ впечатлѣнія трагедій Озерова поблѣднѣли, исчезли всѣ, безъ слѣда, какъ только появился въ печати (1831 г.) этотъ образецъ еще небывалой у насъ художественной трагедіи, въ духѣ Шекспира. Разомъ ото-

шли въ архивъ остатки псевдоклассической искуственности въ виду художественной простоты и правды Пушкинской драмы. Въ томъ же направленіи и съ тою же поэтической силой и прелестью написаны и прочія драматическія произведенія Пушкина: *„Сцены изъ „Фауста“* (1825), *„Скупой рыцарь“* (1830), *„Моцартъ и Сальери“* (1830), *„Каменный гость“* (1830), *Русалка“* (1832).

Грибоѣдовъ (1795—1829) своей безсмертной комедіей *„Горе отъ ума“* (первое представленіе ея на сценѣ Большаго театра въ 1831 г.) навсегда установилъ въ русской драматической поэзіи образецъ такой высокой художественной комедіи общественныхъ нравовъ, въ которой съ сильнымъ историческимъ содержаніемъ соединяется вольное, широкое развитіе характеровъ, типическое воспроизведеніе эпохи, живой юморъ, блестящій, остроумный и изящный стихъ. Съ перваго представленія и до сихъ поръ эта „безсмертная“ пьеса остается не только образцомъ высокой общественной комедіи, но также—высокой школой для выработки „своего рода литературной музыки“, какъ Гончаровъ называетъ тонкое, художественное чтеніе подобныхъ этой комедіи поэтическихъ произведеній *).

Гоголь (1808—1852) своими драматическими сочиненіями вообще—*„Игроки“*, *„Утро дѣловаго человѣка“*, *„Тяжба“*, *„Лакейская“*—и особенно *„Женитьбой“* (1833) и *„Ревизоромъ“* (1836) расширилъ на сценѣ область образцовыхъ типическихъ воспроизведеній родной общественности. Творенія Гоголя стали во главѣ школы для всѣхъ слѣдующихъ за нимъ писателей-комиковъ, изъ которыхъ каждый, по мѣрѣ своего дарованія, можетъ приближаться къ этому великому наставнику. Но кромѣ своихъ драматическихъ произведеній, Гоголь, въ драматической же формѣ, именно въ сочиненіи *„Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленія новой комедіи“*, преподалъ русской публикѣ правильный взглядъ не только на значеніе комедіи нравовъ въ частности, но и вообще—на благородно-воспитательное значеніе для людей драматической поэзіи, въ созданіяхъ великихъ художниковъ-писателей.

Островскій (1832—1886) примыкаетъ непосредственно къ

*) Гончаровъ: «*Милліонъ терзаній*». Критическій этюдъ. 1871.

тремъ величайшимъ родоначальникамъ русской художественной драмы и комедіи, т. е. къ Пушкину, Грибоѣдову и Гоголю. Первая же замѣчательная пьеса Островскаго *„Свои люди—сочтемся“* (1850) произвела на общество живѣйшее впечатлѣніе и возбудила въ публикѣ восторженныя надежды. Тогда же было выражено объ Островскомъ, что онъ „новое сказалъ намъ слово, хоть правдѣ старой послужилъ“. Эта *старая правда* есть ничто иное, какъ истинная свѣтлая поэзія, служащая идеальному воспроизведенію жизни; это *новое слово* есть — особенность направленія, которое обнаружилось въ первой же капитальной пьесѣ Островскаго и потомъ прошло во всѣхъ его важнѣйшихъ сочиненіяхъ, а именно: разработка бытовыхъ сторонъ русскаго купечества, мѣщанства и средней руки чиновничества. Этому новому національному направленію Островскій остался вѣренъ во всѣхъ своихъ лучшихъ драматическихъ произведеніяхъ. За Островскимъ навсегда упрочена слава, что онъ, въ глубоко-задуманныхъ, ярко-типическихъ картинахъ вывелъ на показъ русской публикѣ тѣ именно области русской семейной и общественной жизни, которыя до него чуть затронуты въ сочиненіяхъ даже даровитѣйшихъ нашихъ драматурговъ, его предшественниковъ. Глубокое знаніе своего предмета, цѣльность и оригинальность характеровъ дѣйствующихъ лицъ, драматичность и сценичность его пьесъ, сжатый, сильный, изобразительный стихъ, живая, типичная — въ чисто-народномъ складѣ—рѣчь обезпечили пьесамъ Островскаго быструю извѣстность, утвердили ихъ въ репертуарѣ столичномъ и провинціальномъ. Какъ всегда бываетъ съ яркими, поэтическими изобличеніями всякихъ нескладицъ въ семейныхъ и общественныхъ нравахъ, такъ случилось и съ комедіями Островскаго. Лучшія изъ нихъ возбудили наиболѣе озлобленные крики въ тѣхъ именно темныхъ уголкахъ русской дѣйствительности, куда попали яркіе лучи свѣта поэзіи Островскаго. Время и прогрессъ просвѣщенія сдѣлали, однакоже, свое дѣло: чѣмъ больше вникали въ его бытовыя комедіи и драмы, тѣмъ лучше ихъ понимали, тѣмъ сильнѣе чувствовали ихъ нравственное и поэтическое значеніе. Пьесы пришлись по сердцу русскимъ людямъ, заполонили собою театръ, въ теченіе лѣтъ тридцати составляли—и даже до сихъ поръ составляютъ—лучшее содержаніе русской сцены. Промежду пьесъ

Островскаго расположились немалочисленныя, болѣе или менѣе замѣчательныя, произведенія его подражателей.

Сочиненія Островскаго, по преобладающему въ нихъ направленію и художественному достоинству, могутъ быть собраны въ слѣдующія характерныя группы: 1) драматическія сцены или картины нравовъ; 2) бытовыя, художественныя комедіи и драмы; 3) историческія драмы или драматическія хроники. Особнякомъ стоятъ сдѣланные Островскимъ переводы драматическихъ сочиненій съ итальянскаго, англійскаго, испанскаго языковъ. Наиболѣе сильныя въ художественномъ отношеніи пьесы Островскаго составляютъ первыя двѣ группы. По времени, оригинальныя драматическія сочиненія и переводы Островскаго располагаются въ такомъ порядкѣ, съ 1847 по 1886 годъ *):

1847. — *„Картина семейнаго счастья“*, впослѣдствіи (1856) напечатана подъ заглавіемъ: *„Семейная картина“*.
1850. — *„Свои люди — сочтемся“*. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.
— — *„Утро молодаго человѣка“*. Сцены.
1851. — *„Неожиданный случай“*. Драм. этюдъ.
1852. — *„Бѣдная невѣста“*. Комедія въ 5 дѣйств.
1853. — *„Не въ свои сани не садись“*. Комедія въ 3 дѣйств.
1854. — *„Бѣдность не порокъ“*. Комедія въ 3 дѣйств.
1855. — *„Не такъ живи какъ хочется“*. Народная драма въ 3 дѣйств.
1856. — *„Въ чужомъ пиру похмѣлье“*. Комедія въ 2 дѣйств.
1857. — *„Доходное мѣсто“*. Комедія въ 5 дѣйств.
— — *„Праздничный сонъ до обѣда“*. Картины изъ московской жизни.
1858. — *„Не сошлись характерами“*. Картины изъ московской жизни.
1859. — *„Воспитанница“*. Комедія въ 4 дѣйств.
1860. — *„Гроза“*. Драма въ 5 дѣйств. Это знаменитое произведеніе, удостоенное Уваровской преміи, недавно переведено на французскій языкъ, подъ заглавіемъ: *„L'Orage“*, drame traduit par Legrelle. Gand. 1885.

*) *«Вѣстникъ Европы»* 1886. Іюль и отдѣльно изданные въ 1886 г. Мартыновымъ два тома *«Драматическихъ переводовъ»* Островскаго.

1860. — *„Старый другъ лучше новыхъ двухъ“*. Комедія въ 3 дѣйств.

1861. — *„Свои собаки грызутся, чужая не приставай“*. Картины изъ московской жизни.

— — *Женитьба Бальзаминова, или Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь“*. Картины изъ московской жизни.

1862. — *„Козьма Захарьичъ Мининъ-Сухорукъ“*. Драм. хроника (1611—1612) въ 2 дѣйств. съ эпилогомъ, въ стихахъ.

1863. — *„Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“*. Драма въ 4 дѣйств. Эта пьеса также удостоена Уваровской преміи.

— — *„Тяжелые дни“*. Сцены изъ московской жизни въ 3 дѣйств.

1864. — *„Шутники“*. Картины изъ москов. жизни въ 4 дѣйств.

1865. — *„Воевода или Сонъ на Волгѣ“*. Комедія въ 5 дѣйств. съ прологомъ, въ стихахъ.

— — *„На бойкомъ мѣстѣ“*. Комедія въ 3 дѣйств.

— — *„Усмиреніе своенравной“*. Комедія въ 5 дѣйств. Шекспира (перев. съ англ.).

1866. — *„Пучина“*. Сцены изъ моск. жизни, въ 4 отдѣленіяхъ.

1867. — *„Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“*. Драмат. хроника въ 2 част., въ стихахъ.

1867. — *„Тушино“*. Драм. хроника въ стихахъ.

1868. — *„Василиса Мелентьева“*. Драма въ 5 дѣйств. (въ сотрудничествѣ съ С. А. Гедеоновымъ).

— — *„На всякаго мудреца довольно простоты“*. Комедія въ 5 дѣйств.

1869. — *„Горячее сердце“*. Комедія въ 5 дѣйств.

1870. — *„Бѣшеныя деньги“*. Комедія въ 5 дѣйств.

1871. — *„Лѣсъ“*. Комедія въ 5 дѣйств.

— — *„Великій банкиръ“*. Комедія въ 2 част. Соч. Итало-Франки. Перев. съ итал.

— — *„Не все коту масляница“*. Сцены изъ московск. жизни.

1872. — *„Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ“*. Комедія въ 5 дѣйств.

— — *„Заблудшія овцы“*. Ком. въ 4 дѣйств. Соч. Теобальдо-Чикони: *„Le pecorelle smarite“*. Перев. съ итальянск.

— — *„Кофейная“*. Ком. въ 3 дѣйств. Соч. Гольдони: *„La bottega del caffe“*. Перев. съ итальянскаго.

1872. — *„Рабство мужей“*. Ком. въ 3 карт. Заимствована изъ франц. пьесы: *„Les maris sont esclaves“*, par A. de Leris.

— — *„Семья преступника“*. Драма въ 5 дѣйств. Соч. Джіакометти: *„La morte civile“*, перев. съ итальянскаго.

1873. — *„Комикъ XVII столѣтія“*. Ком. въ 3 дѣйств. съ эпилогомъ, въ стихахъ.

— — *„Снѣгурочка“*. Весенняя сказка въ 4 дѣйств. въ стихахъ.

1874. — *„Поздняя любовь“*. Сцены изъ жизни захолустья, въ 4 дѣйств.

— — *„Трудовой хлѣбъ“*. Сцены изъ жизни захолустья, въ 4 дѣйств.

1875. — *„Волки и овцы*. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ.

1876. — *„Богатыя невѣсты“*. Комедія въ 4 дѣйств.

1877. — *„Правда хорошо, а счастье лучше“*. Комед. въ 4 д.

1878. — *„Послѣдняя жертва“*. Комед. въ 5 дѣйств.

— — *„Женитьба Бѣлугина“*. Ком. въ 5 дѣйств. (въ сотрудничествѣ съ Н. Я. Соловьевымъ).

1879. — *„Безприданница“*. Драма въ 4 дѣйств.

— — *„Добрый баринъ“*. Шутка въ 1 дѣйств. (заимствовано).

1880. — *„Дикарка“*. Ком. въ 4 дѣйств. (въ сотрудничествѣ съ Н. Я. Соловьевымъ).

— — *„Сердце не камень“*. Комед. въ 4 дѣйств.

1881. — *„Невольницы“*. Комед. въ 4 дѣйств.

— — *„Блажь“*. Комед. въ 4 дѣйств. (въ сотрудничествѣ съ П. М. Невѣжинымъ).

— — *„Свѣтитъ да не грѣетъ“*. Драма въ 4 дѣйств. (въ сотрудничествѣ съ Н. Я. Соловьевымъ).

1882. — *„Таланты и поклонники“*. Ком. въ 4 дѣйств.

1883. — *„Красавецъ мужчина“*. Комед. въ 4 дѣйств.

— — *„Безъ вины виноватые“*. Драма въ 3 дѣйств.

— — *„Судья по бракоразводнымъ дѣламъ“*. Интермедія Мигуэля Сервантеса Сааведра: *„Del Juez de los divorcios“*. Перев. съ испанскаго.

1884. — *„Бдительный стражъ“*. Интерм. Сервантеса: *„La guarda cuidadosa“*. Перев. съ испанскаго.

— — *„Театръ чудесъ“*. Интерм. Сервантеса: *„El retablo de las maravillas“*. Перев. съ испанскаго.

1885. — *„Не отъ міра сего“*. Семейная сцена въ 3 дѣйств.
— — *„Саламанская пещера“*. Интерм. Сервантеса: *„La cueva de Salamanca“*. Перев. съ испанскаго.
— — *„Два болтуна“*. Интерм. Сервантеса: *„Dos habladores“*. Перев. съ испанскаго.

Не столько количество пьесъ (въ числѣ приведенныхъ 64 названій — 51 оригинальныхъ произведеній), сколько ихъ содержаніе, духъ и художественность опредѣляютъ заслуги Островскаго передъ отечественною литературою вообще и передъ сценою въ частности. Эта заслуга и это національное значеніе Островскаго смѣло, сердечно и художественно-ярко выражены въ стихотвореніи С. Фруга, написанномъ въ іюнѣ 1886 года, т. е. нѣсколько дней спустя послѣ смерти Островскаго *).

Закрылись и твои пытующія очи,
Порвалась вѣщихъ думъ сверкающая нить.
Со взоромъ, какъ звѣзда, горѣвшимъ въ мракѣ ночи,
Съ рукой простертою, чтобы творить,
Съ поднятой высоко и гордо головою,
Съ привѣтомъ свѣтлому, грядущему труду, —
Ты палъ, какъ падаетъ боецъ, грядущій къ бою,
Какъ падаетъ орелъ, сраженный на лету...

* * *

Искусства славнаго работникомъ и сыномъ
Ты началъ путь земной въ счастливые тѣ дни,
Когда въ родныхъ горахъ, по вѣковымъ вершинамъ,
Горѣли яркіе воскресные огни;
И дума русская, порвавъ оковы страха,
Вставала гордая, воскресшая изъ праха,
И глыбы старыхъ льдинъ срывая съ мощныхъ плечъ,
Сметая пыль вѣковъ съ лица роднаго края,
Какъ вѣщій звукъ трубы будя и призывая,
Звучала новая, живительная рѣчь.

* * *

*) «*Театральный міръ*». 1886 г. 14 іюня.

И этихъ силъ родникъ, и звуки рѣчи этой
Въ душѣ твоей, огнемъ божественнымъ согрѣтой,
Кипѣли до конца твоихъ блаженныхъ дней...
Взвивался занавѣсъ и падалъ передъ нами, —
И шли они, и шли мятежными толпами,
Питомцы нашихъ золъ, пороковъ и страстей.
Какое море зла и бездна тьмы глубокой!
И только рѣдкій лучъ, дрожащій, одинокій,
Едва мерцалъ вдали, надъ бездной этой тьмы.

* * *

Какъ содрогались мы предъ этими страстями!
Какъ страшно этотъ мракъ клубился передъ нами!
Но этотъ мракъ былъ нашъ, но это были мы, —
И шли мы всѣ къ тебѣ, тая свои терзанья,
Съ горячей краскою стыда и покаянья...
И шла вся Русь къ тебѣ, со всѣхъ сторонъ родныхъ,
Съ любовью, съ гордостью твой трудъ благословляя
И въ твой вѣнокъ цвѣты безсмертные вплетая
Восторговъ чистыхъ и святыхъ!

* * *

И будемъ плакать мы семьею сиротливой,
Склонившись предъ твоей могилой дорогой,
О томъ, что надъ глухой и чахлой русской нивой
Не зазвучитъ уже во-вѣки голосъ твой...
Но все же надъ твоей могилою сильнѣе
Забьется наше сердце, и свѣтлѣе
Зажжется лучъ надежды золотой,
Что не умретъ народъ родной, способный
Рождать такихъ, какъ ты, учитель дорогой,
Любить любовью искренней такой
И плакать надъ плитою ихъ надгробной
Съ такой сознательной, глубокою тоской!...

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.

Островскій

Александръ Николаевичъ. 1832—1886 г.

Стр.

Содержаніе: біографическая замѣтка. Мѣсто Островскаго среди первоклассныхъ отечественыхъ писателей. Общее содержаніе и значеніе его поэзіи. Впечатлѣніе его бытовыхъ комедій и драмъ. Основные, мужскіе и женскіе, типы въ этихъ сочиненіяхъ. Отличительныя особенности его драматическихъ хроникъ. Группировка сочиненій Островскаго. Художественное ихъ значеніе, по содержанію и формѣ. 3

Глава II.

Островскій.

Содержаніе: общее замѣчаніе о драматической сценѣ «*Семейная картина*». Содержаніе пьесы. Характеристика дѣйствующихъ лицъ. Основные типы бытовыхъ комедій Островскаго изъ купеческаго быта.—Общее замѣчаніе о драматическихъ сценахъ «*Тяжелые дни*». Краткое содержаніе. Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Типическіе наброски купеческаго самодурства и разнаго темнаго люда изъ мелкихъ стряпчихъ и отставныхъ чиновниковъ,—ходатаевъ по частнымъ дѣламъ 11

Глава III.

Островскій.

Содержаніе: разборъ комедіи «*Свои люди—сочтемся*» (1850). Общее замѣчаніе о пьесѣ. Подробное содержаніе комедіи. Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Самсона Силыча Большова, Подхалюзина и Липочки. Общее впечатлѣніе, художественное и общественное значеніе этой комедіи. Отрывки. 22

Глава IV.

Островскій.

«*Бѣдность не порокъ*» (1854) и «*Въ чужомъ пиру похмѣлье*» (1856). Содержаніе ихъ. Характеристика главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Гордѣя и Любима Торцовыхъ и Тита Титыча Брускова. Опредѣленіе самодурства 34

Глава V.

Островскій.

Содержаніе: разборъ драматической хроники «*Козьма Захарьичъ Мининъ, Сухорукъ*» (1862). Общее замѣчаніе объ этой пьесѣ и романтическій въ ней элементъ. Краткое содержаніе. Главныя дѣйствующія лица: Мининъ, князь Пожарскій, боярскій сынъ Поспѣловъ, Татьяна Юрьевна и Марѳа Борисовна. Характеристика ихъ. Художественное значеніе пьесы. Историческіе и поэтическіе элементы въ драмѣ. 42

Глава VI.

Островскій.

Содержаніе: общее замѣчаніе о драматической хроникѣ *«Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій»* (1867). Содержаніе ея. Главныя дѣйствующія лица: Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій. Характеристика ихъ. Значеніе лицъ второстепенныхъ и замѣчательнѣйшія изъ нихъ: П. Ѳ. Басмановъ, царица-инокиня Марѳа и Марина Мнишекъ. Историческое и поэтическое значеніе этой драматической хроники. 56

Глава VII.

Историческая замѣтка о развитіи драматическаго театра въ Россіи и о значеніи Островскаго для русской сцены.

Содержаніе: Начало русскаго театра. Западно-европейскія *мистеріи* и постепенное превращеніе ихъ изъ церковныхъ представленій въ свѣтскую драму. Представленія церковно-библейскаго содержанія въ Кіевской духовной академіи. *Мистеріи, интермедіи, интерлюдіи.* Духовныя драмы и комедіи въ Москвѣ. Димитрій Ростовскій, Симеонъ Полоцкій, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Начало свѣтскаго русскаго театра. Ломоносовъ. Сумароковъ. Ложно-классическія трагедіи и комедіи. Театръ въ Елисаветинскую эпоху. Учрежденіе въ Петербургѣ перваго постояннаго театра. Первые замѣчательные русскіе актеры: Волковъ и Дмитревскій. Вѣкъ Екатерины II. Драматическія сочиненія Екатерины, Княжнина, Фонъ-Визина. Постепенное освобожденіе русской драмы отъ ложно-классическаго направленія. Мѣщанская трагедія, слезная комедія. Капнистъ. Судовщиковъ. Вѣкъ Александра I. Успѣхи драматическаго дѣла въ Россіи. *«Драматическій Вѣстникъ»*. Учрежденіе Театральнаго училища. Вѣдомство Императорской Театральной дирекціи. Двойное направленіе въ ходѣ драматической поэзіи этого времени: развитіе вкуса къ мѣщанской драмѣ и преданія ложно-классической трагедіи: Коцебу и его русскіе подражатели. Озеровъ. Крюковскій. Князь Шаховской. И. Крыловъ. Загоскинъ. Мелодрама и водевиль. Кукольникъ и Хмѣльницкій. Дальнѣйшее развитіе художественной драмы и комедіи. Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь и ихъ значеніе для русскаго драматическаго искусства. Главнѣйшія направленія въ драматическомъ творчествѣ Островскаго и заслуги его передъ отечественной сценой. Перечень сочиненій Островскаго. Переводы. Оцѣнка поэтическаго значенія Островскаго въ стихотвореніи Фруга, написанномъ въ іюнѣ 1886 г. 79